

ОЧЕРКЪ

исторіи Костромы съ древнѣйшихъ вре-
мень до царствованія Михаила Ѳеодо-
ровича. .

СЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИМИ СНИМКАМИ.

Составилъ учитель Костромскаго реального училища
И Миловидовъ. .

КОСТРОМА,
Типо-литографія Ф. А. Фалькъ, Сусанинская площадь.

1886.

Дозволено цензурою, Москва, 1886 г. января 28 дня.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ составленію предлагаемаго очерка исторіи Костромы съ древнѣйшихъ временъ до царствованія Михаила Феодоровича, авторъ прежде всего имѣлъ цѣлю критически провѣрить всѣ имѣющіеся въ печати очерки исторіи Костромы. Какъ видно, основой для тѣхъ историческихъ очерковъ, которые въ сокращенномъ видѣ помѣщены: «въ Матеріалахъ для географіи и статистики Костромской губерніи Крживоблоцкаго, въ Памятной книжкѣ Костромской губерніи на 1862 г., въ Спискахъ населенныхъ мѣстъ Костромской губерніи» и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ, послужилъ трудъ князя Козловскаго: «Взглядъ на исторію Костромы» 1840 г. Трудъ этотъ, хотя и почтенный, по настоящему состоянію и развитію исторической науки, не можетъ быть названъ вполне удовлетворительнымъ; въ немъ помѣстамъ есть невѣрности и неточности. На выдержку приведемъ нѣкоторыя мѣста. Такъ начальныя строки труда: «страна, занимаемая теперь Костромою, вѣроятно, обитаема была народами *славянскаго* поколѣнія, именовавшимися *Меря*» содержать очевидную историческую неправильность, такъ какъ меряне были не славяне, а финны. Затѣмъ построеніе Костромы кн. Козловскій приписываетъ Юрію Долгорукому, не подтверждая этого очевиднымъ свидѣтельствомъ лѣтописи. Вообще видно, что о бытѣ первоначальныхъ насельниковъ въ Костромскомъ краю кн. Козловскому мало было извѣстно, очевидно, по той причинѣ, что русская археологія была въ его время еще въ зачаткахъ. Названіе г. Костромы кн. Козловскій производитъ совершенно произ-

вольно отъ города Костра, бывшаго въ Ливоніи, не далеко отъ нынѣшняго Дерпта, или замка Кострума, гдѣ послѣ построень Ревель. Основаніе для названія города Костромою отъ замка Кострума кн. Козловскій видитъ въ сходствѣ мѣстоположенія Костромы съ мѣстоположеніемъ этого замка. Не трудно замѣтить всю несообразность такого словопроизводства. Такимъ способомъ можно названіе Костромы произвести не только отъ замка или города въ Ливоніи, а пожалуй откуда нибудь и подальше, даже изъ Африки. Впрочемъ князь Козловскій присоединяетъ и молву старожилъ, что названіе города происходитъ отъ наименованія рѣки Костромы, а послѣдняя будто бы получила свое названіе отъ заготовляемаго зимою при берегахъ ея величайшими кострами лѣса, сплавляемаго весною въ г. Кострому. Очевидно, что кн. Козловскому не извѣстна была древне-русская мифологія, изъ которой мы узнаемъ о божествѣ весны у языческихъ славянъ, называвшемся прямо Костромою. Въ нашемъ очеркѣ мы обстоятельно изложили по вопросу о названіи города Костромы. Въ дальнѣйшемъ изложеніи кн. Козловскаго, особенно по древнему періоду, встрѣчается не мало неправильностей и даже иногда существенныхъ, вошедшихъ и въ другіе сокращенные очерки, перечисленные нами раньше. Всѣ эти неправильности и неточности и вызвали насъ на провѣрку имѣющихся очерковъ по первоисточникамъ—лѣтописямъ и на основаніи позднѣйшихъ трудовъ по русской исторіи и археологіи. Кромѣ неправильностей въ очеркахъ оказалась и неполнота, очевидны пробѣлы, которые мы восполнили, и, какъ результатъ нашей работы, предлагаемъ читателямъ настоящій очеркъ исторіи Костромы съ древнѣйшихъ временъ до царствованія Михаила Ѳеодоровича.—Авторъ не дерзаетъ претендовать на полную удовлетворительность и его труда потому особенно, что онъ не могъ, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ ему пришлось работать, воспользоваться всѣми списками лѣтописей, хотя главнѣйшіе списки были у него подъ руками, и особенно не могъ воспользовать-

III.

ся всѣми архивными данными и всѣми трудами по древне-русской исторіи. Поэтому на законченность и совершенную полноту настоящаго труда авторъ не можетъ претендовать. Тѣмъ не менѣе тѣми матеріалами, которые возможно было имѣть подъ руками, авторъ воспользовался внимательно и извлекъ изъ нихъ все, касающееся предмета своего труда. Авторъ можетъ надѣяться, что на основаніи имѣющагося и изложеннаго матеріала, историческое значеніе Костромы и Галича уяснится читателю, такъ какъ всѣ историческія событія, касающіяся Костромы и Галича, изложены обстоятельно. — Что же касается самаго древняго періода исторіи Костромы, то здѣсь авторъ высказываетъ свой личный взглядъ на этотъ періодъ, не высказанный доселѣ никѣмъ изъ изслѣдователей. По недостатку прямыхъ историческихъ данныхъ взглядъ этотъ больше проблематическій, тѣмъ не менѣе имѣющій за себя много вѣроятности. Авторъ будетъ очень радъ, если на его взглядъ на начальную исторію Костромы будутъ сдѣланы возраженія, подкрѣпленныя очевидными историческими данными. Они послужатъ лишь къ уясненію начальнаго періода исторіи Костромы.

Въ заключеніе авторъ не можетъ не выразить глубокой признательности г. редактору Костромскихъ губернскихъ вѣдомостей В. Г. Пирогову за его просвѣщенное вниманіе къ этому труду и за дѣятельное участіе въ 1-мъ изданіи его.

Авторъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

I. Установка взгляда на начальную историю гор. Костромы	1—36
II. Периодъ владимірскій въ исторіи Костромы:	
а) княженіе Василія Ярославича Костром- скаго	37—44
б) событія въ Костромскомъ и Галицкомъ княжествахъ по смерти Василія Ярославича Ко- стромскаго	44—53
III. Периодъ московскій въ исторіи Костромы и Га- лича до княженія Василія Темнаго	54—64
Послѣдняя усобица въ рюриковомъ домѣ изъ за великаго княженія	65—93
Событія въ исторіи Костромы съ половины XV-го в. до періода царей	93—106
IV. Периодъ исторіи Костромы и Галича въ эпоху царей	107—142
V. Историческія свѣдѣнія о Костромѣ во время междоусобицъ	143—150
Дополненіе къ исторіи Костромы и Галича XIV вѣка	151—157
Дополненіе къ исторіи Костромы XVI и нача- ла XVII вѣковъ	158—167

І. Установка взгляда на начальную историю г. Костромы.

Очерки истории г. Костромы помещены въ «Материалахъ для географіи и статистики Россіи, Костромская губернія, Я. Кривоблоцкаго, 1861 г. (*), въ Памятной книжкѣ Костромской губерніи на 1862 г., составленной Костромскимъ губ. статистическимъ комитетомъ, въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, Костромская губернія, 1877 г., въ книгѣ: Волга отъ Твери до Астрахани, 1862 г., и въ нѣкот. другихъ изданіяхъ.

Очерки эти сходны между собою, за исключеніемъ разницы въ большей или меньшей полнотѣ. Сходство во взглядѣ прежде всего на начальную историю Костромы объясняется тѣмъ, что очерки составлялись въ зависимости одинъ отъ другаго и всё на основаніи данныхъ историческихъ, приведенныхъ въ исторіи Карамзина. Только въ Спискахъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи и въ частности Костромской губерніи мы находимъ обстоятельное изслѣдованіе о народонаселеніи Костромской губерніи въ древнѣйшее доисторическое время—финскомъ племени Мери, о колонизированіи Костромскаго края славянскихъ племенъ, потомъ—небезосновательныя гипотезы о началѣ и основаніи города Костромы.

Въ настоящей статьѣ мы не будемъ касаться доисторическаго быта области, занимаемой нынѣ Костромскою губерніей. Мы постараемся прослѣдить начальный, историческій періодъ исторіи

(*) Г. Кривоблоцкій пользовался, между прочимъ источниками и изслѣдованіями, историческимъ описаніемъ г. Костромы гг. Козловскаго и историческимъ же описаніемъ Костромы Васильева.

г. Костромы, Костромскаго и Галицкаго княжествъ, на основаніи данныхъ, извлеченныхъ нами изъ лѣтописей, придавъ имъ объясненіе, которое служило бы установкой правильнаго, по нашему мнѣнію, взгляда на начальную исторію г. Костромы, Костромскаго и Галицкаго княжествъ. Правда, что и имѣющіеся очерки исторіи Костромы изложены на основаніи тѣхъ же лѣтописныхъ свѣдѣній, извлеченныхъ Карамзинымъ, тѣмъ не менѣе послѣдніе излагаются въ очеркахъ или безъ удовлетворительнаго поясненія ихъ или даже съ историческими и хронологическими неправильностями. Поэтому мы должны возстановить вѣрность и точность историческихъ фактовъ, касающихся исторіи Костромы, и придать имъ надлежащій смыслъ и объясненіе.—Прежде мы коснемся въ краткихъ чертахъ начала и распространенія славянской колонизаціи въ томъ краѣ, который извѣстенъ былъ въ старину подъ названіемъ Ростовско-Суздальской земли, скажемъ о древнѣйшихъ (старыхъ) и позже возникшихъ (новыхъ) городахъ въ ней. При этомъ, по недостатку прямыхъ лѣтописныхъ связей о началѣ г. Костромы, мы должны будемъ по необходимости ограничиться одними предположеніями о времени и мѣстѣ построенія г. Костромы, подкрѣпленными, впрочемъ, лѣтописными же и нѣкоторыми другими данными и мнѣніями нашихъ историковъ. Вопросъ о возникновеніи г. Костромы представляетъ интересъ для изслѣдователя и въ этомъ случаѣ приходится дорожить всякимъ косвеннымъ намекомъ, всякимъ вещественнымъ памятникомъ или устнымъ преданіемъ, такъ какъ Кострома одинъ изъ тѣхъ городовъ Ростовско-Суздальской земли, о началѣ которыхъ нѣтъ прямыхъ извѣстій въ лѣтописяхъ. Скажемъ сначала о распространеніи славянской колонизаціи въ Ростовско-Суздальской землѣ, на основаніи научныхъ изслѣдованій.

Въ области верхней Волги и ея притоковъ коренными, или точнѣе, древнѣйшими обитателями были финны, а славяне явились среди нихъ только позднѣйшими поселенцами: на Бѣлѣозерѣ съ-

дять Весь, а на Ростовскомъ озерѣ Меря, а на Клецинѣ озерѣ (Плещеево, Переяславское) Меря же. По Окѣ рѣкѣ, гдѣ втечетъ въ Волгу, Мурома изыкъ свой и Черемиси свой изыкъ, Мордва свой изыкъ.... Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словенѣхъ, на Мери и на Весѣхъ... И прія власть Рюрикъ и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ.. и тѣмъ градомъ суть находници Варязи, а первіи насельници въ Новѣ-городѣ Словене... въ Ростовѣ Меря... и тѣмъ всѣмъ обладаше Рюрикъ (*). Финское племя Меря обитало на лѣвой сторонѣ верхней Волги, за тѣмъ на берегахъ озеръ Неро и Клецино и вообще на всемъ пространствѣ отъ устьевъ рр. Мологи и Шексны приблизительно до р. Унжи. Восточная граница Мерянской области, начиная съ лѣсистой мѣстности Устюжскаго уѣзда, шла рѣками: Межею, Унжею, до впаденія послѣдней въ Волгу. На сѣверѣ граница Мерянской области, вѣроятно, шла рѣкою Сухоною чрезъ густые лѣса и болотистыя мѣстности Тотемскаго и Вологодскаго уѣздовъ до южной части Бубенскаго озера и верховьевъ р. Шексны. Восточная оконечность южной границы не опредѣляется никакимъ точнымъ рубежемъ, наравнѣ съ южною оконечностью восточной границы, потому что мерянскія поселенія встрѣчаются за Окою на Тешѣ; затѣмъ граница держится праваго берега Тешы, Оки, Клязьмы, поворачиваетъ на югъ и идетъ по Муромскому и Судогодскому уѣздамъ до встрѣчи съ Окою, переходитъ Оку и только при поворотѣ Оки на сѣверъ держится этой рѣки и восточнаго берега рѣки Москвы до впаденія рѣки Нерской. Рѣка Нерская доказываетъ, что Меряне по теченію ея донили до р. Москвы, а Москвою и Окою проникли въ Рязанскій и Пронскій уѣзды; даже въ Алексинскомъ уѣздѣ встрѣчается рѣка Нерская. Западная граница, начинаясь у впаденія р. Нерской или Мерской въ р. Москву, шла на сѣверъ по теченію р. Москвы по Коломен-

(*) Лаврент. лѣтоп., стр. 10 в годъ 858 г. и слѣд.

скому, Бронницкому, Богородскому и Клинскому уѣздамъ, поворачивая на западъ въ Зубцовскій уѣздъ, проходила восточною оконечностью Новоторжскаго уѣзда по р. Тверць, затѣмъ шла къ Великому озеру въ Корчевскомъ уѣздѣ до верховьевъ рѣкъ Каменки и Сити, примыкая на западъ отъ р. Сити къ р. Мологѣ. Мерю окружали съ трехъ сторонъ единоплеменные съ нею финскія народности: Мурома, Мордна, Черемисы и Весь. Съ одной только западной стороны граничили съ нею племена чуждой ей народности славянской: Славяне (новгородскіе), Кривичи, Вятичи. Къ границамъ трехъ финскихъ племенъ: Веси, Мери и Муромы ранѣе всего направилась колонизація славянская.

Въ теченіе IX, X и XI вѣковъ славянская колонизація только еще стремилась занять верховье Волги, направляясь къ ней по ея притокамъ. Историки наши полагають (*), что движеніе славянской колонизаціи на бассейнъ верхней Волги могло направляться двумя путями: съ Ю. З. изъ земли Вятичей по р. Окъ и съ С. З. по р. Мстѣ на р. Тверцу, по р. Тихвинкѣ, по рр. Чагодощъ и Мологѣ или чрезъ Бѣлоозеро и р. Шексну. Если мы примемъ въ расчетъ съ одной стороны замкнутость и дикость Вятичей, съ другой—дѣятельный, промышленный духъ Новгородцевъ, то станеть очень вѣроятнымъ, что область верхней Волги и ея притоковъ заселилась преимущественно съ С. З.; предприимчивые новгородскіе повольники должны были проложить пути движенія, а слѣдомъ за ними должна была пойти и колонизація земледѣльческая, которая одна могла повести къ прочному занятію новыхъ земель.

Имѣя въ виду эту колонизацію, предполагають даже, что имена финскихъ племенъ, участвовавшихъ въ призваніи Варяговъ вмѣстѣ съ Новгородцами и Кривичами, означаютъ не собственно финновъ, а славянскихъ поселенцевъ среди того или другаго

(*) Замясловскій. Историческій атласъ по Рус. исторіи, стр. 9.

финскаго племени. Это подтверждается славянскимъ происхожденіемъ названій, а стало быть и самыхъ городовъ: Бѣлоозера и Ростова (т. е. города Роста, Ростъ—имя собственное), построенныхъ довольно далеко среди финскаго населенія. Въ Бѣлозерскій край велъ прямой водяной путь изъ Ладоги и изъ Новгорода. Утвердившись на Бѣломъ озерѣ, славянскіе поселенцы могли спуститься внизъ къ Волгѣ по р. Шекспѣ, далѣе внизъ по Волгѣ и, свернувъ въ р. Которость, въ ту пору болѣе многоводную и болѣе способную къ плаванію, достигли озера Неро, на берегу котораго и поставили г. Ростовъ, старшій городъ въ этой сторонѣ. Понинѣ въ окрестностяхъ Ростова встрѣчаются селенія и урочища съ древне-славянскими названіями (Рослово, Рославлево, Мирославка, Вышеславское, Уславцево, Переяславцево и др.). Это можетъ служить доказательствомъ того, что здѣсь находились и другія древнія славянскія поселенія. Западная граница мерянскаго народа не имѣла никакихъ естественныхъ преградъ и, по свойству, мѣстности оставалась открытою и удобною для вторженія въ самую средину мерянскихъ поселеній. Съ этой стороны втекали рр. Москва, Блязьма и Волга, изъ которыхъ двѣ послѣднія рѣки отличаются многочисленностію береговыхъ поселеній. Нѣтъ сомненія, то по этимъ именно рѣкамъ произошли и первыя вторженія славянскихъ племенъ и Варяговъ въ мерянскія земли. Смѣшаніе племенъ прежде всего должно было произойти въ пограничныхъ мѣстностяхъ; при чемъ постепенно сглаживались отличительныя черты ихъ родовыхъ обычаевъ. Здѣсь прежде всего исчезли своеобразныя особенности каждаго отдѣльнаго племени и появились первые слѣды слитія Мерянъ съ славянскими сосѣдями.

Такое пограничное смѣшеніе различныхъ народностей было первою ступенью къ скорѣйшему и ближайшему ославяненію всего Мерянскаго народа, которое, по свидѣтельству лѣтописей, началось почти въ доисторическія времена. Съ началомъ лѣтисчис-

начинается и тѣсная связь Мери съ славянскими племенами и соучастіе ея въ призывѣ Варяговъ.

Быстрое обрусѣніе Мерянь фактически подтверждается курганными раскопками. Въ курганахъ, находящихся близъ поселеній съ названіями чуждыми духу славянскаго языка, изслѣдователи находили слѣды обоихъ обрядовъ погребенія, т. е. сожиганія и простаго погребенія безъ сожженія. Между тѣмъ какъ въ могилахъ второй эпохи, находящихся близъ поселеній съ славянскими названіями, слѣдовъ сожиганія тѣль уже не встрѣчается (*). Поэтому, намъ кажется, нѣтъ никакой нужды предполагать, что племя финское Меря будто переселилось куда-то въ другое мѣсто, какъ нѣкоторые думаютъ, что будто вмѣстѣ съ Уграми оно ушло въ Паннонію, въ IX в. Мы полагаемъ, что оно оставалось на своемъ мѣстѣ и ранѣе другихъ племенъ финскихъ или одновременно съ двумя одноплеменными народностями.—Весью и Муромою ославянилось. Мы уже раньше имѣли случай упомянуть, что славянская колонизація изъ новгородской области прежде всего, еще до призванія Варяговъ, направилась въ область трехъ финскихъ племенъ: Веси, Мери и Муромы, чему яснымъ подтвержденіемъ служатъ славянскія названія древнѣйшихъ городовъ и селеній въ въ этой области: Ростовъ, потомъ Суздаль (Суждаль) и др. вышеприведенныя названія. Быстрому ославяненію этихъ финскихъ племенъ могло способствовать и сходство въ обычаяхъ и вѣрованіяхъ финновъ съ славянами: „и здѣсь и тамъ напр. выкупъ приданнаго, одинакія повѣрья и предосторожности противъ вліянія колдуновъ при свадьбѣ; также свекровь встрѣчаетъ молодую въ вывороченной шубѣ; въ такомъ же употребленіи баня, молодой называется княземъ или королемъ, вѣрять въ домовыхъ, русалокъ, приносились жертвы подъ деревьями. Такое сходство обычаевъ и вѣрованій съ осторожностью нужно приписывать заимствованію

(*) Изслѣдованіе гр. Уварова „Меряне и ихъ бытъ, по курганнымъ раскопкамъ“, стр. 11.

у одного племени другимъ. хотя взаимное вліяніе двухъ соедѣ-
нихъ племенъ другъ на друга безспорно (*). Нужно полагать,
что славянская колонизація быстро шла не только по направле-
нію отъ Волги къ Ростову, но и по теченію Волги, къ землѣ
Болгарской и въ XII вѣкѣ, въ области ославянившихся финновъ:
Веси, Мери, частію Черемисовъ и Муромы образуется обширная
область Ростовско-Суздальская. Бѣдная, непривлекавшая къ себѣ
первыхъ князей Рюриковичей, область Ростова Великаго, изъ
которой въ XII в. образовалось обширное и могущественное Влади-
миро-Суздальское княжество, постепенно распространялась: 1) на
в. отъ устья р. Боторости внизъ по р. Волгѣ и ея притокамъ
къ устью р. Оки, 2) на югъ двумя путями: а) по р. Нерли, а
отсюда на в. по р. Клязьмѣ къ ея устью: б) по р. Москвѣ, къ
которой шелъ путь чрезъ Переяславль и Дмитровъ. Большая часть
городовъ Суздальской земли, основаніе которыхъ относится пре-
имущественно къ XII и къ началу XIII в., была расположена по
рр. Волгѣ и Клязьмѣ, по главнымъ изгибамъ этихъ рѣкъ и при
впаденіи большихъ притоковъ. Такъ по Волгѣ были города: Зуб-
цовъ, Тверь, Угличе поле, Ярославль (основанный еще въ XI в.
Ярославомъ Мудрымъ), Кострома, Городецъ (нынѣ село на Волгѣ,
Нижегородской губ., Балахнинскаго уѣзда; упоминается въ лѣто-
писяхъ. еще въ XII в.), Нижній-Новгородъ (основанный при устьи
Оки въ Волгу въ 1221 г. кн. Юріемъ Всеволодовичемъ, въ землѣ
Мордовской, по притокамъ Волги: Галичъ Мерскій, Унжа, Ростовъ
и Нерехта; по Клязьмѣ: Владиміръ, Стародубъ и Гороховецъ. Въ
княженіе Юрія Долгорукаго были основаны несомнѣнно города:
Дмитровъ (1154 г.), Боголюбовъ (1155 г.), Юрьевъ Польскій
1152 г.). Еще упоминается въ лѣтописяхъ объ основаніи Юріемъ
Долгорукимъ г. Константина (Кснятинъ) 1134 г., при впаденіи
большой Нерли въ Волгу. Юрій Долгорукій основалъ, по сказанію

(*) Исторія Соловьева, т. 1, примѣчаніе 125.

лѣтописца, и Москву, которая была пограничнымъ городомъ Суздальскаго княжества на пути съ юга. Въ тверской лѣтописи подъ 1156 г. говорится: „Юрій Володимеричъ заложилъ градъ Москву на устниже Неглинны выше р. Аузы“. Какъ селеніе Москва упоминается въ лѣтописяхъ въ первый разъ подъ 1147 г. Г. Бѣляевъ предполагаетъ, что гг. Стародубъ на Клязьмѣ, Городецъ и Галичъ Мерскій были основаны Юріемъ Долгорукимъ. Въ самой возвышенной части города Галича, называемой Столбище, по словамъ г. Самарянова, (см. Списки населенныхъ мѣстъ Костромской губ. стр. LVІ.), донинѣ сохранились остатки княжескихъ хоромъ, построенныхъ, предполагаютъ, въ XII в. и недалеко отъ нихъ видны слѣды вала. Впрочемъ, княжескія хоромы могли быть построены въ XII в. кѣмъ нибудь изъ князей, но городъ могъ существовать и раньше этого времени. Юріемъ Долгорукимъ былъ перенесенъ на новое мѣсто Переяславль Загѣсскій. О времени построенія нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ нами городовъ Ростовско-Суздальской земли, какъ мы видѣли, есть прямыя извѣстія въ лѣтописяхъ. О другихъ упоминается въ лѣтописяхъ по поводу какихъ нибудь событій подъ годами, нужно полагать, близкими къ времени ихъ основанія, напр. о Ярославѣ упоминается въ лѣтописи въ 1071 г., по поводу возмущенія, произведеннаго здѣсь волхвами по случаю голода. О времени основанія другихъ городовъ Ростовско-Суздальской земли нѣтъ въ лѣтописяхъ ни прямыхъ указаній, ни даже упоминаній о нихъ въ ближайшее время къ времени ихъ основанія. Къ числу такихъ городовъ Ростовско-Суздальской земли, время основанія которыхъ въ точности остается неизвѣстнымъ, относится и Кострома. За неимѣніемъ прямыхъ и приблизительно точныхъ извѣстій въ лѣтописяхъ о времени основанія Костромы, приходится основывать мнѣніе объ этомъ на догадкахъ и аналогичныхъ предположеніяхъ.

Историкъ Соловьевъ, какъ извѣстно, предложилъ теорію о

такъ называемыхъ старыхъ и новыхъ городахъ. Затѣмъ въ русской исторической наукѣ существуетъ теорія о двойной колонизаціи Руси: княжеско-военной и монастырской, т. е. о построении городовъ князьями, какъ укрѣпленныхъ пунктовъ противъ враговъ и о возникновеніи заселенныхъ мѣстъ около монастырей, основанныхъ отшельниками и привлечшихъ къ себѣ торговое население. Г. Соловьевъ говоритъ: (*) „одною изъ главныхъ сторонъ дѣятельности нашихъ князей было построение городовъ. Это построение носитъ слѣды разсчета, преднамѣреннаго стремленія, что видно изъ положенія новыхъ городовъ и изъ разстоянія ихъ одного отъ другаго. Ярославль построенъ на важномъ пунктѣ, при устьи Боторости въ Волгу, которая посредствомъ этого притока соединяется съ Ростовскимъ озеромъ. Потомъ мы видимъ стремленіе внизъ по Волгѣ: города строятся при главныхъ изгибахъ рѣки, при устьяхъ значительныхъ ея притоковъ: *такъ построена Кострома* при поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее рѣки Костромы, Юрьевецъ Поволжскій при слѣдующемъ большомъ колѣнѣ, или поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее Унжи; наконецъ Нижній-Новгородъ при впаденіи Оки въ Волгу. Здѣсь на время остановилось естественное стремленіе сѣверныхъ князей внизъ по Волгѣ, къ предѣламъ Азіи“. Итакъ Соловьевъ глухо говоритъ о построеніи Костромы во время стремленія сѣверныхъ князей распространить славянскую колонизацію внизъ по Волгѣ. Самымъ дѣятельнымъ колонизаторомъ Ростовско-Суздальской земли былъ Юрій Долгорукій. Но приписываетъ ли Соловьевъ построение Костромы этому князю, объ этомъ онъ умалчиваетъ, очевидно по недостатку лѣтописныхъ на то данныхъ. Въ лѣтописяхъ, повторяемъ, есть прямыя извѣстія о построеніи Юріемъ Долгорукимъ только слѣдующихъ городовъ: Дмитрова. Юрѣва Польскаго, Княгиня (Константина) при устьи большой Нерли въ Волгу, Москвы,

(*) Исторія, I т., стр. 31.

Боголюбова, о перенесеніи Переяславля отъ Клещина на другое мѣсто и о zaloженіи этого города больше прежняго. Въ другомъ мѣстѣ своей исторіи (*), Г. Соловьевъ, перечисливъ города, упоминаемые въ XI в. и ранѣе, присовокуляетъ: нѣтъ сомнѣнія, что и кромѣ означенныхъ городовъ, нѣкоторые, встрѣчающіеся въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ, получили начало въ описываемый періодъ. Въ числѣ послѣднихъ г. Соловьевъ разумѣетъ, можетъ быть, и Кострому, упоминающуюся въ первый разъ въ лѣтописяхъ въ началѣ XIII вѣка.

Обратимся къ другимъ историкамъ. Карамзинъ въ своей исторіи нигдѣ не высказываетъ даже и глухаго предположенія, подобно Соловьеву, о времени построенія тѣхъ городовъ Ростовско-Суздальской земли, объ основаніи которыхъ лѣтописи не говорятъ. Онъ приписываетъ Юрію Долгорукому построеніе только тѣхъ городовъ, о которыхъ мы раньше упоминали, за исключеніемъ даже Константина или Кснятина; такого города, по мнѣнію Карамзина, не было въ Ростовско-Суздальской землѣ, но въ лѣтописи есть прямое извѣстіе о построеніи его Юріемъ Долгорукимъ 1134 г. (Никоновская лѣтопись). Татищевъ въ своей Россійской исторіи, въ кн. III, на стр. 76, говоритъ о Юріи Долгорукомъ: „и зачалъ Юрій строить въ области своей многіе города, созывая людей отовсюда, которымъ не малую ссуду давалъ и въ строеніяхъ и другими подаваніями помогалъ, въ которые приходя множество Болгаръ, Мордвы, Венгровъ, кромѣ русскихъ, селились и предѣлы яко многими тысячи людей наполняли“. Была ли, въ числѣ этихъ многихъ городовъ, построена Кострома, ясно не говоритъ здѣсь Татищевъ. Итакъ въ нашихъ полныхъ исторіяхъ нѣтъ не только прямыхъ свѣдѣній, но даже въ нѣкоторыхъ не приводится и предположеній болѣе или менѣе вѣроятныхъ о началѣ построенія г. Костромы, по неимѣнію на то достаточныхъ лѣтописныхъ основаній. Но вопросъ остается все таки интересный:

(*) I т., стр. 257.

когда возникъ г. Бострома? Для болѣе или менѣе удовлетворительнаго рѣшенія его, мы должны опять возвратиться къ древнѣйшему періоду русской исторіи.

Графъ Уваровъ въ своемъ изслѣдованіи о бытѣ Мерянъ по курганнымъ раскопкамъ (Москва, 1872 г.), откуда мы взяли приведенныя раньше свѣдѣнія о Мерянахъ, говоритъ, что „Городища, находящіяся вблизи мерянскихъ кургановъ древнѣйшей эпохи, мы полагаемъ, можно причислить къ памятникамъ того же народа, т. е. Мерянъ. Найденные въ городищахъ желѣзные предметы неоспоримо приурочиваютъ эти насыпи къ эпохѣ желѣзнаго вѣка, слѣдовательно къ тому уже времени, когда эти мѣстности заняты были мерянскимъ племенемъ. Впрочемъ, присовокупляетъ графъ Уваровъ, мы не считаемъ обычай насыпать городища обыкновеніемъ, исключительно принадлежащимъ Мерянамъ или вообще финскимъ племенамъ; мы думаемъ, что обычай воздвигать городища былъ такимъ же общенароднымъ обычаемъ у всѣхъ племенъ желѣзнаго вѣка. Городища находятся болѣею частію возлѣ селеній или урочищъ, доселѣ сохранившихъ названія: Городище, Городокъ и т. п. Потому самое наименованіе: „городище“ перешло въ наименованіе селеній и сохранило память о прежней насыпи“ (*).

Далѣе, говоритъ гр. Уваровъ: „мы полагаемъ, что городища, занимающія центральное положеніе и, вѣроятно, самое лучшее возвышенное мѣсто посреди мерянскихъ поселеній, служили укрѣпленными мѣстами для самыхъ жилищъ обитателей. *Прямая уже связь нѣкоторыхъ городищъ съ городами* какъ бы подтверждаетъ догадку, что въ древнѣйшія времена городища были населены и составляли первоначальный центръ осѣлости для будущихъ городовъ. Такимъ образомъ Переяславль перенесенъ изъ теперешняго села Городища на устье Трубежа, Суздаль тоже вѣрно находился прежде у сельца, или теперешній кремль его занимаетъ мѣсто древняго городка.

(*) Стр. 47.

Замѣтно, что внутренняя часть городищъ была занята жилищами; но какого они были рода: были ли это землянки или деревянные постройки, мы ничего положительнаго не знаемъ. Распавшаяся городища, мы находили только груды углей, множество разбитыхъ черепковъ и кое-какіе слѣды сгнившаго дерева. Въ сказаніяхъ восточныхъ писателей встрѣчаются нѣкоторыя свѣдѣнія о способѣ и формѣ построекъ у руссовъ, подъ которыми арабскіе писатели разумѣли всѣхъ обитателей Руси, или иностранцевъ, приходившихъ изъ Руси торговать въ Болгарахъ, были ли то Варяги, Славяне или обрусѣвшіе Финны (Мера, Муромъ, Вѣсь и др.). Арабскій писатель Ибнъ-Доста рассказываетъ, что холодъ въ ихъ (славянъ) странѣ бываетъ до того силенъ, что каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ въ землѣ родъ погреба, къ которому придѣлываетъ деревянную остроконечную крышку и на крышку накладываетъ землю. Въ такіе погреба переселяются со всѣмъ семействомъ и, взявъ нѣсколько дровъ и камней, зажигаютъ огонь и раскаляютъ камни до высшей степени, обливаютъ ихъ водою, отъ чего распространяется паръ, нагрѣваящій жилище до того, что снимаютъ уже одежду. Въ такомъ жилищѣ остаются до весны (*). Городищъ разбросано много въ области, занятой въ старину Мерианами. Въ Ярославской губерніи ихъ насчитываютъ 12. Кромѣ этихъ двѣнадцати, существуетъ еще много селеній, также называемыхъ Городищами, возлѣ которыхъ несомнѣнно прежде находились земляныя насыпи. Пять селеній съ такими насыпями и названіями представляютъ цѣпь по берегамъ Волги въ Калезинскомъ уѣздѣ (Тверской губ.), Угличскомъ, Рыбинскомъ, Ярославскомъ и Костромскомъ уѣздахъ. Но костромскія и нижегородскія городища не изслѣдованы или мало извѣстно о нихъ,—говоритъ графъ Уваровъ.

Противъ г. Костромы, на противоположномъ правомъ берегу

(*) Изслѣдованіе гр. Уварова, стр. 95.

Волги, на возвышенномъ холмѣ расположено селеніе Городище. Въ виду интереса, какой можетъ имѣть эта мѣстность для начальной исторіи Костромы, мы отправились туда, чтобы осмотрѣть ближе мѣстность и узнать преданія, связанныя съ нею, узнать не найдено ли здѣсь какихъ нибудь вещественныхъ памятниковъ старины. При бѣгомъ осмотрѣ мѣста, можно замѣтить, что возвышеніе, на которомъ находится церковь и сельцо, господствуетъ надъ окрестностью и даетъ поводъ предполагать, что оно не сполна по крайней мѣрѣ, естественное, но увеличено еще и насыпною землею. Потомъ мы узнали отъ одного старожила этого сельца, что когда онъ рылъ подъ горой, по направленію къ Волгѣ, то нашелъ въ землѣ какой то *сруба въ родѣ погребѣ*, находилъ черепки (остатки посуды), камня и наконецъ, когда распахивалъ поле по юговосточному склону горы, то нашелъ здѣсь шесть серебряныхъ монетъ. У него сохранились только три монеты. Двѣ монеты оказались съ надписями на одной сторонѣ, а на противоположной имѣють какія-то украшенія. На третьей монетѣ, очевидно болѣе поздняго періода, надписи нѣтъ, а на другой сторонѣ всадникъ—Георгій Побѣдоносець. Двѣ первыя монеты, по имѣющимся на нихъ надписямъ, хотя не совсѣмъ явственнымъ и полнымъ, слѣдуетъ относить, мы думаемъ, къ началу XIV в. На одной монетѣ сохранились остатки какъ будто имени князя Юрія Даниловича и на другой царя Озбяка (ханъ Узбекъ, нач. XIV в.). Любопытно бы было видѣть три монеты, которыя у обладателя ихъ затерялись; онѣ по его словамъ, были разбромъ больше этихъ сохранившихся монетъ, ходившихъ по Руси въ удѣльный періодъ. На основаніи сохранившихся монетъ, по нашему мнѣнію, начала XIV в., найденныхъ въ мѣстности близъ нынѣшняго сельца Городища, можно полагать, что въ началѣ XIV в. эта мѣстность была населенная и торговымъ людомъ. Находка же здѣсь въ землѣ сруба въ родѣ погребѣ (*) и череп-

(*) Конечно подлежитъ большому сомнѣнію, чтобы это было древнѣйшее сооруженіе, но

ковъ, на основаніи сказанія арабскаго писателя Ибнъ-Досты, приведеннаго нами изъ изслѣдованія гр. Уварова о меряхъ, даетъ основаніе предполагать, что это Городище такое же было; можетъ быть, мерянское, о какихъ говоритъ и графъ Уваровъ. Предположеніе о тождествѣ этого селенія съ упоминаемыми граф. Уваровымъ подкрѣпляется и самымъ теперешнимъ названіемъ его „Городище“. Сколько мы могли узнать, сохранилось немного преданій, связанныхъ съ нынѣшнимъ селеніемъ Городище, такъ напр.,—что будто городъ назначался здѣсь первоначально, т. е. основатель болѣе поздняго города Костромы предполагалъ основать его на мѣстѣ стараго городка, вѣроятно находившагося здѣсь, что церковь нынѣшняго сельца Городища очень древняя, хотя записей, къ какому времени восходить ея древность, не имѣется. Въ городищенской церкви на одномъ церковномъ старомъ блюдѣ мы видѣли надпись: „сіе блюдо города Костромы церкви св. Іліи, что на городищѣ“. Между тѣмъ городищенская церковь не причисляется къ городскимъ церквамъ. Вещественные памятники и преданія, о которыхъ намъ пришлось узнать при первомъ и бѣгломъ осмотрѣ мѣста, занимаемаго нынѣ сельцомъ Городище противъ г. Костромы, по сходству нѣкоторыхъ изъ нихъ съ тѣми, о которыхъ упоминаетъ гр. Уваровъ, даютъ поводъ думать, что прежде основанія города Костромы на нынѣшнемъ его мѣстѣ, въ древности былъ городокъ; можетъ быть мерянской, на противоположной сторонѣ Волги, на возвышеніи, занимаемомъ нынѣ сельцомъ Городище. Эта мѣстность, вѣроятно, оставалась населенною и торговымъ народомъ продолжительное время и селеніе сохраняло свое прежнее значеніе городка, вѣроятно, долго спустя послѣ основанія или, вѣрнѣе, перенесенія Костромы на настоящее свое мѣсто. Иначе, какъ объ-

въ виду того, что оно очень подходитъ къ описываемымъ Ибнъ-Достомъ ностройкамъ, требуетъ изслѣдованія.

понять присутствіе въ землѣ близъ сельца Городища старинныхъ монетъ? Можетъ быть, кромѣ найденныхъ монетъ, еще нѣсколько ихъ находится доселѣ въ землѣ и, можетъ быть, болѣе ранняго періода. По нашему мнѣнію, возвышенная мѣстность, занятая сельцомъ Городище, требуетъ и ждетъ изслѣдованія. Возможная находка здѣсь памятниковъ старины много содѣйствовала бы уясненію начальной исторіи г. Костромы.

Изслѣдованія археологовъ свидѣтельствуютъ о существованіи многихъ городковъ въ Ростовско-Суздальской землѣ, населенной въ древности въ большей ея части мерянами. Г. Журавлевъ въ Ярославской губерніи насчитываетъ 12 городковъ и при этомъ замѣчаетъ, что ростовскіе городки, расположенные не въ дальнемъ одиномъ отъ другаго разстояніи, представляютъ какъ бы оборонительную цѣпь, протянутую въ длину вереть на восемьдесятъ между Переяславлемъ и окрестностями Ростова. Г. Журавлевъ полагааетъ, что они служили для защиты первоначальныхъ мерянскихъ жилищъ у обоихъ озеръ (*). Во Владимірской губерніи также много находится остатковъ древнихъ городковъ. Г. Соловьевъ говоритъ: „По нашему лѣтописцу видно, что финны имѣли города, подобно славянамъ; подобно послѣднимъ терпѣли отъ родовыхъ усобицъ по изгнаніи Варяговъ, вслѣдствіе чего вмѣстѣ съ ними и призвали князей.“ Болѣе ясное упоминаніе о существованіи городковъ у древнихъ обитателей сѣверной и сѣверо-западной Руси мы находимъ у лѣтописца Псковскаго подъ 854 г.: „всташа же Новгородци и Кривичи и *Меря* и Чюдь на Варяги, и загнаша ихъ за море и начаша владѣти сами себѣ и *города ставити* и бысть межю ними рать, *градъ на градъ* и не быше правды.“ У другихъ лѣтописцевъ говорится только: „начаша *города ставити*“, но выраженіе „*градъ на градъ*“ замѣняется другимъ: „*родъ на родъ*“, такъ какъ первоначально эти племена жили отдѣльными родами, что не могло препятствовать

(*) Плесцезово и Неро.

имъ ставить и города, тѣмъ болѣе, что, по изслѣдованіямъ, родомъ была община.

Если мы обратимся къ названію г. Костромы, то оно также должно наводить насъ на мысль о древнѣйшемъ возникновеніи города. Графъ Уваровъ въ томъ же изслѣдованіи о мерянахъ предлагаетъ такое словопроизводство названія города Костромы: онъ говоритъ, что въ Костромской и смежныхъ съ ней губерніяхъ донинѣ въ народѣ употребителенъ языкъ, непохожій на славянской или русскій, оставшійся въ народѣ таинственнымъ, подъ названіемъ въ Нерехтѣ элтонскаго (отъ слова «элтынгъ»-безмѣнъ, языкъ безмѣнниковъ). Этому языку одолжены названія здѣшнихъ городовъ: Костромы и др. Костръ, Кострыга—городъ. Съ присоединеніемъ къ этому слову мордовскаго *масъ*—красивый, образуется названіе города Костромы—красивый городъ.

Вѣрно ли такое словопроизводство, рѣшительно сказать трудно. Сомнѣніе въ вѣрности этого словопроизводства можетъ возникнуть потому уже, что приходится составлять названіе города „Кострома“ изъ двухъ словъ: одного изъ языка такъ вазываемаго теперь элтонскаго, другаго мордовскаго, что едва ли отвѣчаетъ дѣйствительности, такъ какъ трудно составить одно слово изъ двухъ, принадлежащихъ двумъ отдѣльнымъ народностямъ. Обратимся лучше къ древне-русской миеологін.

Въ числѣ языческихъ праздниковъ и обрядовъ, въ которыхъ выразилась мысль о замирающихъ силахъ природы, былъ обрядъ, совершавшійся въ лѣтнее время, соотвѣтствовавшее нынѣшнему первому воскресенью послѣ Петрова дня, обрядъ, извѣстный въ народѣ подъ названіемъ *похороны Костромы, Лады, Ярилы*. По всему вѣроатію, эти обряды въ старину принадлежали къ купальскимъ играмъ. Похороны Костромы въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ совершались такимъ образомъ: прежде всего дѣвицы избирали изъ среды себя одну, которая обязана была представлять Кострому; затѣмъ подходили къ ней съ повлонами,

клали ее на доску и съ пѣснями несли въ рѣкѣ. Тамъ начинали ее купать, при чемъ старшая изъ участвовавшихъ въ обрядѣ сгибала изъ лубка лукошко и била въ него, какъ въ барабанъ; послѣ этого возвращались въ деревню и заканчивали день въ хороводахъ и играхъ. Въ Муромскомъ уѣздѣ соблюдалась иная обрядовая обстановка: Кострому представляла кукла, которую дѣлали изъ соломы, наряжали въ женское платье и цвѣты, клали въ корыто и съ пѣснями относили на берегъ рѣки или озера; собравшаяся на берегу толпа раздѣлялась на двѣ половины: одна защищала куклу, а другая нападала и старалась овладѣть ею. Борьба оканчивалась торжествомъ нападающихъ, которые схватывали куклу, срывали съ нея платье и перевязи, а солому топтали ногами и бросали въ воду, между тѣмъ какъ побѣжденные защитники предавались неутѣшному горю, закрывали лица свои руками и какъ бы оплакивали смерть Костромы.

Должно думать, что кукла эта приготовлялась не только изъ соломы, но также изъ сорныхъ травъ и прутьевъ и что именно поэтому она получила названіе Костромы. Въ областныхъ говорахъ слово Кострома означаетъ: пруть, розгу и растущія во ржи сорныя травы. Въ Саратовской губерніи Костромою называется куча соломы, сожигаемая подъ новый годъ (*). О. Ф. Миллеръ въ хрестоматіи къ опыту историческаго обозрѣнія русской словесности говорить (**): «Кострубонькой въ Малороссіи назывался Веснякъ, божество весны (въ украинскомъ просторѣчій Кострубъ значить Нечесъ, Будлай, что заставляетъ предполагать, что Веснякъ изображался мудравымъ). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Велико-россіи имя это передѣлалось въ Кострому. Въ этомъ послѣднемъ божествѣ видятъ женскую форму Кострубоньки, похороны котораго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совпадали съ временемъ похоронъ Ко-

(*) Афанасьевъ. Поэтическое воззрѣніе славянъ на природу, т. 3, стр. 728.

(**) Стр. 6.

остромы. — Хотя графъ Уваровъ и говорить (*) въ излѣдованіи о бытѣ Мерянь, что названіе Костромы повторяется въ трехъ различныхъ формахъ во Владимірской губерніи: Костромино—деревня въ Александровскомъ уѣздѣ недалеко отъ р. Дубны, Костромиха—Суздальскаго уѣзда по р. Нерли и Кострочица въ Городецкомъ (Гореховецкомъ?) уѣздѣ и изъ этого дѣлаеть зыводъ, что только одинъ и тотъ же народъ (т. е. Меря) могъ, раскинувъ свои селенія на обширномъ пространствѣ, повторять тѣже имена или давать названія одинаковаго этимологическаго происхожденія; но мы, въ видѣ возраженія послѣднему выводу, можемъ привести одно мѣсто изъ лѣтописи по Ипатіевскому списку, гдѣ упоминается подъ 1258 г. одно урочище теперь въ Волынской губерніи, сходное по корнесловію съ названіемъ Костромы, именно урочище *Коструга*: «онѣмъ же (Литвѣ) притеняшигъ супротивъ *Кострузъ*, сразившимся не стерпѣша, но на бѣгъ обратившаея». Область теперешней Волынской губерніи въ древности имѣла населеніе славянское. Названіе и обрядъ погребенія Кострубоньи или Костромы—божества весны были распространены какъ на югъ, такъ и на сѣверъ Руси. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что слово Кострома славянскаго происхожденія и не чуждо духу славянскаго языка, точно такъ же, какъ не чуждо ему слово костеръ (*). Упоминаемыя гр. Уваровымъ поселенія во Владимірской губерніи съ измѣненнымъ названіемъ Костромы расположены, какъ мы видѣли, при рѣкахъ. Городъ Кострома расположенъ при двухъ рѣкахъ: Волгѣ и Костромѣ. Обрядъ же кунавія дѣвушки, изображавшей Кострому или потопленія и сожженія чучела божества Костромы совершался въ рѣкахъ или при рѣкахъ. На этомъ основаніи мы выравѣ заключить, что названіе города и поселеній, упомянутыхъ нами ранѣе, Костромоею или именемъ одного съ нею

(*) Стр. 12.

(**) Мы уже раньше говорили, что въ Саратовской губерніи Костромоею называется куца соломы, сожигаемая на новый годъ.

корня славянское въ честь именно этого языческаго божества весны или Весняка. Такъ какъ славянская колонизація финскихъ племенъ по бассейну верхней Волги и ея притоковъ началась еще до образованія русскаго гсударства, то мы можемъ быть увѣрены, что и обряды языческой религіи нашихъ предковъ могли въ глубокой древности совершаться въ приволжскомъ краѣ. Мы знаемъ, что въ Ростовѣ былъ идолъ бога Велеса или Волоса. Что въ Костромскомъ краю совершались въ старину празднованія и обряды въ честь языческихъ божествъ: Куналы, Ярилы, Костромы, яснымъ подтвержденіемъ этого служатъ сохранившіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще и доселѣ или сохранявшіеся долгое время спустя послѣ принятія христіанства языческіе праздники и обряды. Народъ чтилъ боговъ: Ярилу, Купалу, Лада, водяныхъ, русалокъ. Въ честь каждаго изъ этихъ мифическихъ существъ учреждены были праздники, изъ которыхъ многіе недавно уничтожены. Въ Костромѣ только въ 1771 г. былъ уничтоженъ праздникъ въ честь Ярилы. Ярилу представлялъ избранный міромъ человекъ, котораго, передъ заговѣньемъ Петрова поста, обязывали разными цвѣтами, лентами и колокольчиками и, надѣвъ на голову высокій колпакъ съ лентами, водили съ плясами по городу. Въ Костромѣ и до сихъ поръ всѣхвѣстное заговѣнье и праздникъ извѣстенъ подъ названіемъ—Яриловни. Въ Галицкомъ уѣздѣ и теперь еще сохраняется обычай на одной горѣ Поклонной, гдѣ по преданію стоялъ идолъ Ярилы, праздновать и гулять. Гулянье въ честь Ярилы или на Ярилину бываетъ въ Кинешмѣ—въ рошѣ по р. Кинешемкѣ, близъ Неректы и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Нерехотскаго уѣзда. Около Галича указываютъ мѣсто другаго идола Куналы (отъ корня куп, кин, отсюда кинѣть, олицетвореніе лѣтннго жара), около озера, куда и въ настоящее время стекаются 24 іюня городскіе жители гулять на берегу и кататься по озеру съ пѣснями; гулянье оканчивается обливаніемъ другъ дру-

га водою и купаньемъ въ озерѣ (*). Такъ какъ у нашихъ предковъ божества: Купало, Ярило, Кострома были если не тождественныя, то сродныя, олицетворявшія одиѣ и тѣже живительныя силы природы, то, кромѣ празднованія въ честь Купалы и Ярилы, въ старину, вѣроятно, совершался въ здѣшнемъ краю и обрядъ похоронъ Костромы, описанный нами раньше. И вотъ отъ имени языческаго божества весны „Костромы“ получилъ названіе и самый городъ, жителями котораго этотъ обрядъ совершался.

Принимая въ соображеніе мѣсто лѣтописи, гдѣ говорится, что Новгородцы, Бривичи, Чюдъ, Меря по изгнаніи Варяговъ 854 г., начали ставить *городы* и управляться сами, но *всталъ градъ на градъ*, мы приходимъ къ тому выводу, что городокъ, получившій названіе Костромы, который существовалъ на мѣстѣ нынѣшняго сельца Городища, былъ основанъ если мерянами, то въ пору слиянія этого племени съ славянскимъ, или въ пору распространенія между мерянами славянской колонизаціи, какъ того же мнѣнія и г. Журавлевъ о городищахъ Ярославской губерніи. Онъ относитъ ихъ основаніе къ переходной эпохѣ слиянія первоначальныхъ туземцевъ (мерянъ) съ славянами. Костромской же городокъ, отстоящій недалеко отъ селенія Ярославской губерніи, извѣстнаго подъ именемъ Дѣва Городища, служить какъ бы продолженіемъ по Волгѣ цѣли городковъ. Населеніе въ этихъ городкахъ могло быть уже смѣшанное изъ финновъ и славянъ. Основаніе древняго городка Костромы первоначально на правомъ берегу Волги могло быть вызвано условіями мѣстности, такъ какъ правый берегъ Волги болѣе гористъ, нежели лѣвый, и менѣе поэтому подверженъ затопленію водою во время весенняго разлива Волги, особенно если принять въ расчетъ то, что рѣки наши и въ частности Волга въ старину были полноводнѣе, чѣмъ нынѣ, по обилію лѣсовъ, къ нимъ прилегающихъ, да къ тому же еще лѣвый берегъ могъ

(*) Ершовоблоцкій. Матер. для геогр. и статистики Россіи, Костр. губ., стр. 512, 598.

быть затопляемъ и впадающею въ Волгу р. Костромю. Итакъ о началѣ г. Костромы мы приходимъ къ такому выводу: первоначально былъ основанъ городокъ на мѣстѣ нынѣшняго сельца Городища на правомъ берегу Волги, въ пору начавшагося слиянія мерянъ съ славянами; онъ имѣлъ населеніе уже смѣшанное изъ мерянъ и славянъ и получилъ названіе отъ имени божества весны у языческихъ славянъ—Костромы. Приблизительно время возникновенія этого городка можно полагать въ началѣ второй половины IX вѣка.

Переходимъ къ дальнѣйшей исторіи г. Костромы. Къ какому времени слѣдуетъ относить основаніе г. Костромы на лѣвомъ берегу Волги и кого слѣдуетъ считать основателемъ нынѣшняго города Костромы? На эти два вопроса нѣтъ положительныхъ отвѣтовъ въ лѣтописяхъ. Есть предположенія изслѣдователей объ основаніи Костромы въ XII в. Юріемъ Долгорукимъ. Въ лѣтописяхъ нѣтъ упоминаній не только объ основаніи Костромы въ XII в., во даже вообще нѣтъ упоминаній о Костромѣ при изложеніи событій XII в. О нѣкоторыхъ городахъ Ростовско-Суздальской земли если не объ основаніи ихъ, то по крайней мѣрѣ есть упоминанія о нихъ въ XII в., напр. о Городцѣ Радиловѣ (нынѣ село Нижегородской губерніи, Балахвинскаго уѣзда): «бывшую же князю Мстиславу на Городци, совокушлшуся со братома своимъ ва усть Оки и ждаша дружины двѣ недѣли» (Лавр. лѣтоп., 1172 г.). Бстати здѣсь скажемъ: нѣкоторые предполагаютъ, что при устьи Оки, гдѣ нынѣ Нижній Новгородъ, былъ въ старину городокъ мордовскій. На это какъ будто немного наводитъ и настоящее лѣтописное сказаніе, что князь Мстиславъ съ братьями здѣсь ждалъ дружины двѣ недѣли. Въ лѣтописяхъ въ XII в. упоминаются и выше по Волгѣ города, напр. Угличе Поле, о началѣ которыхъ тоже неизвѣстно опредѣленно. О Костромѣ же нѣтъ даже и упоминаній въ лѣтописяхъ до начала XIII в. Чѣмъ же объяснить такое упорное молчаніе лѣтописцевъ о Костромѣ? Не наводитъ ли это умалчиваніе

лѣтописцевъ о Костромѣ въ теченіи XII в. на вопросъ: была ли Кострома въ это время? Лѣтописцы не преминули сказать ясно о перенесеніи Юріемъ Долгорукимъ Переяславля Залѣскаго отъ Блещина на другое мѣсто, объ основаніи имъ городовъ: Константина (Кснятинъ при устьи большой Нерли въ Волгу), Дмитрова на р. Яхромѣ, Юрьева Польскаго, Боголюбова, Москвы. По этому едва ли бы они оставили безъ упоминанія такой важный фактъ, какъ основаніе Юр. Долгорукимъ городовъ: Костромы, Галича. На основаніи, такъ сказать, отрицательномъ, т. е. на основаніи молчанія лѣтописцевъ о построеніи этихъ городовъ Юріемъ, мы вправе заключить, что города эти не были основаны Юріемъ Долгорукимъ. Они, по нашему мнѣнію, существовали еще раньше Юрія Долгорукаго, равно какъ и Городецъ на Волгѣ и нѣкоторые другіе города выше по Волгѣ. Юрій Долгорукій могъ только возобновить ихъ, распространить и увеличить ихъ народонаселеніе. Галичу же могъ дать настоящее его названіе, перенеся послѣднее на этотъ городъ съ Галича южнаго. Предположеніе о томъ, что Кострома и Галичъ существовали въ XII в., въ видѣ городковъ, подкрѣпляется такимъ соображеніемъ: трудно предположить, чтобы такое большое разстояніе, какъ между Ярославлемъ и Городцомъ, не имѣло еще какихъ нибудь городовъ, особенно на такихъ важныхъ пунктахъ для сношеній, каковы: соединеніе р. Костромы съ Волгой и верховье р. Костромы, соединяющей сѣверовосточный уголъ Ростовско-Суздальской земли съ Волгой. Затѣмъ, такъ какъ въ самомъ началѣ XIII в. о Костромѣ уже упоминается въ лѣтописяхъ, то можно полагать, что она и въ XII в. уже существовала, но какъ старинный городокъ, можетъ быть только болѣе устроенный Юріемъ Долгорукимъ, но не основанный имъ и не перенесенный еще на лѣвый берегъ Волги, иначе объ этомъ непременно упомянули бы лѣтописцы подобно тому, какъ о другихъ городахъ, ранѣе нами перечисленныхъ. Присоединимъ еще соображеніе. Въ XII в. лѣтописцы при разсказѣ о событіяхъ упоминаютъ чаще о городахъ приволжскихъ

верхнихъ, кончая Ярославлемъ. Это объясняется тѣмъ, что напр. во время походовъ изъ Новгорода въ Ростовско-Суздальскую землю князья доходили только до Ярославля или даже выше его сворачивали съ Волги въ Ростовско-Суздальскую землю, такъ что мѣстность, занимаемая Костромою и Галичемъ, оставалась въ сторонѣ отъ этихъ движеній и лѣтописцы потому не имѣли случаевъ упомянуть объ этихъ городахъ. О Городцѣ въ XII в. упоминается по случаю остановки здѣсь ин. суздальскаго во время похода его на Болгарь и второй разъ по случаю кончины здѣсь кн. Михаила владиміро-суздальскаго. Пространство же между Ярославлемъ и Городцемъ оставалось внѣ района этихъ историческихъ событій. Потому и въ лѣтописяхъ нѣтъ упоминаній о находившихся здѣсь, по всему вѣроятію, городахъ и въ XII в. И такъ мы допускаемъ только фактъ существованія Костромы и Галича при Юріи Долгорукомъ, но какъ городовъ, вѣроятно, незначительныхъ въ Ростовско-Суздальской землѣ и на томъ же мѣстѣ, гдѣ они были основаны, по всему вѣроятію, въ начальный періодъ колонизаціи мерянской области славянами изъ Новгорода. Только уже въ началѣ XIII вѣка въ лѣтописяхъ являются извѣстія о Костромѣ съ 1213 года (*). Съ этого года и начинается уже вполне достоверная исторія Костромы по лѣтописнымъ сказаніямъ. Но лѣтописныя сказанія, касающіяся начальной исторіи Костромы, требуютъ объясненій тѣмъ болѣе, что въ упомянутыхъ нами очеркахъ исторіи Костромы они или остаются безъ поясненій или неправильно толкуются и приводятся съ хронологическими невѣрностями. Въ очеркѣ Брживоблоцкаго, а затѣмъ и въ Памятной книгѣ Костромской губерніи на 1862 г. говорится, что будто Карамзинъ упоминаетъ о Костромѣ и Галичѣ во времена владимірскаго великаго Князя Всеволода Георгиевича (сынъ Юрія Долгорукаго)

(*) Въ очеркахъ исторіи Костромы неправильно показанъ годъ перваго упоминанія въ лѣтописяхъ о Костромѣ—1214.

1176—1212 гг. Карамзинъ нигдѣ въ исторіи этого не упоминаетъ и не могъ упоминать, не имѣя на то основаній въ лѣтописяхъ. Онъ согласно съ сказаніями лѣтописей говоритъ только, что 1212 г. Всеволодъ, призвавъ къ себѣ Константина изъ Новгорода, назначилъ ему въ удѣль Ростовъ *съ пятью городами*. Г. Крживоблоцкій и Памятная книжка толкуютъ, что въ числѣ пяти городовъ Константинъ получилъ Кострому и Галичъ. На какомъ основаніи, въ числѣ полученныхъ Константиномъ къ Ростову пяти городовъ, въ очеркахъ разумѣются Кострома и Галичъ, неизвѣстно. По нашему мнѣнію, Константину Всеволодовичу къ Ростову были приданы отцемъ пять городовъ такихъ, въ числѣ которыхъ Костромы и Галича не было. Иначе отъ сбивчиваго толкованія лѣтописнаго сказанія, гдѣ вообще говорится о пяти городахъ, приданныхъ Константину къ Ростову, безъ перечисленія ихъ, произойдетъ сбивчивость и противорѣчіе въ дальнейшей исторіи Костромы, что и замѣчается въ очеркахъ. Мы полагаемъ, что Константину отецъ его Всеволодъ придалъ къ Ростову города, находившіеся въ сѣверо-западной части Ростовско-Суздальской земли и съ этого времени начинается раздѣленіе ея на двѣ половины: юго-восточную и сѣверо-западную. Константину къ Ростову были приданы, нужно думать, слѣдующіе пять городовъ: Ярославль, Бѣлозерскъ, Угличе Поле, Кснятинъ (Константинъ) и городокъ на Мологѣ или еще какой—нибудь изъ приволжскихъ городовъ, о существованіи которыхъ мы узнаемъ изъ Тверской лѣтописи подъ 1149 г. Вотъ что здѣсь повѣствуется: «пойде князь великій Изяславъ на своего дядю Юрія ВолодимERICHA Долгорукаго къ Суждалю и Ростову за Новгородскую обиду, съ нимъ братъ его Ростиславъ съ Смоляны и Новгородцы и Псковичи и Корѣляне, и совокушишася на Волгѣ на устьи Медвѣдици... И поидоша къ Снятину (Кснятинъ, Константинъ) и къ Угличю Полю и къ Молозѣ и много воеваша людей Юрьевыхъ даже и до Ярославля по Волгѣ и взяша шесть городовъ и воюючи и шгучи.»

Итакъ отъ Кснитина до Ярославля включительно было взято по Волгѣ шесть городовъ, хотя перечислено только четыре. Изъ этихъ шести, съ присоединеніемъ еще Бѣлозерска, пять и были приданы Константину къ Ростову несомнѣнно. Кострома же и Галичь оставались *во власти Всеволода* князя владимірскаго. Мы полагаемъ, что Кострома приходилась на границѣ или близъ границы волости владимірскаго князя съ волостью ростовскою Константина, данной ему отцомъ въ удѣль. Съ установкой такого взгляда на дѣленіе Ростовско-Суздальской земли становится понятною и дальнѣйшая исторія Костромы и Галича. Всеволодъ Юрьевичъ, какъ мы сказали, раздѣлилъ обширную волость свою, выдѣливъ изъ нея на сѣверо-западѣ значительный удѣль Ростовъ съ пятью городами старшему сыну своему Константину. Предъ смертью Всеволодъ послалъ за послѣднимъ въ Ростовъ, назначая ему по своей смерти Владимиръ, а Ростовъ Юрію. Константинъ же не поѣхалъ во Владимиръ, желая взять Владимиръ къ Ростову. Отецъ вторично зоветъ Константина, но тотъ не поѣхалъ къ нему и на этотъ разъ, настаивая на своемъ желаніи получить Владимиръ къ Ростову. Князь Великій Всеволодъ созвалъ всѣхъ бояръ своихъ *съ городовъ и съ волостей*, духовныхъ и купцовъ и дворянъ и всякихъ людей и далъ сыну своему Юрію Владимиръ и всѣхъ заставлялъ дѣловать крестъ ему и приказалъ ему всѣхъ братьевъ его, по выраженію лѣтописца. Константинъ, продолжаетъ лѣтописецъ, слышавъ то, воздвиже брови своя со гнѣвомъ на братію свою, наче же на Георгія. По смерти Всеволода начинается усобица между братьями Константиномъ и Юріемъ изъ за великаго княженія. Первый походъ Юрія къ Ростову противъ Константина, начавшаго искать подъ нимъ великаго княженія, кончился примиреніемъ между братьями. Но въ 1213 г. Константинъ началъ опять замышлять рать противъ Юрія и братьевъ его. Юрій Всеволодовичъ вмѣстѣ съ братьями: Ярославомъ, Святославомъ, Іоанномъ и Давыдомъ Муромскимъ пошелъ на Константина къ Ростову. Кон-

стантинъ же, услышавъ о походѣ сильной рати противъ него, *послалъ полкъ свой на Кострому*. Кострома была выжжена вся, по свидѣтельству лѣтописца, а жители были взяты въ плѣнъ. Вотъ первое упоминаніе лѣтописей о Костромѣ и то не во всѣхъ спискахъ; въ большей части списковъ о походѣ на Кострому не упоминается. Сказаніе же объ этомъ находится въ Воскресенской и Тверской лѣтописяхъ и еще въ нѣкоторыхъ. Тѣмъ не менѣе сказаніе весьма правдоподобное. Если мы вникнемъ въ смыслъ его, то оно послужитъ намъ къ лучшему уясненію начальной исторіи Костромы. Изъ хода изложенныхъ событій какъ нельзя болѣе ясно видно, что Кострома принадлежала не къ волости Константина Ростовскаго, какъ неправильно говорится въ очеркахъ исторіи Костромы, а къ волости Юрія Владимірскаго. Иначе какая была бы цѣль Константину жечь свой городъ и въ плѣнъ уводить его жителей? (*) Но цѣль похода на Кострому была та, что, такъ какъ Кострома, по нашему заключенію, была пограничнымъ городкомъ между волостями Юрія и Константина, то Константину нужно было истребить ее и жителей ея увести въ плѣнъ не по одной только злобѣ на брата, но чтобы, въ случаѣ неуспѣха въ войнѣ съ Юріемъ и его союзниками братьями, очистить себѣ свободный путь для вторженія въ Владиміро-Суздальскую волость и идти къ Владиміру. Усобица между братьями Константиномъ и Юріемъ кончилась, какъ извѣстно, пораженіемъ рати Юрія на р. Липицѣ 1216 г. Константинъ сѣлъ на великое княженіе Владимірское, а Юрій ушелъ въ Городецъ на Волгѣ. Черезъ нѣсколько времени Константинъ утѣшилъ своего брата и далъ ему Суздаль. Дѣтямъ же своимъ старшимъ онъ отдалъ: Васильку (Василію) Ростовъ, а Всеволоду—Ярославль. Младшій сынъ его Владиміръ, при крещеніи названный Димитріемъ, получилъ въ удѣлъ

(*) Г. Кривоблоцкий и Памятная книжка, дабы избѣжать противорѣчій, даютъ объясненіе этому такое, что Кострома осталась вѣрна Юрію. Гораздо проще дѣло объясняется тѣмъ, что она принадлежала къ волости Юрія.

Уличь. Здѣсь очевидно намѣреніе Константина раздѣлить между своими сыновьями ту волость, которую ему далъ отецъ и которою онъ по лишеніи его великокняжескаго стола, долженъ былъ владѣть по волѣ отца. Въ очеркахъ исторіи Костромы здѣсь допущена крупная неправильность. Во первыхъ говорится, что будто Константинъ старшему сыну Василию отдалъ Ростовъ и Кострому. Въ лѣтописяхъ же говорится объ одномъ только Ростовѣ. Костромы уже ни въ какомъ случаѣ Константинъ не могъ отдать Василию потому во 1-хъ, что она, какъ мы ясно доказали, не принадлежала къ Ростовской волости: во 2-хъ и потому, что ея въ это время еще вѣроятно не существовало въ видѣ города, потому что не за долго предъ тѣмъ она была выжжена вся, по свидѣтельству лѣтописца. Можетъ быть она только начинала теперь вновь строиться, когда жители только что успѣли возвратиться изъ плѣна ростовскаго. Вторая крупная неправильность въ очеркахъ та, что будто Константинъ младшему сыну Дмитрію далъ въ удѣлъ *Галичъ*. Неправильно это потому во 1-хъ, что Галичъ, какъ и Кострома, принадлежалъ къ Владиміро-Суздальской волости и, во 2-хъ, неправильность этого ясно изобличается лѣтописнымъ сказаніемъ; изъ лѣтописи извѣстно, что Дмитрій Константиновичъ, какъ и другіе князья, имѣлъ два имени: „1214 г. родися сынъ Константину Володимеръ, а въ святомъ крещеніи нарекоша имя ему Дмитрій“ (*). Далѣе въ лѣтописяхъ ясно говорится, что онъ былъ князь не Галицкій, а *Улицкій* (**): „1249 г. представися Володимеръ Константиновичъ *Улицкій*“. Затѣмъ есть болѣе позднія извѣстія о смерти сыновей Владиміра: Андрея 1261 г., Романа 1285 г. *въ Уличь же*. Ясно, что удѣломъ Дмитрія и его потомковъ былъ *Уличь*, а не *Галичъ*. Галичъ, равно какъ и Кострома, въ пору княженія Дмитрія Константиновича еще не имѣли князей. Они были

(*) Запр. свѣд., стр. 416.

(**) Тамъ же, стр. 419.

только городами, принадлежавшими искони къ Владиміро-Суздальской волости и не переходили никогда во владѣніе ростовскихъ князей.

Вскорѣ послѣ изложенныхъ событій наступило тяжелое время для Руси — нашествіе Батяя съ татарскими полчищами. Стольный городъ владимірскаго княженія — Владиміръ былъ опустошенъ татарами. Татары потомъ разсѣялись по Суздальской и Ростовской землѣ; одни пошли на великаго князя Юрія, стоявшаго съ своимъ и другихъ князей ополченіями на р. Сити, впадающей въ Мологу, другіе пошли къ Ростову, иные къ Ярославлю, а иные на Волгу и на Городецъ и тѣ поплѣнили все по Волгѣ и до Галича Мерскаго, по свидѣтельству лѣтописи Воскресенской. Въ академическомъ спискѣ и въ Новгородской четвертой лѣтописи подъ 1237 г. говорится: «и тѣ поплѣнили все по Волгѣ и до *Галича Володимерскаго*». Въ Тверской лѣтописи сказано: «иные за великимъ княземъ погнались на Ярославль и на Городецъ и по Волгѣ всѣ грады поплѣнили и до Галича Мерскаго». Затѣмъ перечисляются нѣкоторые города въ Ростовско-Суздальской землѣ, опустошенные татарами. Не трудно замѣтить, что ни въ одномъ спискѣ лѣтописей въ разсказѣ объ этомъ страшномъ времени на Руси не упомянута Кострома. И въ дальнѣйшемъ перечисленіи городовъ Ростовско-Суздальской земли, опустошенныхъ татарами, Кострома не упоминается. Чѣмъ же это объяснить? Мы думаемъ тѣмъ, что Кострома не имѣла въ то время, такого значенія, какое имѣли упомянутые лѣтописцемъ города, разрушенные татарами. Она еще, вѣроятно, не успѣла и выстроиться вновь *во прежнеемъ видѣ* послѣ пожара 1213 г., истребившаго ее всю до тла. Вотъ почему лѣтописецъ тверской лѣтописи, не переименовывая такихъ незначительныхъ городовъ по Волгѣ, взятыхъ татарами, говоритъ вообще о нихъ: „и по Волгѣ всѣ грады поплѣниша и до Галича Мерскаго“. Изъ умалчиванія лѣтописцемъ о Костромѣ мы опять можемъ заключить, что это не былъ городъ изъ числа основанныхъ Юріемъ Долгорукимъ; города, основанные этимъ княземъ и

имѣвшіе значеніе уже немалое въ Суздальской землѣ, какъ-то: Переяславль, Юрьевъ. Дмитровъ и Москва упомянуты лѣтописцами. Галичь упоминается потому, что онъ былъ, вѣроятно, крайнимъ пунктомъ района, опустошеннаго татарами. Любопытно сказаніе лѣтописи по академическому списку и въ Новгородской четвертой лѣтописи, гдѣ говорится: „татары поплѣнили все по Волгѣ до Галича *Володимерскаго*“, тогда какъ въ другихъ спискахъ говорится: до Галича Мерскаго. Мы думаемъ, что въ академическомъ спискѣ и въ Новгородской лѣтописи нѣтъ въ этомъ случаѣ ошибки. Напротивъ, сказанія этихъ списковъ лѣтописей точнѣе опредѣляютъ отношеніе Галича къ Владиміру, т. е. опредѣляютъ несомнѣнную принадлежность Галича къ волости владимірскихъ князей, а не ростовскихъ, какъ неправильно говорится въ очеркахъ исторіи Костромы. Допустивъ въ началѣ неправильность въ повѣствованіи о раздѣлѣ волостей Константиномъ между сыновьями, очерки исторіи Костромы повторяютъ ее и далѣе, говоря, что въ битвѣ съ татарами на р. Сити съ Георгіемъ участвовалъ и Василій Константиновичъ князь *Костромскій*, который былъ взятъ въ плѣнъ татарами, замученъ и брошенъ въ Шернскомъ лѣсу, какъ извѣстно. Такого *Костромскаго* князя не было и Кострома, какъ мы уже раньше упоминали, тогда еще не имѣла князей. Василій Константиновичъ, по сказанію лѣтописей, получивъ отъ отца Ростовъ, участвовалъ въ битвѣ на Сити только въ качествѣ князя Ростовскаго, даже и не Ярославскаго, такъ какъ Ярославль отданъ былъ брату его Всеволоду. Итакъ вопросъ о постоянной принадлежности Костромы къ волости владимірскихъ князей, кажется, нужно теперь считать рѣшеннымъ.

Теперь возникаетъ другой вопросъ: какой городъ Кострома былъ сожженъ Константиномъ Всеволодовичемъ и взятъ татарами: на правомъ или на лѣвомъ берегу Волги? Съ этимъ связывается другой вопросъ: когда и кѣмъ перенесенъ г. Кострома на лѣвый берегъ Волги? Мы раньше уже говорили, что этого факта при-

писывать Юрію Долгорукому не приходится потому, что объ этомъ молчать лѣтописцы, хотя бы ожидать извѣстія объ этомъ въ лѣтописяхъ мы должны были по аналогическимъ свидѣтельствамъ ихъ о другихъ городахъ, основанныхъ или перенесенныхъ на новое мѣсто Юріемъ Долгорукимъ. Мы полагаемъ, что Константиномъ ростовскимъ была сожжена и потомъ татарами взята не нынѣшняя Кострома, а старая, находившаяся на мѣстѣ древняго городка, гдѣ нынѣ село Городище. Можетъ показаться смѣлымъ такое наше заключеніе, но мы постараемся подтвердить его нѣкоторыми данными.

Послѣ разгрома Батыя на велико-княжескомъ владимірскомъ столѣ сѣлъ братъ Юрія Всеволодовича Ярославъ Всеволодовичъ. Что мы знаемъ о дѣятельности этого князя? Лѣтописецъ такъ повѣствуетъ о немъ: «Ярославъ, сынъ В. К. Всеволода Юрьевича, пришедъ... сѣде на столѣ въ Володимери и *обнови землю суздальскую* и церкви очисти отъ трупія мертвыхъ и кости ихъ сохранивъ и пришельци утѣши и люди многа собра и бысть радость велика христіаномъ (*). Въ чемъ же состояло обновленіе земли Суздальской Ярославомъ? Въ другомъ мѣстѣ той же лѣтописи читаемъ (**), „Ярославъ Всеволодовичъ по батыевѣ плѣненіи приде съ дѣтьми своими (на Владимірское княженіе) и нача грады, раззоренные отъ Батыя, ставити по своимъ мѣстомъ и на Волгѣ постави градъ и воименова его Тверью по Тверцѣ рѣкѣ, *а напередъ того въ томъ мѣстѣ градъ не былъ*, и посади на Твери сына своего меньшаго Ярослава и оттолѣ наста великое княженіе Тверское“. Такое повѣствованіе лѣтописецъ дѣлаетъ предъ исчисленіемъ порядка тверскихъ князей. Поэтому, ему нужно было сказать о началѣ Тверскаго княженія и онъ даетъ объ этомъ точныя свѣдѣнія, рав-

(*) Воскр. лѣтоп. подъ 1238 г., стр. 143.

(**) Стр. 245.

но какъ и объ основаніи Ярославомъ Всеволодовичемъ послѣ батыева раззоренія г. Твери на новомъ мѣстѣ, на правомъ берегу Волги, гдѣ города прежде не было. Извѣстно, что древняя Тверь до нашествія татаръ была на лѣвомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее р. Тверцы. Совершенно тоже могъ сдѣлать Ярославъ Всеволодовичъ и съ Костромою, которую онъ отдалъ самому меньшему изъ девяти своихъ сыновей Василію. Всѣ старшіе сыновья Ярослава уже получили удѣлы и изъ нихъ *четвертый* Константинъ Ярославичъ *получилъ Галичъ*. Онъ и былъ *первымъ* Галицкимъ княземъ. По крайней мѣрѣ онъ первый изъ князей въ лѣтописяхъ именуется Галицкимъ. Для родившагося у Ярослава еще сына Василія нуженъ былъ удѣлъ и вотъ Ярославъ Всеволодовичъ, какъ можно думать, устраиваетъ городъ Кострому, какъ нѣсколько раньше устроилъ Тверь для Ярослава Ярославича. Кострома послѣ погрома батыева второй разъ была въ развалинахъ. Ярославъ Всеволодовичъ могъ поступить такъ же, какъ и съ Тверью, т. е. назначивъ для Костромы болѣе удобное для рѣчныхъ сношеній съ другими городами мѣсто на лѣвомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее р. Костромы, устроилъ здѣсь городъ; строить здѣсь церковь соборную во имя Феодора Стратилата и назначаетъ сюда княземъ меньшаго своего сына (Мизиянаго) Василія, который первый изъ князей въ лѣтописяхъ начинаетъ именоваться Костромскимъ, и съ этого времени начинается княженіе Костромское, какъ нѣсколько раньше получило начало княженіе Тверское съ Ярослава Ярославича, который также первый изъ князей въ лѣтописяхъ начинаетъ именоваться Тверскимъ. Вотъ по нашему мнѣнію аналогичный фактъ, дающій основаніе думать, что какъ Тверь, такъ и Кострома на настоящемъ своемъ мѣстѣ основана послѣ разгрома батыева Ярославомъ Всеволодовичемъ, обновителемъ суздальской земли, этимъ княземъ Камилломъ въ сѣверо-восточной Руси. Опять могутъ сказать намъ, что мы дѣлаемъ слишкомъ смѣлое заключеніе на основаніи только аналогій.

Но мы сейчас подтвердим наше заключеніе и очевиднымъ фактомъ. Мы упомянули о томъ, что Ярославъ Всеволодовичъ могъ построить древнѣйшую церковь въ Костромѣ во имя Θεодора Стратилата, хотя въ лѣтописяхъ объ этомъ нѣтъ извѣстія. Почему же мы думаемъ, что Ярославъ Всеволодовичъ былъ строителемъ древнѣйшей церкви въ Костромѣ? Обратимъ вниманіе на то, почему древнѣйшая соборная церковь въ Костромѣ была во имя Θεодора Стратилата? Мы знаемъ изъ исторіи, что какъ князья, такъ позднѣе и цари русскіе, церкви, особенно первые при устроеніи городовъ, часто строили въ честь тѣхъ святыхъ, имена которыхъ они носили. Такъ Юрій Долгорукій въ 1152 году во Владимірѣ построилъ церковь во имя св. Георгія, Михаилъ Александровичъ кн. тверской строилъ церкви въ честь Архангела Михаила: изъ новой русской исторіи мы имѣемъ примѣръ, что въ крѣпости, заложеной на о-вѣ Люсть Эйландѣ Петромъ Великимъ, сооружена была церковь во имя Апостоловъ Петра и Павла. Также могъ поступить и Ярославъ Всеволодовичъ. Изъ лѣтописей мы знаемъ, что кн. Ярославъ при крещеніи получилъ имя Θεодора. Ярославомъ же онъ былъ прозванъ послѣ. Лѣтописецъ такъ повѣствуетъ (*): „1190 г. родился у великаго князя Всеволода сынъ Θεодоръ, а прозванъ бысть Ярославъ, въ Черяславли, февраля 8-го“. Θεодоромъ онъ былъ названъ очевидно въ честь св. великомученика Θεодора Стратилата, память котораго чествуется православною церковью 8 февраля. Вотъ основаніе, по которому мы заключаемъ, что древнѣйшая церковь въ г. Костромѣ Θεодора Стратилата, находившаяся на мѣстѣ нынѣшней Богоотцевской, построена Ярославомъ Всеволодовичемъ въ честь святаго, имя котораго ему было дано при крещеніи. Какъ древнѣйшая церковь, она могла быть построена Ярославомъ при устроеніи города. Вотъ почему мы, имѣя еще аналогичный фактъ построй-

(*) Воскресен. лѣтопись.

ки Ярославомъ Всеволодовичемъ Твери на новомъ мѣстѣ послѣ батыева разгрома, приходимъ къ заключенію, что и Кострома устроена на новомъ, нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ тѣмъ же Ярославомъ Всеволодовичемъ и въ тоже время, т. е. когда онъ обновлялъ землю Суздальскую послѣ нашествія татаръ на нее. Въ дополненіе къ сказанному о построеніи церквей во вновь устроаемыхъ городахъ князьями въ честь тѣхъ святыхъ, имена которыхъ они носили, приведемъ здѣсь выдержку изъ исторіи Костромы (примѣчаніе 7) князя Козловскаго объ уѣздномъ городѣ Костромской губерніи Юрьевцѣ-Поволжскомъ: „основаніе Юрьевца положилъ благовѣрный князь Георгій Всеволодовичъ въ 1225 г., по явленіи ему на горѣ образа св. Великомученика Георгія, гдѣ и церковь деревянная во имя сего святаго построена на Георгіевской горѣ“. Мы желали узнать, нѣтъ ли опредѣленныхъ свѣдѣній о томъ, кѣмъ была построена древнѣйшая церковь св. Θεодора Стратилата въ Костромѣ, но такихъ свѣдѣній не оказалось. Остается, слѣдовательно, единственное основаніе опредѣлить строителя церкви—князя—это имя св., въ честь котораго сооружена церковь. А имя въ честь Θεодора Стратилата носилъ не кто другой изъ древнихъ князей русскихъ, какъ Ярославъ Всеволодовичъ. Кромѣ церкви св. Θεодора въ древности, по сказанію, въ окрестности ея были и другія древнія церкви. Затѣмъ мѣстность, гдѣ эти церкви находились въ старину, была по преданію возвышевяѣ нынѣшняго уровня. Все это ясно говоритъ, что первоначальный городъ Кострома на лѣвомъ берегу Волги былъ именно здѣсь при устьи р. Костромы. Если есть основаніе думать, что древнѣйшая церковь св. Θεодора Стратилата была построена Ярославомъ Всеволодовичемъ, то есть такимъ образомъ основаніе предполагать, что и городъ Кострома первоначально въ мѣстности близъ впаденія р. Костромы въ Волгу былъ построенъ Ярославомъ же Всеволодовичемъ послѣ разгрома батыева, т. е. послѣ того, какъ старый городокъ Кострома на правомъ берегу Волги былъ разрушенъ та-

тарами.—Но естественно рождается вопросъ: почему же лѣтописецъ не упоминаетъ о построеніи Костромы Ярославомъ Всеволодовичемъ на новомъ мѣстѣ точно такъ же, какъ о построеніи Твери? Лѣтописецъ не имѣлъ повода говорить объ этомъ. О построеніи Твери онъ говоритъ, приступая къ перечисленію ряда тверскихъ князей отъ перваго князя Ярослава Ярославича. Костромское княжество не имѣло въ исторіи такого значенія, какъ тверское, и костромскихъ князей было гораздо меньше, чѣмъ тверскихъ, такъ какъ костромское княжество рано потеряло свое самостоятельное значеніе, и потому въ лѣтописи не приводится послѣдовательнаго ряда его князей.—Съ назначеніемъ самому меньшему сыну Василю удѣломъ вновь устроеннаго г. Костромы Ярославомъ Всеволодовичемъ, получаетъ начало удѣльное княжество костромское, *но неединовременно* съ галицкимъ княжествомъ, какъ ошибочно говорится въ очеркахъ исторіи Костромы. Здѣсь говорится, что Ярославъ Всеволодовичъ, предъ отъѣздомъ своимъ въ орду 1240 г., назначилъ удѣлы каждому изъ своихъ сыновей, между прочимъ: Галичь Константину, а Кострому Василю; такимъ образомъ на пространствѣ нынѣшней Костромской губерніи явились два удѣльных княжества: Костромское и Галицкое (*). Это очевидный анахронизмъ. Во всѣхъ лѣтописяхъ говорится, что 1241 г. родился Ярославу сынъ Василій. Слѣдовательно 1240 г. Василя князя костромскаго еще не существовало на свѣтѣ. Константинъ былъ четвертый изъ девяти сыновей Ярослава Слѣдовательно Константинъ нѣсколькими годами, можетъ быть десятию, ранѣе Василя получилъ въ удѣлъ Галичь и значитъ галицкое княжество образовалось немного раньше костромскаго. Последнее, нужно думать, образовалось въ самой половинѣ XIII вѣка.

Нашъ взглядъ на начальную исторію г. Костромы мы мо-

(*) Бржозовский. Матеріалы, стр. 2.

жить резюмировать въ слѣдующихъ общихъ чертахъ: въ началѣ второй половины IX вѣка, въ пору начавшагося слиянія финскихъ племень съ славянскими, на правомъ берегу Волги, на мѣстѣ нынѣшняго сельца Городища, былъ устроенъ городокъ, который имѣлъ смѣшанное населеніе изъ мерянь и славянъ, получившій названіе отъ имени языческаго божества у нашихъ предковъ Костромы, олицетворявшаго, какъ Купало и Ярило, живительныя силы природы. Можетъ быть онъ былъ болѣе укрѣпленъ и распространенъ Юріемъ Долгорукимъ, и такимъ образомъ получилъ видъ городовъ Ростовско-Суздальской земли, но не устроенъ имъ вновь. Потомъ онъ подвергся двумъ бѣдствіямъ: въ первый разъ былъ сожженъ полкомъ князя ростовскаго Константина, какъ городъ, принадлежавшій къ волости его брата Юрія и находившійся, по всему вѣроятію, на границѣ или близь границы ихъ волостей; во второй разъ опустошенъ былъ татарами, когда онъ еще не успѣлъ возобновиться вполнѣ въ прежнемъ своемъ видѣ послѣ перваго бѣдствія. Въ разрушенномъ видѣ его и нашелъ Ярославъ Всеволодовичъ, обновитель Суздальской земли послѣ разгрома батыева. Ярославъ Всеволодовичъ, желая возобновить и устроить Кострому, перенесъ ее, по нашему заключенію, на новое мѣсто, болѣе удобное для сношеній при слияніи р. Костромы съ Волгой, точно такъ же, какъ перенесъ онъ и Тверь, построилъ въ Костромѣ первую церковь во имя св. великомученика Θεодора Стратилата, имя котораго онъ получилъ при крещеніи, и затѣмъ послѣднему, девятому изъ своихъ сыновей Василию отдалъ Кострому удѣломъ, и съ этого времени, съ половины XIII в., получило начало костромское княжество, нѣсколькими годами позднѣе галицкаго, отданнаго Ярославомъ 4-му сыну Константину. Къ этому присоединимъ еще, что прежнее мѣсто Костромы не пришло въ совершенное запустѣніе, но можетъ быть коренными жителями опять здѣсь было устроено селеніе въ видѣ городка, которое было населено торговымъ народомъ и въ началѣ

XIV вѣка, на что ясно указываютъ найденныя здѣсь при рас-
пашкѣ поля монеты, относящіяся по нашему мнѣнію къ XIV в.

Съ теченіемъ времени, съ явленіемъ Феодоровской иконы
Божіей Матери, съ основаніемъ новой соборной церкви княземъ
Василіемъ Ярославичемъ, когда нынѣшній городъ Кострома сталъ
быстро распространяться, старый городокъ началъ болѣе и болѣе
пустѣть и терять свое значеніе и наконецъ, можетъ быть послѣ
пожара, которые часто въ древности истребляли цѣлые города и
селенія на Руси, совсѣмъ опустѣлъ и вполнѣ уступилъ свое
значеніе новому городу Костромѣ на лѣвомъ берегу Волги.

II. Періодъ владимірскій въ исторіи Костромы.

а) Княженіе Василія Ярославича Костромскаго.

У Великаго Князя Ярослава Всеволодовича было девять сыновей: Федоръ, Александръ Невскій, Андрей Суздальскій, Константинъ Галицкій, Аѳанасій, Даниилъ, Михаилъ, Ярославъ Тверскій, Василій Костромскій (*) Послѣдній изъ сыновей Ярослава Всеволодовича Василій Костромскій родился 1241 г., какъ единогласно свидѣтельствуютъ лѣтописи. Въ приведенномъ перечнѣ сыновей Ярослава Всеволодовича мы въ первый разъ встрѣчаемъ названія: Галицкій, Тверскій, Костромскій. Изъ этого заключаемъ, что при Ярославі Всеволодовичѣ образовались удѣльныя княжества: Галицкое, Тверское и Костромское. Въ предыдущей статьѣ мы уже приводили мѣсто изъ лѣтописи, гдѣ говорится объ образованіи тверскаго княжества, давнаго удѣломъ Ярославу Ярославичу. Нѣсколько ранѣе, нужно думать, Ярославъ Всеволодовичъ отдалъ удѣломъ четвертому сыну Константину Галичъ. Для послѣдняго сына онъ устроилъ Кострому и отдалъ ее удѣломъ Василію, который въ лѣтописяхъ именуется Мизиннымъ, т е. самымъ меньшимъ. Въ просторѣчій онъ носилъ прозвище: «Квашня». Въ ростовской области княжила особая линія потомковъ Константина Всеволодовича и въ XIII в. одинъ изъ потомковъ его Глѣбъ Васильковичъ получаетъ удѣломъ Бѣлозерскъ. Такимъ образомъ Ростовско-Суздальская земля въ XIII в. раздробилась на многіе удѣлы между потомками Всеволода Юрьевича (Большое Гнѣздо).

Неизвѣстно опредѣленно, когда Василій Ярославичъ получилъ удѣломъ Кострому, но во всякомъ случаѣ до 1248 г.,—года смерти Ярослава Всеволодовича. Слѣдовательно Василій былъ назначенъ костромскимъ княземъ еще отрокомъ. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ XIII в. Василій могъ уже прибыть въ Кострому и

(*) Воскр. лѣтоп., т. 7, стр. 236.

начать княжить здѣсь. Слѣдовательно образованіе самостоятельнаго княженія костромскаго слѣдуетъ относить къ началу второй половины XIII в. Образованіе новаго княжества костромскаго было освящено явленіемъ Василию Ярославичу чудотворной иконы Божіей Матери. Годъ явленія иконы вполнѣ опредѣленно неизвѣстенъ, но можно съ полной увѣренностью полагать, что это чудесное событіе, служившее санкціею для новаго города и княжества костромскаго, совершилось въ началѣ княженія Василія Ярославича, т. е. въ концѣ пятидесятихъ годовъ XIII ст. Въ повѣсти о явленіи Феодоровской иконы Б. М. повѣствуется слѣдующее объ этомъ событіи: (*) «князь Василій однажды отправился за городъ на охоту. Недалеко отъ города (егда бѣ внѣ града поприще едино) псы начали сильно лаять. Князь поспѣшилъ на то мѣсто и узрѣлъ пречудную икону Пречистыя Богородицы, стоящую на сосновомъ деревѣ. Сошедъ съ коня, князь хотѣлъ взять св. икону, но икона поднялась кверху и не далась ему въ руки. Князь началъ изливать теплыя молитвы со слезами предъ св. иконою и вторично покусился взять ее, но не получилъ желаемаго и второй разъ. Онъ поспѣшилъ въ городъ и повѣдалъ о чудесномъ явленіи протопопу, повелѣлъ ему съ крестами и священнымъ соборомъ идти немедленно на то мѣсто, гдѣ явилась ему икона, и самъ со множествомъ народа отправился туда. Послѣ молебствія священники взяли св. икону, принесли ее въ городъ и поставили въ соборной церкви св. великомученика Феодора Стратилата. Черезъ нѣсколько времени пришли жители изъ города Городца и, увидѣвъ въ церкви Феодора св. икону, призвали въ ней икону, бывшую въ ихъ городѣ; но, сказали они, икона эта не обрѣтается у нихъ со времени раззоренія Городца татарами“. Далѣе въ повѣсти разсказывается о чудесномъ знаменіи отъ св. иконы Феодоровской: «придоша поганіи татары на градъ Кострому и князь Ва-

(*) Истор. описаніе Костром. успен. собора свящ. Островскаго, стр. 1 и слѣд.

силій поиде противу ихъ. Иноу же тую Богоматери повелѣлъ предъ собою носити. И тогда видѣша поганіи отъ иконы лучи огненные и видѣшае смутишася и на бѣжаніе устремишася. Князь же гнаше вслѣдъ ихъ и многихъ поби и живыхъ поима“ (*)

Потомъ кн. Василій повелѣлъ устроить церковь соборную каменную во имя Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія. Въ придѣлѣ соборной церкви князь повелѣлъ устроить церковь во имя Θεодора Стратилата. Первая древняя соборная церковь Θεодора Стратилата, куда вначалѣ была принесена св. икона, предъ тѣмъ сгорѣла, но „икона“, какъ говорится въ повѣсти, „не вредимою пребыть отъ огня“. Трудно опредѣлить, о какомъ нашествіи татаръ здѣсь повѣствуется. По крайней мѣрѣ на это нѣтъ точныхъ указаній въ лѣтописяхъ, но можно думать, что это было нашествіе не татаръ собственно, но бесерменскихъ купцовъ, которымъ татары отдавали на откупъ дань съ русскихъ областей. Изъ лѣтописей мы знаемъ, что противъ Бесерменъ бывали возмущенія въ разныхъ городахъ ростовскихъ и суздальскихъ. Такъ подъ 1262 г. въ Воскр. лѣтописи повѣствуется: „избави Богъ отъ лютаго томленія бесерменскаго люди ростовскія земли молитвами св. Богородицы и вложи ярость христіаномъ въ сердце, не можаху бо терпѣти насилія поганыхъ и созволивше вѣче и выгнаша ихъ изъ градовъ изъ Ростова, изъ Володимеря, изъ Суздаля, изъ Ярославля, изъ Переяславля. Человѣколюбецъ Богъ избави люди своя отъ великія бѣды“. Подобное же событіе, или нападеніе Бесерменъ могло быть въ тоже время и на Кострому, которую также «избави Богъ отъ лютаго томленія бесерменскаго молитвами св. Богородицы», по выраженію лѣтописца. Изъ событий времени удѣльнаго княженія Василія Ярославича намъ извѣстны: во 1-хъ бракъ его въ 1266 г. Вѣнчанъ онъ былъ въ Костромѣ въ церкви св. Θεодора епископомъ ростовскимъ Игнатіемъ. Во

(*) Эта побѣда была одержана Василіемъ Ярославичемъ при озерѣ недалеко отъ Костромы, получившемъ отъ того названіе „Святос“.

2-хъ — заступничество его за новгородцевъ предъ татарами по слѣдующему случаю: новгородцы за разныя притѣсненія и насилія изгнали В. Кн. Ярослава Ярославича и предложили княжить у нихъ кн. переяславскому Дмитрію Александровичу, сыну Александра Невского. Но Дмитрій отвѣчалъ новгородцамъ отказомъ, огорчившимъ ихъ. Въ это время они получаютъ отъ Василя Ярославича извѣстіе, что В. Кн. Ярославъ Ярославичъ готовится къ походу на нихъ съ полками монголовъ и съ союзными князьями. При этомъ Василій успокаивалъ новгородцевъ, говоря, „что св. Софія его отчина и онъ готовъ служить ей и имъ“. Василій отправляется въ орду въ сопровожденіи бояръ: Петра Рыгача и Михаила Пиняцинича. Тамъ тысяцкій новгородскій Ратиборъ, преданный Великому Князю, успѣлъ уже вооружить хана противъ новгородцевъ. Онъ наговорилъ хану на своихъ соотечественниковъ, что они изгнали В. Князя и дома наши разграбили и даже хотѣли умертвить насъ за то, что мы требовали съ нихъ для тебя дани. Ханъ, повѣривъ Ратибору, уже отправилъ полки свои на новгородцевъ наказать ихъ за ослушаніе, но Василій убѣдилъ хана, что новгородцы были правы, изгнавъ Ярослава изъ Новгорода, и успокоенный ханъ велѣлъ полкамъ своимъ возвратиться въ орду. За эту услугу Василій Ярославичъ надѣялся получить отъ новгородцевъ себѣ ихъ княжевіе. Новгородцы между тѣмъ приготовились къ отраженію враговъ. Кн. Ярославъ приближался уже къ Новгороду, во узнавъ, что новгородцы приготовились къ отчаянной защитѣ, отступилъ къ Русѣ. Здѣсь, при участіи митрополита Кирилла, новгородцы заключили съ В. Кн. миръ. Грамата этого мирнаго договора сохранилась и въ ней, между прочими условіями, говорится, „чтобы В. Князь пословъ и купцовъ новгородскихъ, остановленныхъ въ Костромѣ и въ другихъ низовскихъ городахъ, выпустилъ съ ихъ имѣніемъ“ (*). Отсюда мы

(*) Собр. гос. грам. и договор., ч. 1, № 3.

заключаемъ, что рать В. Князя Ярослава Ярославича была въ это время отправлена къ Костромѣ и къ другимъ низовскимъ городамъ съ цѣлю перехватить здѣсь нословъ и купцовъ новгородскихъ. В. Кн. Ярославъ былъ снова принятъ новгородцами. Но теперь онъ жилъ здѣсь только нѣсколько мѣсяцевъ и потомъ уѣхалъ въ столичный городъ Владиміръ. В. Кн. Ярославъ Ярославичъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, старался угождать хану и въ 1272 г. съ братомъ своимъ Васиіемъ Ярославичемъ Костромскимъ и племянникомъ Димитріемъ Александровичемъ отправился въ орду, но на возвратномъ пути оттуда скопчался. На великое княженіе владимірское вступилъ теперь, по праву старшинства, слѣдующій за Ярославомъ Ярославичемъ братъ его Васиій Ярославичъ Кн. Костромскій. Онъ не перемѣнилъ своей резиденціи, но, будучи и великимъ княземъ, продолжалъ жить въ Костромѣ. Такимъ образомъ, хотя стольнымъ городомъ великокняжескимъ, считался Владиміръ, но, такъ какъ В. Князь теперь жилъ въ Костромѣ, то фактически Кострома сдѣлалась столицей великаго княженія и всей тогдашней русской земли и оставалась съ этимъ значеніемъ въ теченіи пяти лѣтъ, т. е. въ продолженіи великаго княженія Васиіа Костромскаго отъ 1272 г. по 1276 г. включительно.

Вступивъ на великокняжескій престолъ, Васиій Ярославичъ желалъ княжить и въ Новгородѣ, но здѣсь ему явился соперникомъ племянникъ его Димитрій Александровичъ переяславскій. Послѣдній прислалъ пословъ въ Новгородъ, желая самъ княжить здѣсь. Въ свою очередь прислалъ въ Новгородъ пословъ и Васиій Ярославичъ „хотя съѣсти на столѣ“. Послы отъ обоихъ князей сошлись на Ярославовомъ дворѣ. Посадникъ новгородскій Павша былъ на сторонѣ Димитрія и новгородцы, по совѣту его, дали свое княженіе Димитрію, отправивъ за нимъ своихъ пословъ. Кн. Димитрій прибылъ въ Новгородъ и сѣлъ на столѣ. Узнавъ объ отъѣздѣ Димитрія въ Новгородъ, Кн. Васиій послалъ вслѣдъ

за нимъ воеводу своего Семена, а самъ пошелъ къ Переяславлю и отсюда къ Торжку. У Торжка онъ сжегъ посадъ, посадилъ намѣстника своего въ городѣ и пошелъ назадъ въ Кострому. Между тѣмъ тверской князь Святославъ Ярославичъ, дѣйствуя за одно съ дядей, началъ опустошать волость новгородскую. Димитрій Александровичъ съ новгородцами идетъ къ Твери, а къ князю Василию отправляетъ пословъ сказать: „зачѣмъ захватилъ волости новгородскія? Отдай ихъ назадъ, а со мной примиришь“. В. Кн. Василий отпустилъ пословъ съ честію, но на миръ не согласился. Новгородцы съ княземъ Димитріемъ остановились въ Торжкѣ и здѣсь произошла перемѣна. Они пришли къ убѣжденію, что имъ необходима дружба Великаго Князя: „купцовъ нашихъ“, говорили они, „грабятъ теперь въ суздальской землѣ, въ Новгородѣ же вздорожалъ хлѣбъ“. Они рѣшили исполнить волю Василия и отдать ему свое княженіе. Кн. Димитрій уступилъ новгородскій столъ дядѣ и ушелъ изъ Новгорода. Павша, вѣрный Димитрію, лишенъ былъ посадничества, которое было вручено Михаилу Мишиничю. Новгородцы послали за княземъ Василиемъ и съ посадникомъ Михайломъ цѣловали на вѣрность ему образъ господень въ Торжкѣ. Лишенный посадничества, Павша бѣжалъ было сначала къ кн. Димитрію, но, боясь остаться изгнанникомъ, отправился къ В. Князю въ Кострому и прибѣгъ къ его милости. По предложенію великодушнаго В. Кн. Василия, новгородцы опять дали посадничество Павшѣ, возвративъ его изъ Костромы, и онъ былъ посадникомъ въ Новгородѣ до своей смерти въ 1274 г. Потомъ посадничество снова было отдано Михаилу Мишиничю. По случаю кончины Павши, В. Кн. Василий второй разъ былъ въ Новгородѣ въ 1274 г.

Время великаго княженія Василия Ярославича ознаменовано въ исторіи знаменитымъ духовнымъ соборомъ, составленнымъ во Владимірѣ въ 1274 г. подъ предсѣдательствомъ митрополита Бириллы, прибывшаго въ это время изъ Бѣва во Владимір. Мит-

рополить Кириллъ, узнавъ о разныхъ беспорядкахъ въ церковныхъ дѣлахъ, желалъ исправить ихъ и съ этою цѣлю созвалъ во Владимірѣ соборъ епископовъ, чтобъ сообща обсудить всѣ недостатки церковныя и выработать церковныя правила (*). Въ составленныхъ на соборѣ правилахъ митрополить замѣчаетъ, что разныя бѣдствія, постигшія отечество наше, служили наказаніемъ за нарушеніе уставовъ церкви и за то, что донинѣ уставы церковныя были омрачены облакомъ эллинской мудрости. Находя, что нравственность народа зависитъ отъ нравственного уровня духовенства, митрополить повелѣваетъ давать священныи санъ людямъ съ безупречнои нравственностью. Епископамъ строго запрещалось брать деньги съ новопоставленныхъ священниковъ, кромѣ определенной пошлины; предписывалось священникамъ неуклонно исполнять свои обязанности. Еще митрополить вооружается противъ разныхъ языческихъ празднествъ, игрищъ и обрядовъ, остающихся въ народѣ и предписываетъ духовенству искоренять ихъ. Вообще митрополить Кириллъ соборными правилами хотѣлъ возвысить нравственность народа, ставя ее въ зависимость отъ нравственного уровня духовенства. Такое важное значеніе въ исторіи русской церкви и русскаго государства имѣлъ соборъ при Василии Ярославичѣ въ 1274 г. Въ слѣдующемъ 1275 г. В. Кн. Василій предпринялъ путешествіе въ орду на поклонъ хану, по установленному тогда обычаю князей русской земли отправляться отъ времени до времени въ орду чествовать хана дарами. Можетъ быть это путешествіе имѣетъ связь съ вторичною переписью, произведенною въ это время чиновниками татарскими, или баскаками во всѣхъ россійскихъ областяхъ для сбора дани. По возвращеніи изъ орды въ началѣ 1277 г. въ январѣ мѣсяцѣ скончался В. Кн. Василій Ярославичъ на 37-мъ году жизни, пробывъ великимъ княземъ пять лѣтъ. Такъ какъ онъ постоянно жилъ въ Кюстромѣ,

(*) Исторія Караянна. т. IV, гл. 4.

то и скончался здѣсь и былъ погребенъ въ церкви св. Феодора. На погребеніе его съѣхались многіе князья: Борисъ и Глебъ ростовскіе, сынъ князя Іоанна Стародубскаго Михаилъ, вн. Димитрій Александровичъ, Феодоръ Ростиславичъ ярославскій и множество бояръ. Погребеніе совершалъ Епископъ Игнатій съ игуменами и прочимъ духовенствомъ. Горестъ народа по В. Князѣ была такъ велика, что за сильнымъ плачемъ не слышно было пѣнія. Лѣтописцы характеризуютъ кн. Василия милостивымъ и набожнымъ. Доказательствомъ первой черты его характера служить милость, оказанная имъ посаднику новгородскому Павшѣ, второй—упомянутый нами духовный соборъ, созванный въ его княженіе во Владимірѣ. Мѣсто, гдѣ погребенъ кн. Василій и гдѣ поживаетъ его прахъ, въ точности неизвѣстно теперь, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что прахъ его покоится донныѣ подъ теперешней церковью Богоотцевской, устроенной впоследствии на мѣстѣ древней церкви св. Феодора Стратилата. Мы слышали даже преданіе отъ прошлаго столѣтія, что, во время исправленія фундамента нынѣшней церкви, находили признаки гроба или склепа, гдѣ покоится очевидно прахъ достопамятнаго въ исторіи Костромы и въ русской исторіи В. Князя Василия Ярославича Костромскаго.

б) Событія въ Костромскомъ и Галицкомъ княжествахъ по смерти Василия Ярославича Костромскаго.

По смерти Василия Ярославича на великокняжескомъ владимірскомъ столѣ сѣлъ племянникъ его, сынъ Александра Невскаго, Димитрій. Новгородцы также признали Димитрія своимъ княземъ. Изъ лѣтописи не видно, чтобы тотчасъ по смерти Василия Ярославича (Квашни) Кострома была отдана кому либо изъ князей (*). Видно, что она опять на нѣкоторое время принадлежитъ исключи-

(*) Такъ какъ неизвѣстно, чтобы у Василия Ярославича были дѣти.

тельно В. Биязю владимірскому Дмитрію, который, подобно дядѣ своему Василю, жилъ не во Владимірѣ, но въ прежнемъ своемъ городѣ Переяславѣ. Между тѣмъ въ Галичѣ княжила въ это время линия Константина Ярославича. По крайней мѣрѣ подь 1280 г. встрѣчаемъ въ лѣтописи (*) извѣстіе о кончинѣ князя Давида Константиновича галицкаго и дмитровскаго, внука Ярослава Всеволодовича. Онъ былъ вторымъ княземъ галицкимъ.

Вскорѣ по вступленіи на великокняжескій престолъ Дмитрія, младшій братъ его Андрей Александровичъ городецкій, по совѣту боярина крамольника Семена Тонгліевича и другихъ бояръ, началъ искать подь старшимъ братомъ своимъ, вопреки установленному порядку, великаго княженія у хана. Помощію лести и даровъ онъ успѣлъ получить ярлыкъ отъ хана на великое княженіе и привелъ съ собою на великаго князя рать татарскую подь предводительствомъ Кавгадыя и Алчедая. Сначала онъ подступилъ къ Мурому и съ нимъ Семень Тонгліевичъ и другіе бояре крамольники, а затѣмъ пошелъ къ Переяславлю. Татары разсыпались по суздальской землѣ и опустошили въ ней много городовъ и волостей. Кн. Дмитрій искалъ спасенія у новгородцевъ, но новгородцы не приняли его, вспоминая прежнія обиды. Они призвали къ себѣ на княженіе Андрея Александровича. Узнавъ объ уходѣ татаръ въ орду, кн. Дмитрій возвратился въ свой Переяславль и началъ готовить рать на Андрея. Андрей поспѣшилъ въ орду, получилъ здѣсь снова отъ хана вспомогательное войско, которое опять опустошило суздальскую землю и направилось къ Переяславлю. Дмитрій въ свою очередь прибѣгъ къ помощи татаръ и отправился къ хану Ногаю, господствовавшему въ это время въ предѣлахъ нынѣшней южной Россіи. Ногай возвратилъ великокняжескій престолъ Дмитрію. Новый ханъ золотой орды Туданъ Мангу, боясь Ногаю, не могъ противиться его волѣ. На пѣкоторое время братья примирились и Андрей отказался отъ великаго кня-

(*) Воспресен. лѣтоп.

женія въ пользу брата Димитрія. Тогда въ Костромѣ была совершена смертная казнь надъ крамольникомъ бояриномъ Семеномъ Тонгліевичемъ. Этотъ льстивый бояринъ, по совѣту котораго Андрей началъ вражду съ старшимъ братомъ своимъ Димитріемъ, причинившую много зла суздальской землѣ, жилъ теперь въ великокняжескомъ городѣ Костромѣ. Примирившись съ братомъ, в. кн. Димитрій послалъ въ Кострому своихъ бояръ Антона и Феодана убить тамъ „крамольника льстиваго“ Семена Тонгліевича. Повелѣніе в. князя было исполнено. Бояре, тайно схвативъ Семена, старались вывѣдать отъ него: не имѣетъ ли князь Андрей новыхъ замысловъ? Но Семень отвѣчалъ: „я ничего не знаю. Братья ссорятся, братья мирятся, а мое дѣло вѣрно служить Государю“. Не признавая себя виновнымъ въ томъ, чтобы Андрей по его совѣту призывалъ татаръ, онъ отвѣчалъ на всѣ угрозы бояръ: «и такъ великій князь не боится вѣроломства? Клялся быть другомъ Андрея и грозить казнію его боярамъ!»! Очевидно, что Семень Тонгліевичъ считалъ безопаснымъ свое пребываніе въ великокняжескомъ городѣ Костромѣ, надѣясь на заключенный между братьями миръ. Но посланные бояре умертвили его здѣсь по повелѣнію в. князя Димитрія 1283 г. Кн Андрей немогъ противиться волѣ хана и уступилъ Димитрію даже и Новгородъ, удовольствовавшись по прежнему Городцемъ. Но втайнѣ онъ продолжалъ питать злобу на брата и снова началъ снискивать расположеніе у татаръ. Сначала хитрыми происками онъ привлекалъ на свою сторону нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей, въ особенности Феодора Ростиславича Ярославскаго. Андрей и Феодоръ очернили Димитрія предъ Ногаемъ и Ногай отправилъ войско на помощь имъ подъ предводительствомъ Дюдени, брата хана Тогты. Это нашествіе татаръ было въ 1293 г. В. кн. Димитрій жилъ въ это время въ Переяславлѣ. Сыну же своему Іоанну Димитріевичу онъ далъ въ этотъ годъ въ удѣлъ Кострому, на что имѣемъ ясное свидѣтельство лѣтописи

подъ 1293 г.: «сѣде на Костромѣ князь Іоаннъ Дмитріевичъ» (*). Этотъ князь очевидно былъ вторымъ самостоятельнымъ княземъ Костромскимъ. Между тѣмъ татары уже шли возвести Андрея на великое княженіе и начали опустошать землю суздальскую. Князь Дмитрій изъ Переяслава бѣжалъ во Псковъ. Новгородцы объявили Андрею, что они признають его своимъ княземъ. Андрей прибылъ въ Новгородъ, а союзникъ его Феодоръ Ростиславичъ взялъ себѣ Переяславль Залѣсскій 1294 г. По уходѣ татаръ, князь Дмитрій сѣвшилъ въ свой удѣлъ Переяславль, но былъ на пути захваченъ братомъ Андреемъ. Впрочемъ Андрей оставилъ въ своихъ рукахъ только казну брата, а Дмитрій былъ освобожденъ и ушелъ въ Тверь. Онъ уступилъ Андрею великое княженіе и самъ шелъ въ Переяславль (**). Но на пути къ Переяславу онъ умеръ, принявши монашество. По смерти Дмитрія Андрей Александровичъ уже по праву вступаетъ на великое княженіе. Іоаннъ Дмитріевичъ Костромскій по смерти отца очевидно получилъ свой родовой Переяславль, а Кострома была отдана великимъ княземъ Андреемъ сыну своему Борису, но не ранѣе 1299 или 1300 г. Такъ по крайней мѣрѣ слѣдуетъ заключить изъ сказаній лѣтописныхъ: подъ 1299 князь Борисъ упоминается въ лѣтописяхъ еще въ качествѣ намѣстника великаго князя въ Новгородѣ; подъ 1302 г. въ лѣтописяхъ (***) находимъ извѣстіе о кончинѣ князя Іоанна Дмитріевича въ Переяславлѣ, въ сказаніи же, относящемся къ февралю мѣсяцу слѣдующаго 1303 г. (****), находимъ извѣстіе о кончинѣ князя Бориса Андреевича *на Костромѣ*. Такой порядокъ преемственности князей въ Костромѣ: Бориса Андреевича, княжившаго послѣ Іоанна Дмитріевича чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени, но еще до

(*) Лаврент. лѣтоп.

(**) Переяславль между тѣмъ былъ сожженъ предъ тѣмъ Феодоромъ Ростиславичемъ, который по условію долженъ былъ оставить его.

(***) Воскр. лѣтоп.

(****) Лавр. лѣтоп.

смерти Іоанна Дмитріевича, получившаго очевидно по смерти отца Переяславль *вмѣсто* Костромы, гдѣ сѣлъ потомъ Борисъ Андреевичъ, гораздо естественнѣе, чѣмъ тотъ порядокъ, который приводится въ очеркахъ исторіи Костромы. Здѣсь говорится, что Борисъ Андреевичъ будто по смерти Іоанна Дмитріевича 1302 получилъ Кострому и что будто равнѣ Кострома была присоединена Іоанну къ удѣлу Переяславскому. Скорѣе здѣсь слѣдуетъ допускать замѣну одного удѣла другимъ, т. е. что Переяславль былъ данъ Іоанну Дмитріевичу вмѣсто Костромы, отданной потомъ великимъ княземъ Андреемъ сыну своему Борису. Борисъ Андреевичъ былъ такимъ образомъ третьимъ самостоятельнымъ Костромскимъ княземъ. Такой порядокъ полученія удѣловъ вполне соотвѣтствовалъ тогдашнему обычаю такъ называемаго лѣствичнаго восхожденія князей, т. е. когда вступалъ на престолъ новый великій князь, остальные князья передвигались съ худшихъ на лучшіе удѣлы по старшинству. Итакъ въ Костромѣ княжили: 1-й князь Василій Ярославичъ Костромскій въ началѣ второй половины XIII в. и, со включеніемъ его великаго княженія, по 1277 г. Послѣ него Кострома находилась въ непосредственномъ владѣніи великаго князя владимірскаго до 1293 г., когда ее получилъ въ удѣлъ Іоаннъ Дмитріевичъ сынъ великаго кн. Дмитрія Александровича. Онъ княжилъ здѣсь до смерти своего отца, послѣ чего получилъ Переяславль какъ родовой удѣлъ послѣ отца, а Кострому чрезъ нѣсколько времени, можетъ быть въ 1300 г., получилъ кн. Борисъ Андреевичъ и княжилъ здѣсь до начала 1303 г.

Подъ 1304 г. въ лѣтописи (*) повѣствуется о слѣдующемъ событіи въ Костромѣ: іюля 23 была страшная гроза и туча велика нашла отъ востока, молнія ударила въ маковицу церкви св. Θεодора и зажгла ее, а до вечерни церковь сгорѣла.

По кончинѣ в. в. Андрея Александровича, великокняжескій престолъ, по праву старѣйшинства, долженъ былъ перейти къ

(*) Воскр. лѣтоп.

тверскому князю Михаилу Ярославичу, но усилившийся к тому времени московский князь, двоюродный племянник Михаила Ярославича, Юрий Данилович начал домогаться великаго княженія у хана подъ Михаиломъ. Съ 1304 г. начинается знаменитая усобица между этими князьями изъ за великаго княженія. Оба князя отправились на судъ къ хану. Города русскіе раздѣлились: одни были за Юрія, другіе за Михаила. Кострома была въ числѣ городовъ, преданныхъ Михаилу. По этому, когда Юрий Данилович прислалъ въ Кострому княжить брата своего Бориса Даниловича, граждане костромскіе схватили его и отправили въ Тверь. Во многихъ областяхъ и городахъ во время этой усобицы было безначаліе и неустройство; оба князя были въ ордѣ и искали у хана великаго княженія, а между тѣмъ бояре своевольничали по городамъ и вооружали тѣмъ противъ себя чернь. Извѣстно, что во время этого безначалія въ Костромѣ собралось вѣче противъ бояръ: Давида Явдовича, Жеребца и другихъ, вѣроатно, или бывшихъ на сторонѣ Юрія или своевольничавшихъ здѣсь, пользуясь безначаліемъ. Нѣкоторые изъ этихъ бояръ были казнены жителями Костромы. Подобная же ненависть черни противъ бояръ проявилась и въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ черные люди побили бояръ. Споръ между князьями на первый разъ былъ рѣшенъ ханомъ въ пользу кн. Михаила тверскаго, и послѣдній сѣлъ на великомъ княженіи владимірскомъ. — Изъ событій исторіи Галича, слѣдовавшихъ по хронологическому порядку, подъ 1310-мъ г., въ лѣтонисяхъ встрѣчаемъ извѣстіе о рожденіи у галицкаго князя Василія Константиновича, внука Ярослава Всеволодовича, сына Феодора. Отсюда заключаемъ, что послѣ смерти галицкаго князя Давида Константиновича въ 1280 г., въ Галичѣ княжилъ братъ его Василій Константиновичъ, который такимъ образомъ былъ третьимъ галицкимъ княземъ.

Споръ изъ за великаго княженія чрезъ нѣсколько времени опять возобновился между Михаиломъ тверскимъ и Юриемъ мос-

ковскимъ. Юрій опять идетъ въ орду, чтобы очернить предъ ханомъ своего соперника и помощью даровъ получаетъ великое княженіе. Лѣтописецъ тверской повѣствуетъ, что въ 1317 г. возвратился изъ орды князь Юрій съ ханскимъ посломъ Кавгадыемъ. Князь Михаилъ встрѣтывалъ ихъ съ князьями суздальскими у преданнаго ему города Костромы. Долго стояли князья съ своими ратями „о Волгу (*)“, по выраженію лѣтописца, и при посредствѣ Кавгадыя примирились, при чемъ кн. Михаилъ уступилъ Юрію великое княженіе, а самъ ушелъ въ Тверь. Князь же Юрій, соединившись у Костромы съ князьями суздальскими, пошелъ къ Ростову, потомъ къ Переяславлю и повсюду началъ производить опустошенія въ городахъ, очевидно преданныхъ Михаилу. Не смотря на уступку со стороны кн. Михаила, Юрій съ князьями суздальскими вторгся въ тверскія волости Михаила, началъ опустошать ихъ и подступилъ къ Твери. Михаилъ Ярославичъ выступилъ на бой съ нимъ и одержалъ надъ соперникомъ побѣду, взявши въ плѣнъ посла ханскаго Кавгадыя и жену князя Юрія, сестру хана Узбека, Кончаку, которая вскорѣ умерла въ Твери. Тогда Юрій Даниловичъ въ 1318 г. снова отправляется вмѣстѣ съ Кавгадыемъ, освобожденнымъ Михаиломъ изъ плѣна, въ орду возвести предъ ханомъ на Михаила тяжкія обвиненія, между прочимъ и въ отравленіи Кончаки. Въ этомъ году изъ орды прибылъ лютый ханскій посолъ именемъ Кочка, напалъ сначала на Кострому, какъ городъ преданный кн. Михаилу, и убилъ здѣсь 120 человекъ; затѣмъ подступилъ онъ къ Ростову и разграбилъ

(*) Это выраженіе лѣтописца можно понимать такъ, что князья съ ратями стояли на противоположныхъ сторонахъ Волги. Предлогъ о съ винительнымъ падежемъ употребляется въ означеніе смежности: жить объ стѣну, т. е. въ помѣщеніяхъ смежныхъ по ту и другую сторону стѣны. Понимая такъ выраженіе лѣтописца, мы можемъ догадываться, что въ описываемое имъ время и на другой сторонѣ Волги т. е. на правой, было селеніе, какъ остатокъ древняго города Костромы, гдѣ стоялъ долго Юрій съ татарами. Не отъ этого ли времени сохранились здѣсь въ почвѣ раньше упомянутыя нима монеты?

его: ограбилъ церкви, пожегъ монастыри и людей взялъ въ плѣнъ. Споръ между князьями изъ за великаго княженія кончился трагическимъ событiемъ въ русской исторiи — казнью въ ордѣ кн. Михаила тверскаго. Великокняжескiй столъ получилъ Юрiй московскiй. Слѣдовательно и Кострома, не имѣвшая теперь самостоятельнаго князя, волей неволей должна была подчиниться князю Юрiю Даниловичу.

Подъ 1320 г. въ лѣтописяхъ повѣствуется о слѣдующемъ событiи въ Костромѣ: князь Константиинъ Михайловичъ (тверскiй) вступилъ здѣсь въ бракъ съ дочерью великаго кн. Юрiя Софiею и вѣнчанъ былъ въ церкви св. Феодора, вѣроятно, устроенной вновь послѣ пожара 1304 г. (*) Почему этотъ бракъ состоялся въ Костромѣ, а не въ стольномъ Владимiрѣ или не въ Москвѣ, неизвѣстно.

Въ то время, когда в. кн. Юрiй Даниловичъ, примирившись съ другимъ соперникомъ своимъ княземъ тверскимъ Дмитрiемъ Михайловичемъ, сыномъ Михаила Ярославича тверскаго, былъ въ Новгородѣ, братъ его Юанвъ Даниловичъ прибылъ изъ орды съ сильнымъ посломъ ханскимъ Ахмыломъ, который, желая водворить благоустройство въ великомъ княженiи, многія пакости чинилъ по низовской землѣ, по выраженiю лѣтописца, взялъ Ярославль и многихъ христіанъ избилъ. По всему вѣроятiю, этому бѣдствiю въ 1322 г. подверглась и Кострома, какъ городъ въ низовской землѣ на пути къ Ярославлю. По кончинѣ в. кн. Юрiя, убитаго въ ордѣ сыномъ Михаила тверскаго Дмитрiемъ Грозныя Очи 1325 г., опять чрезъ нѣсколько времени начинается борьба за

(*) Мы не думаемъ, чтобы этотъ храмъ называлась икона соборная церковь Успенiя, построенная Василiемъ Костромскимъ, какъ говорится въ Пам. книж. Костр. губ. на 1862 г., на стр. 220-й. Въ публици о иконѣ иконы Феодоровской говорится, что древняя церковь св. Феодора дважды сгорѣла, въ первый разъ пожаръ послѣ казенiя иконы, второй разъ очевидно 1304 г. отъ молнiи. Слѣдовательно, послѣ перваго пожара она была возобновлена, гдѣ и погребенъ Василiй Ярославичъ, а послѣ втораго пожара тоже, вѣроятно, была ислорѣ возобновлена, какъ видно изъ дальнѣйшей исторiи.

великое княженіе между московскимъ княземъ Іоанномъ Даниловичемъ и тверскимъ Александромъ Михайловичемъ. Борьба эта кончилась, подобно первой, трагическимъ же событіемъ—кашью въ орду тверскаго кн. Александра Михайловича съ сыномъ его Теодоромъ. Великое княженіе получилъ Іоаннъ Даниловичъ кн. московскій. Законное право старшинства на великое княженіе имѣлъ теперь кн. суздальскій Александръ Васильевичъ, внукъ Андрея, старшаго брата Александра Невскаго; но онъ уступилъ право на великое княженіе Іоанну Даниловичу московскому. Въ одной лѣтописи синодальной бібліотеки сказано впрочемъ, что царь Узбекъ раздѣлилъ великое княженіе между Іоанномъ Даниловичемъ и Александромъ Васильевичемъ; утвердивъ Владиміръ за послѣднимъ: князю Іоанну Даниловичу Узбекъ будто бы далъ Новгородъ и Кострому, а суздальскому князю Владиміръ и Поволжье. По смерти уже кн. Александра суздальскаго въ 1333 г., Іоаннъ началъ свободно повелѣвать князьями и господствовать надъ ними, какъ глава Россіи.

Княженіе Іоанна Даниловича ознаменовано въ исторіи Костромы построеніемъ мурзой татарскимъ Четомъ, родоначальникомъ Годуновыхъ, Ипатьевской обители, сдѣлавшейся знаменитой въ послѣдствіи. Приводимъ изъ историко-статистическаго описанія Костромскаго первокласснаго кафедральнаго Ипатьевского монастыря протоіерея Островскаго (Кострома 1870 г.) свѣдѣнія объ основаніи Ипатьевской обители: „добрая слава в. кн. Іоанна Даниловича Калиты, повѣствуетъ нашъ исторіографъ (*), привлекла къ нему (1328—40 гг.) людей знаменитыхъ изъ разныхъ странъ, сосѣднихъ Россіи. Въ числѣ ихъ былъ мурза Четь, выѣхавшій въ Москву изъ орды. На пути къ Москвѣ Четь остановился для обычнаго роздыха у Костромы. Онъ ѣхалъ въ Россію не для грабежа, какъ дѣлали его предки, но для мирной жизни и службы

(*) Карамзинъ, т. IV стр. 14.

въ Россіи. И вотъ Пресвятая Владычица міръ, сидюю огненныхъ лучей чуднаго лика своего сохранившая (1262—4 гг.) Кострому отъ татаръ, является ихъ потомку въ чудномъ видѣніи, чтобы снять съ него духовную слѣпоту и просвѣтитъ вѣрою Христовою. Божія Матерь Чету явилась съ св. Апостоломъ Филиппомъ, который нѣкогда просвѣтилъ вѣрою въ І. Христа знаменитаго палаточника эеюлскаго, и священномученикомъ Ипатіемъ. Въ память чуднаго явленія и въ благодарность Господу Богу за даръ духовнаго свѣта, Четъ (въ св. крещеніи Захарія) воздвигъ на мѣстѣ видѣнія обитель во имя священномученика Ипатія Епископа Гагрискаго. Эта обитель сдѣлалась колыбелью царственнаго дома Романовыхъ (*). По сказаніямъ основаніе обители было въ 1330 г.... Если вѣрить сказанію лѣтописи синодальной бібліотеки, приведенному нами раньше, то въ это время Іоаннъ Калита владѣлъ великимъ княженіемъ совместно съ княземъ суздальскимъ Александромъ Насильвичемъ и при томъ владѣлъ Костромою. Послѣ смерти гн. Александра въ 1333 г. Іоаннъ Даниловичъ становится уже полновластнымъ великимъ княземъ. Онъ не хотѣлъ выѣхать изъ Москвы, гдѣ находилась уже и кафедра митрополитья. Владиміръ окончательно теряетъ теперь значеніе стольнаго города, которое на долгое время переходитъ къ Москвѣ. Съ этого времени, т. е. съ 30-хъ гг. XIV в., въ исторіи Костромы, входившей въ составъ великаго княженія Московскаго, начинается періодъ московскій.

(*) Стр. 2, 4.

III. Періодъ московскій въ исторіи Костромы и Галича.

Іоаннь Даниловичъ Калита (1328—40 г.), князь собиратель Руси, болѣе мирнымъ способомъ—куплею и мѣною, чѣмъ оружіемъ увеличивалъ свою наследственную волость московскую. О владѣніяхъ Іоанна Калиты мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія изъ его завѣщанія сыновьямъ и княгинѣ. Здѣсь подробно исчисляются волости и села, купленные и вымѣненные Іоанномъ Калитою и предназначаемыя сыновьямъ его и княгинѣ. Между прочимъ здѣсь упоминается и то село, «что есмь купилъ на Костромѣ». Оно назначено было княгинѣ (*). Въ завѣщаніи Дмитрія Донскаго упоминается въ числѣ купленныхъ городовъ Калитою Галичъ, проданный Калитѣ однимъ изъ потомковъ Константина галицкаго: «а сына своего Юрія благословляю куплею своего дѣда Галичемъ». Но Калита въ своемъ завѣщаніи не упоминаетъ о городахъ: Владимірѣ, Костромѣ и Переяславлѣ и другихъ городахъ, бывшихъ достояніемъ великокняжескаго сама. Карамзинъ замѣчаетъ, что Іоаннь Калита, располагая только своею отчиною Москвою съ волостями, не могъ эти города отказать сыновьямъ, ибо назначеніе его преемника зависѣло отъ хана (**). Поэтому въ очеркахъ исторіи Костромы не точно говорится, что изъ завѣщанія Калиты видно, что Кострома и Галичъ принадлежали къ его владѣніямъ (***) Изъ завѣщанія внука Іоанна Калиты Дмитрія Донскаго видно, что только Галичъ принадлежалъ къ владѣніямъ Калиты, но Кострома была городомъ вообще великокняжескимъ и если зависѣла отъ Калиты, то потому только, что Калита теперь былъ великимъ княземъ. Послѣ же него она могла перейти не къ по-

(*) Это Новое сельцо, или Селище на правомъ берегу Волги противъ Костромы, писано съ селомъ Павловскимъ.—покупкою бабки Калиты, жены Александра Невскаго.

(**) Ист., т. IV, стр. 151.

(***) Хотятъ замѣтить здѣсь любопытное свѣдѣніе, что слово Кострома въ это время имѣло фамилію; завѣщательную грамоту Калиты писалъ дьякъ великокняжескій Кострома.

толкамъ его, а въ зависимость отъ того князя, кто по волѣ хана сядетъ на великомъ княженіи. Послѣ Калиты на великое княженіе сѣлъ сынъ его Симеонъ Гордый. Лѣтописцы говорятъ, что вся Россія испытала при немъ гнѣвъ небесный, именно: болѣзнь, извѣстную подъ названіемъ черной смерти, отъ которой скончался и самъ великій князь 1353 г. (*). Послѣ непродолжительнаго великаго княженія брата Симеона Гордаго Іоанна Іоанновича, въ 1359 г. ханъ отдалъ великое княженіе Дмитрію Константиновичу суздальскому, который хотѣлъ возстановить значеніе великокняжескаго города Владиміра, бывшей столицы, по митрополитъ Алексѣй остался въ Москвѣ. Въ княженіе Дмитрія Константиновича удѣльные князья явно начали стремиться къ самостоятельности и правнукъ Константина Ярославича галицкаго Дмитрій Іоанновичъ получилъ въ ордѣ грамоту на свой наследственный удѣлъ Галичъ, не смотря на то, что этотъ городъ былъ купленъ Калитою (**). Въ княженіе великаго князя Дмитрія Константиновича въ 1360 г. въ Костромѣ былъ съѣздъ князей по слѣдующему случаю: какіе-то разбойники изъ русскихъ областей напали на болгарскій городъ Жукотинъ близъ устья Камы и разграбили его. Жукотинцы принесли жалобу хану. Ханъ отправилъ посла для суда по этому дѣлу и посоль ханскій прибылъ въ Кострому, куда съѣхались: великій князь Дмитрій Константиновичъ, братъ его Андрей Нижегородскій и Константинъ ростовскій. Разбойники были отысканы и выданы болгарамъ, а посоль ханскій возвратился въ орду. Непродолжительно было великое княженіе Дмитрія Константиновича. Князь московскій Дмитрій Іоанновичъ, еще будучи тогда отрокомъ, при помощи бояръ московскихъ, оспорилъ предъ ханомъ у Дмитрія суздаль-

(*) Въ завѣщаніи Симеона Гордаго упоминается въ числѣ новыхъ волостей ему, принадлежащихъ, купленное село на Костромѣ Александровское.

(**) Продажу Галича Калитѣ Соловьевъ объясняетъ невозможностью галицкому князю платить дань орду.

скаго право на великое княженіе и Димитрій удовольствовался только своимъ наследственнымъ Суздальемъ. Такимъ образомъ великимъ княземъ сдѣлался двѣнадцатилѣтній Димитрій Іоанновичъ московскій въ 1363 г.

Димитрій московскій, при помощи бояръ получившій отъ хана великое княженіе, не могъ, по внутреннему вѣроятію бояръ же, поступиться своимъ владѣніемъ Галичемъ, купленнымъ его дѣдомъ Іоанномъ Калитою, и предпринялъ съ братомъ своимъ и другими союзными князьями походъ на галицкаго князя Димитрія, завладѣвшаго Галичемъ, изгналъ его отсюда, а княжеству взялъ въ плѣнъ. Такимъ образомъ Галичь опять переходитъ во владѣніе великаго князя московскаго (*). Въ началѣ великаго княженія Димитрія Ивановича Кострома вмѣстѣ съ другими городами и областями русскими испытала тяжкое бѣдствіе. Осенью 1364 г. свирѣпствовала здѣсь и въ другихъ городахъ морованъ язва, похитившая великое множество жертвъ. По описанію лѣтописца, болѣзнь эта была такого рода: сначала кинь рогаминою ударить за лопаткой или подъ грудь или межъ крыль (между плечами) и больной начнетъ харкать кровью и испытывать сильный жаръ, потомъ броситъ его въ потъ, а затѣмъ начнется дрожь: чрезъ два или три дня больной умираетъ. Иные отъ желѣзы умирали: желѣза была не у всякаго на одномъ мѣстѣ: у одного на шеѣ, у другаго подъ скулою, у инаго подъ нивухой или за лопаткой или на стегнахъ. Эта болѣзнь была занесена изъ города Беудежа на Каспійскомъ морѣ сначала въ Нижній Новгородъ, а отсюда въ Москву и по другимъ городамъ великаго княженія. Смертность

(*) Въ софійской 1-й лѣтописи говорится, впрочемъ, иначе объ этомъ, «1363 г. в. м. Димитрій Ивановичъ сгна князя Димитрія Константановича съ великаго княженія и съ Галича». Слѣдовательно, по этому сказанію, Галичемъ владѣлъ теперь не Димитрій Ивановичъ, правнукъ Константина галицкаго, а тотъ же князь суздальскій, соперникъ Димитрія московскаго, Димитрій Константановичъ. Неудрено, что въ этомъ лѣтописномъ сказаніи смѣшаны въ одномъ книгѣ Димитрія два различныхъ, одновременныхъ князя.

была такъ велика, что не успѣвали хоронить мертвыхъ, такъ что по 10 человекъ зарывали въ одну яму. Многіе дома опустѣли или въ иныхъ остались по одному или по два жильца. Въ некоторыхъ городахъ умирало до 100 человекъ въ день (*). Опаснымъ соперникомъ Дмитрія Ивановича московскаго, предъявившимъ свои права на великое княженіе, явился Михаилъ Александровичъ кн. тверской. Начинается третья борьба изъ за великаго княженія между Дмитріемъ московскимъ и Михаиломъ тверскимъ. Тверской князь получалъ отъ хана ярлыкъ на великое княженіе, но вскорѣ обстоятельства измѣнились. Дмитрій московскій успѣлъ задобрить посла ханскаго и тотъ принялъ его сторону. Михаилъ же, оскорбленный такимъ оборотомъ дѣла, пошелъ въ 1371 г. съ большимъ войскомъ къ Костромѣ, но, не дойдя до нея, возвратился, взявши на пути и предавъ пламени гг. Мологу, Угличъ, и Бѣжецкій Верхъ. За то въ этотъ годъ Кострома подвергалась нападению другихъ враговъ, разбойниковъ ушкуйцевъ новгородскихъ и была взята ими. Походы этихъ разбойниковъ новгородскихъ по Волгѣ, какъ видно изъ лѣтописей, совершались не рѣдко въ это время и Кострома подвергалась разграбленію отъ нихъ. Такъ подъ 1375 г. лѣтописецъ Воскр. лѣтописи повѣствуетъ о слѣдующемъ событіи Костромы, претерпѣнномъ ею отъ новгородскихъ ушкуйцевъ (**): когда великій князь былъ подѣ Тверью; въ это время изъ Новгорода на 70 ушкуяхъ пустились по Волгѣ разбойники подѣ предводительствомъ двухъ воеводъ: Проконія и Смольянина. Они подошли къ Костромѣ и ополчились на бой; граждане вышли противъ нихъ съ воеводою Плещеемъ. Новгородцы, увидавши, что костромичи превосходятъ ихъ числомъ (костромичей было 5 т., а новгородцевъ 2 т.), раздѣлились на двѣ части: одну половину отправили тайно лѣсомъ въ

(*) Воскр. лѣтоп. по 1364 годъ.

(**) Въ это время шла ожесточенная борьба изъ за великаго княженія между Михаиломъ Александровичемъ тверскимъ и Дмитріемъ Ивановичемъ московскимъ.

обходъ по можжевальнику, чтобы ударить въ тылъ востромичамъ, а другіе пошли прямо на нихъ. Воевода костромской Плещей, увидавъ это, не рѣшился вступить въ бой съ новгородцами и, оставивъ городъ на произволъ судьбы, обратился въ бѣгство Костромичи, оставшись безъ воеводы и не вступивъ въ бой съ врагами, также обратились въ бѣгство; многіе изъ нихъ были избиты, иные разбѣжались по лѣсамъ, другіе попались въ плѣнъ. Разбойники, вступивъ въ городъ и найдя его беззащитнымъ, разграбили все имущество, оставленное жителями. Цѣлую недѣлю они хозяйничали въ городѣ; разыскавъ всё спрятанныя богатства и товары, вынесли ихъ на средину города и взяли все лучшее и легчайшее, а что потяжелѣе и дороже бросили въ Волгу, а иное сожгли; взявъ въ плѣнъ много людей, поплыли съ ними далѣе внизъ по Волгѣ къ Нижнему Новгороду и тамъ много зла причинили. Они доплыли до устьевъ Волги, грабя на пути, но тамъ были всё избиты княземъ хазьтороканскимъ (астраханскимъ) Салчѣмъ. Для наказанія новгородцевъ за эту дерзость и за другія ихъ своевольства и для приведенія ихъ въ покорность, кн. Дмитрій предпринялъ вслѣдствіи походъ на Новгородъ съ сильною ратью.

Далѣе изъ событій, касающихся отчасти и Костромы, отмѣтимъ подъ 1377 г. слѣдующее: по смерти нареченнаго митрополита Митяя архимандритъ Пимень, одинъ изъ сопровождавшихъ Митяя въ Царьградъ, хитростью достигъ митрополичьяго сана отъ патріарха царьградскаго Нила и потомъ отправился въ санъ митрополита въ Русь. В. кн. Дмитрій, желая не Пимева митрополитомъ, но Кипріана изъ Кіева, послалъ схватить Пименя въ Коломнѣ, когда онъ прибылъ туда; здѣсь сняли съ него бѣлый клобукъ и низложили съ митрополи. В. кн. отправилъ его въ заточеніе; Пимена повели мимо Москвы къ Переяславлю, потомъ въ Ростовъ, Кострому и Галичъ и наконецъ заточили въ Чухломѣ, но чрезъ годъ онъ былъ отведенъ въ Тверь.

Одолѣвъ сильныхъ своихъ соперниковъ: князя суздальскаго, рязанскаго и тверскаго и возвративъ подъ свою власть пріобрѣтенія своего дѣда, князь Димитрій еще болѣе усилилъ Москву и теперь уже многіе князья земли русской были подъ его рукою. Димитрій чувствовалъ себя настолько сильнымъ, что рѣшился вступить въ открытую борьбу съ татарами. Но прежде онъ желалъ распространить еще болѣе свои владѣнія и завоевать Болгарію и съ этою цѣлію отправилъ полки свои къ Казани. Казанцы выступили въ поле противъ русскихъ, но были обращены въ бѣгство и болгарскіе владѣтели должны были покориться великому князю, давъ ему окупь. Ханъ Мамай, узнавъ о рѣшимости русскихъ дѣйствовать силою, отправилъ полки свои противъ великаго князя. На первый разъ русскіе были разбиты, а татары предали разрушенію Нижній Новгородъ. Димитрій Ивановичъ снова собираетъ полки и на р. Вождь въ рязанской области наноситъ пораженіе татарамъ. Эта побѣда русскихъ возбудила сильный гнѣвъ Мамаю и онъ рѣшился разгромить Русь подобно Батыю. В. князь разсылаетъ гонцевъ по всему великому княженію, призывая отовсюду полки въ Москву. Въ скоромъ времени Москва наполнилась ратными людьми изъ разныхъ городовъ и волостей великаго княженія; прибыли и костромичи съ воеводою Іоанномъ Родіоновичемъ Квашнею. 1380 г. 8 сентября произошла знаменитая не только въ русской, но и во всемірной исторіи битва Куликовская при впаденіи рѣчки Непрядвы въ Донь (*). Кровопродіятіе было страшное: на разстояніи 10 верстъ лилась кровь христіанъ и мусульманъ, но русскіе покрыли себя неувядаемою славою: татары были разбиты и обращены въ бѣгство. Въ этомъ торжествѣ побѣды русскихъ надъ татарами участвовали и костромичи подъ предводительствомъ воеводы Ивана Родіоновича Квашни. По сказаніямъ въ этомъ славномъ бою погибло до 20 знат-

(*) Куликово поле нынѣ въ Тульской губерніи, Енифанскаго уѣзда.

ныхъ костромскихъ бояръ. Куликовская побѣда не избавила Руси отъ тяготѣвшаго надъ нею ига татарскаго. Новый ханъ золотой орды Тохтамышъ потребовалъ на поклонъ къ себѣ въ орду всѣхъ князей русскихъ. Но Димитрій, надѣясь на слабость орды и на свое могущество, отвѣчалъ отказомъ. Тохтамышъ уже замышлялъ походъ на Россію и до великаго князя не замедлила дойти вѣсть о томъ, что Тохтамышъ уже идетъ на Русь. В. князь намѣревался было уже второй разъ выступить въ поле противъ враговъ, но другіе князья не были такъ мужественны и рѣшительны, и великій князь рѣшился лучше защищаться въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, нежели выступать въ поле. Въ тому же послѣ Куликовской битвы оставшіяся войсва были распущены по городамъ и волостямъ, много ихъ погубило въ бою; нужно было собирать новую рать и вотъ великій князь Димитрій идетъ изъ Москвы собирать рать сначала въ свой городъ Переяславль и оттуда мимо Ростова сѣбно прибылъ со всѣмъ семействомъ въ Кострому 1382 г. Тохтамышъ уже былъ близъ Москвы. Митрополитъ Кипріанъ выѣхалъ изъ столицы. Народъ, оставленный великимъ княземъ и митрополитомъ, волновался. Но воеводой москвитянъ былъ теперь мужественный князь литовскій Остей, присланный вѣроятно кн. Димитріемъ. Онъ своимъ примѣромъ такъ воодушевилъ гражданъ Москвы, что всѣ приступы татаръ были отбиты. Тохтамышъ рѣшился коварствомъ завладѣть Москвою и вступилъ въ притворные переговоры о мирѣ; но едва граждане съ воеводой Остеемъ отворили ворота, какъ татары обнажили мечи, умертвили Остея, ворвались въ городъ и всюду начали производить опустошенія въ столицѣ. Затѣмъ татары разсыпались по областямъ великаго княженія и опустошили другіе города. Но близъ Волока были разбиты двоюроднымъ братомъ великаго князя Владиміромъ Андреевичемъ. Тохтамышъ, узнавъ объ этой побѣдѣ отступилъ отъ Москвы и вскорѣ оставилъ Россію. Димитрій Донской, по возвращеніи изъ Костромы, найдя Москву разрушенною

и опустошенною пожаромъ, приступилъ къ возобновленію ея. Митрополитъ Кипріанъ за свое малодушіе былъ лишень митрополіи, на которую былъ возведенъ изгнанникъ Пименъ. Когда непримиримый соперникъ Дмитрія кн. тверской Михаилъ Александровичъ, желая воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ великаго князя, сталъ снова домогаться у татаръ великаго княженія, в. кн. Дмитрій вынужденъ былъ изъявить покорность хану и, получивъ отъ него прощеніе, удержалъ за собою великое княженіе. Теперь онъ рѣшился наказать новгородцевъ за ихъ набѣги на волости великаго княженія и особенно на Кострому. Собравъ сильную рать въ 1386, в. кн. пошелъ на Новгородъ. Новгородцы смирились и обязались повиноваться великому князю, внеся большую сумму въ великокняжескую казну за тотъ ущербъ, какой новгородскіе ушкунцы причинили областямъ великаго княженія и особенно Костромѣ. Въ 1389 году разболѣлся великій князь Дмитрій Донскій. Призвавъ къ себѣ княгиню и дѣтей, онъ сдѣлалъ имъ завѣщаніе: старшаго сына Васплія назначилъ на старшій великокняжескій столъ по отчинѣ и дѣдичѣ; далъ ему отчину свою землю русскую, присовокупляетъ лѣтописецъ, а другимъ сыновьямъ роздалъ города своей отчины: второму сыну Юрію далъ городъ Звенигородъ со всѣми помѣщинами и Галичь (*), куплю дѣда своего, «ниже нѣколи было княженіе галицкое», замѣчаетъ лѣтописецъ. Остальнымъ сыновьямъ назначилъ другіе города. Великая княгиня Евдокія въ числѣ другихъ волостей получила въ костромскомъ уѣздѣ Иледамъ съ Комелою. изъ Галича — Соль. 1389 г. 19 мая, въ 2 часа ночи, мирно испустилъ духъ доблестный великій князь Дмитрій Ивановичъ Донской 40 лѣтъ отъ рожденія. Въ завѣщаніи Дмитрія Донскаго не упоминается Кострома; такъ какъ она была своимъ городомъ или достояніемъ

(*) Галичь былъ отданъ Юрію съ волостями и селами, которыя тянулись въ Костромѣ, Пинюльскіи и Борисовскіи.

великаго князя московскаго. По смерти Дмитрія Донскаго, на престолъ великокняжескій вступилъ въ 1389 г. старшій сынъ его Василій Дмитріевичъ.

Въ княженіе в. кн. Василя Дмитріевича охотно отдалась въ его власть двинская волость, принадлежавшая Новгороду. В. кн. занялъ еще Торжокъ, Волокъ Ламскій, Бѣжецкій Верхъ и Вологду. Новгородцы потребовали отъ великаго князя возвращенія двинской земли, но в. кн. отказалъ. Тогда новгородцы на вѣчѣ положили итти ратию на великаго князя и умереть за правду. Въ 1398 г. подъ предводительствомъ посадника Тимофея Юрьевича и другихъ воеводъ новгородцы въ числѣ 3 тысячъ человекъ опустошили сначала бѣлозерскія волости, кубенскія, а потомъ галицкія. Результатомъ похода было подчиненіе снова двинской земли новгороду и великій князь Василій Дмитріевичъ долженъ былъ отказаться отъ нея. Походы новгородцевъ на волости великаго князя и въ частности на галицкія совершались не разъ, но новгородцы были часто съ успѣхомъ отражаемы ратию великаго князя. Отношенія къ ордѣ Василя Дмитріевича были уже почти независимыя. Онъ прекратилъ посылать въ орду дань и хотя въ Москву являлись по временамъ князья татарскіе за данью, но имъ былъ отвѣтъ: великое княженіе московское оскудѣло и не въ силахъ платить дань; послы ханскіе удалялись съ незначительными дарами. Но усилившійся въ то время князь ордынскій Эдигей возобновилъ походы татаръ на Русь съ цѣлію привести ее вновь въ полную покорность и зависимость. 1408 г. сильная татарская рать спѣшно направилась къ Москвѣ. Не успѣвъ собрать достаточную рать къ отраженію врага, великій кн. Василій Дмитріевичъ поступилъ по примѣру своего отца, уѣхалъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ свой городъ Кострому, поручивъ защиту Москвы родственникамъ князьямъ, боярамъ и духовенству. По совѣту защитниковъ князей, зажжены были посады вокругъ Москвы; цѣлое моря огня окружало Москву. Между тѣмъ Эдигей приб-

лизился къ Москвѣ и, узнавъ объ отъѣздѣ великаго князя въ Кострому, отправилъ для преслѣдованія его къ Костромѣ тридцатитысячную рать. Татары опустошили многіе города великаго княженія, но не могли достигнуть до Костромы, гдѣ скрывался великій князь, и возвратились назадъ. Смуты въ ордѣ и опасенія за то, что великій князь можетъ скоро прибыть изъ Костромы съ сильнымъ войскомъ для спасенія столицы, заставили Эдигея отступить отъ Москвы, но съ москвичей онъ взялъ окупъ въ 3 т. р. Такъ счастливо избавилась Москва и вся Русь отъ этого грознаго врага. Лѣтописецъ повѣствуетъ, что вся земля была плѣнена, начиная отъ Рязани и до Галича и до Бѣлоозера: „всѣ были въ тугъ и большой скорби и одержимы печалью“. Г. Крживоблоцкій замѣчаетъ: „трудно понять, почему великіе князья избирали Кострому своимъ убѣжищемъ. Были города безопаснѣе и болѣе укрѣпленные. Вѣроятно усердіе и вѣрность костромичей были порукою безопасности“ (*). Ясный отвѣтъ на то, почему великіе князья избирали убѣжищемъ Кострому, даетъ лѣтописецъ Воскресенской лѣтописи подъ 1541 г. Митрополитъ московскій говоритъ боярамъ, собравшимся на совѣтъ по случаю нападенія на московское государство крымцевъ: „а въ которые города въ приходы татарскіе государи наши отступали на Кострому и въ иные города, и тѣ города по грѣхамъ нашимъ нынѣча не мирны съ Казанію: а въ Новгородъ и Псковъ государи наши *не отступали литовскаго для рубежа и нѣмецкаго*. Великіе князья съ Москвы съѣзживали, а въ городѣ дядь и братью свою оставливали“. Итакъ, по объясненію лѣтописца, Кострома и др. города, гдѣ укрывались отъ татаръ великіе князья, были мѣстами болѣе безопасными, чѣмъ Новгородъ и Псковъ, находившіеся близъ литовской и нѣмецкой границы. Въ 1410 г. великій князь Василій Дмитріевичъ повелѣлъ срубить городъ Плесь, вѣроятно, какъ укрѣпленный оплотъ для защиты отъ набѣговъ татарскихъ. Подъ

(*). Стр. 6 „Матеріаловъ“. То же и въ исторіи Костромы ил. Козловскаго, примѣч. 25.

1416 г. встрѣчаемъ въ академическомъ спискѣ лѣтописи и въ Воскресенской извѣстіе о томъ, что въ этотъ годъ былъ заложенъ городъ Кострома Объясненіемъ этого сказанія о zaloженіи Костромы служить извѣстіе тверскаго лѣтописца о пожарѣ въ Костромѣ въ 1413 г.: «въ 30 день іюня погорѣ градъ Кострома и сгорѣ церковей 30». Изъ этого извѣстія мы видимъ, что Кострома въ началѣ XV в. была большимъ уже городомъ, имѣвшимъ 30, а, можетъ быть, и болѣе церковей, если не всѣ церкви были истреблены пожаромъ. Тѣмъ не менѣе городъ подвергся страшному бѣдствію отъ пожара и въ 1416 г. былъ заложенъ вновь и, можетъ быть, обнесенъ стѣною, какъ говорится то въ очеркахъ исторіи Костромы. Но не успѣла Кострома оправиться отъ ужаснаго бѣдствія, какъ вскорѣ ее постигаютъ другія несчастія. Въ 1420 г. съ 15 августа распространилось моровое повѣтріе въ Костромѣ, Ярославлѣ, Галичѣ, Плесѣ и въ другихъ мѣстахъ. Такъ много вымирало людей, что не кому было и жито жать. Въ 1422 г. новое бѣдствіе постигаетъ всю землю русскую и въ частности Кострому, — это голодъ до того сильный, что оковъ ржи (4 четверика) въ Москвѣ стоилъ рубль, — цѣна очень высокая по тогдашнему счету и времени, — а въ Костромѣ два рубля, въ Нижнемъ-Новгородѣ по 200 алтынъ. Вслѣдствіе голода была большая смертность, такъ какъ ѣли всякую падаль. Въ 1425 г. скончался великій князь Василій Дмитріевичъ и на великое княженіе вступилъ сынъ его еще десятилѣтній Василій Васильевичъ. По второму завѣщавію Василя Дмитріевича великая княгиня Софія Витовтовва получила изъ Костромы Иледамъ съ Обнорою, Комелою и Волчкомъ. Перехту съ варницами, бортниками, бобровниками и Княгининскимъ селомъ. По вступленіи на великокняжескій престолъ Василя Васильевича, начинается послѣдняя усобица изъ за великаго княженія. Дядя Василя Юрій кн. галицкій предъявилъ, какъ старшій въ родѣ, свои права на великое княженіе и въ дальнѣйшихъ событіяхъ Галичъ играетъ уже важную историческую роль.

Послѣдняя усобица въ Рюриковомъ домѣ изъ за великаго княженія.

По мѣрѣ усиленія и возрастанія Москвы, начинается упрочиваться на Руси и новый порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну, но не къ старшему въ родѣ, какъ было въ обычаѣ въ старину. Какъ извѣстно, тогда нерѣдко изъ за нарушенія правъ старѣйшинства въ родѣ возникали кровопролитныя междоусобія между князьями: дядей съ племянниками. Василий Дмитріевичъ, по установившемуся уже новому порядку престолонаслѣдія, благословляетъ въ 1425 г. на великокняжескій столъ старшаго сына своего еще десятилѣтняго Василя помимо своихъ братьевъ. Но преданія старины быди еще живучи и вотъ одинъ изъ дядей Василя Васильевича, князь звенигородскій и галицкій, Юрій Дмитріевичъ, по старинѣ, не признаетъ старшинства племянника и домогается самъ великаго княженія. Началась продолжительная усобица между потомками Калиты изъ за великаго княженія, которую продолжали и сыновья Юрія послѣ его смерти, усобица, впрочемъ, разнящаяся, хотя не въ существенныхъ чертахъ, отъ древнихъ междоусобій изъ за той же причины. Духовная власть оказывала большое содѣйствіе возвышенію московскихъ князей; митрополиты держали всегда ихъ сторону. Такъ и теперь, по кончинѣ в. к. Василя Дмитріевича, митрополитъ московскій Фотій въ ту же ночь отправилъ своего боярина Акиноа Аслебятева въ Звенигородъ за кн. Юріемъ Дмитріевичемъ, призывая его прибыть въ Москву съ цѣлію, вѣроятно, чтобы онъ призналъ старшинство десятилѣтняго племянника Василя. Отсюда мы заключаемъ, что новый порядокъ престолонаслѣдія еще не установился прочно на Руси. Безпрепятственно онъ и не могъ установиться, когда продолжалась еще удѣльная система и многіе удѣлы еще не были присоединены къ Москвѣ. Хотя сильныя княжества, со-

перничавшія съ Москвою, Нижегородское, Рязанское и Тверское были ослаблены мощною рукою Димитрія Донскаго; но теперь является новый сильный соперникъ кн. московскому, его дядя Юрій, владѣвшій двумя удѣлами: Звенигородомъ и Галичемъ. Князь Юрій не внялъ призыву митрополита Фотія и не поѣхалъ въ Москву. Изъ опасенія близости Москвы, онъ отправился въ другой своей удѣлъ Галичъ, болѣе отдаленный отъ Москвы, чѣмъ Звенигородъ, чтобы тамъ усилѣннѣе приготовиться къ борьбѣ съ племянникомъ. Между тѣмъ, чтобы имѣть время для приготовлений, онъ заключаетъ съ племянникомъ перемиріе, разсылаетъ по всей своей отчинѣ гонцовъ за ратными людьми и когда они собрались изъ всѣхъ волостей его, идетъ въ походъ на великаго князя. Въ Москвѣ уже знали о приготовленіи Юрія и в. кн. Василій съ прочими дядями и съ сильною ратью предупредилъ Юрія, двинувшись къ Костромѣ. Напуганный такою рѣшительностью вел. князя, князь Юрій не рѣшился выступить на бой съ нимъ, но удалился со всѣми людьми своими въ Нижній Новгородъ. В. кн. отправилъ преслѣдовать его дядю своего Константина. Юрій изъ Нижняго бѣжалъ за р. Суру, впадающую въ Волгу ниже Нижняго-Новгорода, и остановился на берегу ея. Кн. Константинъ, дойдя до Суры, остановился на противоположномъ берегу. Неизвѣстно опредѣленно, почему Константинъ не переправился чрезъ Суру и не вступилъ въ бой съ Юріемъ. Лѣтописецъ глухо замѣчаетъ: „понеже бо нехѣи перейти къ нему за рѣку“, (*) можетъ быть по случаю наступающаго или наступившаго весенняго разлива. Соловьевъ же въ исторіи (**) замѣчаетъ, что, по нѣкоторымъ вѣроятнымъ извѣстіямъ, кн. Константинъ болѣе радѣлъ брату, чѣмъ племяннику, и потому не хотѣлъ преслѣдовать перваго и возвратился въ Москву. Князь Юрій, по

(*) Воскр. лѣт. годъ 1425 г.

(**) Т. IV, стр. 53.

уходѣ Константина, прибылъ въ Нижній-Новгородъ и отсюда въ свой Галичь. Къ великому князю онъ отправилъ пословъ просить перемирія на годъ. Но великій кн. желалъ прочаго мира. Съ общаго совѣта: митрополита Фотія, матери великаго кн. княгини Софіи, дядей его и дѣда великаго кн. литовскаго Витовта въ Москвѣ рѣшено было отправить въ кн. Юрію посломъ для заключенія вѣчнаго мира митрополита Фотія. Митрополитъ тѣмъ же лѣтомъ отправился въ Галичь. Безъ замедленія на пути, даже не слушавши обѣднъ въ Ярославлѣ, Фотій ѣхалъ въ Галичь. Услыхавъ объ этомъ, кн. Юрій, собравъ людей со всей своей отчины, съ дѣтьми своими и боярами и лучшими людьми вышелъ изъ города на срѣщеніе митрополита, а чернь изъ своихъ городовъ, волостей, селъ и деревень поставилъ на горѣ со стороны вѣзда митрополита въ городъ, дабы показать ему великое множество людей. Митрополитъ прибылъ въ посадъ города и вошелъ въ церковь Преображенія, что на посадѣ на Подолѣ у озера. Помолившись и выйдя изъ церкви, онъ, смотря на множество народа на горѣ, сказалъ кн. Юрію: «сынъ мой! Я еще не видалъ такого множества народа въ овечьей шерсти», „все бо бяку въ сермягахъ“, замѣчаетъ лѣтописецъ и затѣмъ присовокупляетъ: „князь бо хотя явится яко мнози люди имѣ, а святитель въ глумъ си вмѣнивъ себѣ“, т. е. митрополитъ далъ понять кн. Юрію, что люди эти въ сермягахъ не боевые ратники. Прибывъ въ отведенныя келліи, митрополитъ началъ убѣждать кн. Юрія заключить съ великимъ кн. миръ, чтобы не было кровопролитія. Но Юрій не согласился на миръ, а просилъ только перемирія. Разгнѣванный такимъ упорствомъ Юрія, митрополитъ не далъ благословенія ни ему ни городу, скоро выѣхалъ изъ Галича и въ тотъ же часъ, говорятъ лѣтописецъ, началась какая то смертоносная болѣзнь въ городѣ. Кн. Юрій, услышавъ о томъ, самъ поскакалъ вслѣдъ за митрополитомъ и настигъ его за озеромъ

въ селѣ Пасынковѣ (*) Покаявшись въ своемъ грѣхѣ, онъ едва уговорилъ митрополита возвратиться въ городъ. Митрополитъ снова вступилъ въ Галичъ, благословилъ князя и городъ и болѣзнь прекратилась. Преподавъ поученіе кн. Юрію о любви не только къ братьямъ, но и ко всемъ православнымъ, митрополитъ съ честію, въ сопровожденіи кн. Юрія и всего народа отбылъ изъ Галича, взявъ съ Юрія обѣщаніе отправить къ вел. князю пословъ для заключенія мира. Въ скоромъ времени кн. Юрій отправилъ въ Москву бояръ: Бориса Галицкаго и Даниїла Чешка и миръ былъ заключенъ на томъ условіи, чтобы кн. Юрію не домогаться великаго княженія своими силами, но чрезъ хана: кого ханъ пожелаетъ, тотъ и будетъ великимъ княземъ и княземъ Новгорода Великаго и всей Руси. Миръ былъ скрѣпленъ вѣчнымъ цѣлованіемъ. Но условіе мира ѣхать въ орду за рѣшеніемъ ханскимъ не было приведено въ исполненіе потому, вѣроятно, что въ это время ханы ордынскіе часто смѣнялись, а князья русскіе со времени Донскаго стали уклоняться отъ ханскаго суда. Въ 1428 г. в. кн. и кн. Юрій сами заключили формальнымъ договоромъ миръ. Въ договорной грамотѣ этого мира въ 1428 г., дошедшей до насъ, кн. Юрій именуется младшимъ братомъ, обязывается цѣловать крестъ къ своему старшему брату вел. князю Василию, обязывается быть съ нимъ вездѣ за одно до смерти и не вступаться въ великое княженіе и въ тѣ волости, которыми великаго князя Василія благословилъ отецъ его или что онъ самъ примыслилъ. Равнымъ образомъ и кн. Василій обязывается не вступаться во владѣнія Юрія, которыми его благословилъ отецъ Дмитрій Ивановичъ, т. е. въ Звенигородъ и Галичъ съ волостями и селами великаго княженія, также и во владѣніе Вяткою, которую ему пожаловалъ братъ его Василій Дмитріевичъ. Кн. Юрій обязывается платить вел. князю дань и ямъ давать съ отчины своей Галича по давнему, какъ давалъ онъ и отцу его великому князю,

(*) Нынѣ Сынково.

а съ Звенигорода и волостей платить дань и ямъ давать по истеченіи четырехъ лѣтъ по старому, какъ давалъ и отцу его великому князю Василию Дмитріевичу“, Между другими условіями мира, которыми князья обязывались взаимно защищать другъ друга и во всемъ поступать по правдѣ, въ договорной граматѣ этой, равно какъ и въ другихъ послѣдующихъ есть и такое: „а перемѣнить Богъ орду, не иму давати татарамъ, и тобѣ имати дань и ямъ съ своее отчины собѣ“ (*). Очевидно, что здѣсь выражается надежда и даже увѣренность въ возможности скоро освободиться отъ ига татарскаго. Между тѣмъ татары дѣлали свои набѣги на области русскія съ цѣлію грабежа. Такъ подъ 1429 г. въ лѣтописяхъ повѣствуется о нападеніи татаръ на Галичъ, но города они не взяли, а только повоевали волости. На праздникъ Крещенія Господня они напали на Кострому, взяли ее и еще Плесь и Лухъ (**), и съ награбленной добычей и плѣнниками пошли внизъ по Волгѣ. В. кн. послалъ преслѣдовать ихъ своихъ дядей князей Андрея и Константина и боярина Ивана Дмитріевича съ своими полками. Они до самаго Нижняго Новгорода не могли настигнуть татаръ и возвратились. Князь же Федоръ стародубскій и воевода Федоръ Константиновичъ Добрынскій, опередивъ другихъ, съ своими полками погнались за татарами и, настигнувъ, побили задній отрядъ татарскій и бесермень (купцовъ бесерменскихъ), отняли у нихъ награбленное, но не могли настигнуть передовой отрядъ съ предводителемъ царевичемъ Алибабомъ. Въ слѣдующемъ 1430 г. снова начинается только на время прекратившаяся вражда между Юріемъ Дмитріевичемъ и вел. княземъ Василиемъ. Лѣтописецъ (***) говоритъ только «князь

(*) Собр. гос. граматъ и договоровъ, 1813 г. ч. I, стр. 87, №№ 43, 44. Соловьевъ говоритъ, что Юрій Дмитріевичъ призналъ старшинство племянника потому, что Софья Витовтовна, мать вел. кн., въ 1427 г. ѣздилъ къ отцу своему Витовту и поручила ему ямъ сына такъ и все московское княжество. Истор. т. IV, стр. 84.

(**) Кн. Козловскій присвоуправляетъ: Солдону и Камешу. Ист. Костр., стр. 31.

(***) Воскр. лѣт. 1430 г.

Юрій Дмитрієвичъ разверже миръ съ великимъ княземъ Васил. Васильевичемъ», не объясняя причины или повода къ разрыву: Соловьевъ (*) поводомъ къ этому считаетъ смерть Витовта, опасаясь котораго Юрій Дмитрієвичъ ранѣе заключилъ мирный договоръ. Кроме того, по смерти Витовта на литовскій престолъ вступилъ Свидригайло, своякъ Юрія. Пользуясь такими обстоятельствами, Юрій въ 1431 г. снова начинаетъ искать великаго княженія, по смыслу перваго договора, чрезъ хана. Оба соперника отправляются на судъ хана Улу-Махмета. Въ праздникъ Успенія Богородицы, отслушавъ литургію и молебень Б. Матери и Чудотворцу митрополиту Петру, вел. кн. повелѣлъ раздать обильную милостыню церквамъ и монастырямъ московскимъ и нищимъ, тоже приказалъ сдѣлать и по всѣмъ городамъ своимъ. Отобѣдавъ на лугу противъ Симонова монастыря подъ перевѣсіемъ, Василій со слезами отправился въ путь. Чрезъ нѣсколько дней, 8 сентября, вслѣдъ за Василіемъ, пошелъ въ орду и кн: Юрій Дмитрієвичъ. Въ ордѣ ихъ обоихъ взялъ къ себѣ въ улусъ вельможа ханскій Миньбулатъ. Онъ былъ на сторонѣ великаго князя и оказывалъ ему честь, а князю Юрію безчестіе и томилъ его какъ въ плѣну. Но къ Юрію былъ расположенъ князь ордынскій Ширинтягиня. Онъ взялъ Юрія силою отъ Миньбулата и обѣщаль выхлопотать ему у хана великое княженіе. Ширинтягиня пошелъ съ Юріемъ на зимовку въ Крымъ, а великаго князя оставилъ у Миньбулата. Ходатаемъ за великаго князя явился въ ордѣ ловкій бояринъ его Иванъ Дмитрієвичъ. Онъ, въ расчетъ подстрекнуть самолюбіе вельможъ ордынскихъ, такъ какъ больше ихъ всѣхъ въ ордѣ имѣлъ вліяніе на хана вельможа Ширинтягиня, началъ такъ говорить Айдару, Миньбулату и прочимъ вельможамъ: «значить ли что нибудь ваше печалованіе къ хану и ваши обѣщанія его именемъ въ пользу великаго князя, когда ханъ во всемъ слуша-

(*) IV, стр. 54.

еть не васъ, а Тегиню и по его слову дать великое княженіе Юрію? Но если ханъ по его слову такъ поступитъ, то что будетъ тогда съ вами? Юрій будетъ великимъ княземъ въ Москвѣ, въ Литвѣ его своякъ Свидригайло, а Тегиня будетъ въ ордѣ повелѣвать даже самимъ ханомъ; не только вами». Какъ стрѣлою, этой рѣчью бояринъ уязвилъ сердца вельможъ ханскихъ и они начали хану бить челомъ за кн. Василю, вступали съ ханомъ въ споръ, наконецъ такъ убѣдили и возстановили его противъ Тегини, что ханъ даже далъ повелѣніе убить его, если онъ будетъ говорить за кн. Юрія. Весной возвратился Тегиня съ Юріемъ изъ Крыма и уже намѣревался хлопотать за него предъ ханомъ, но его во время предупредилъ родственникъ, постельникъ ханскій Усеинъ, передавъ Тегинѣ распоряженіе хана. Тегиня теперь боялся сказать что нибудь противъ. Ханъ между тѣмъ повелѣлъ своимъ князьямъ произвести судъ надъ князьями русскими. Князья долго и ожесточенно спорили на судѣ. Кн. Василиій доказывалъ свои права на великое княженіе на основаніи дѣдовскаго и отцовскаго завѣщанія, устанавливавшего новый порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну; князь же Юрій отстаивалъ свои права на основаніи лѣтописей и старыхъ родословныхъ и духовной грамоты отца своего Димитрія, иначе сказать: онъ стоялъ за старый порядокъ престолонаслѣдія старшаго въ родѣ. Здѣсь, на судѣ ханскомъ такимъ образомъ рѣшался важный вопросъ: быть ли старому или новому порядку престолонаслѣдованія? Рѣшителемъ спора по этому важному вопросу опять выступаетъ предъ ханомъ умный бояринъ великаго князя Иванъ Дмитріевичъ. Онъ сказалъ хану: „Государь, вольный Царь! Позволь холопу велик. князя сказать слово. Нашъ государь вел. князь Василиій ищетъ своего стола великокняжескаго, твоего владѣнія, по твоему же цареву пожалованію и по твоимъ грамотамъ и ярлыкамъ, а господинъ нашъ кн. Юрій Дмитріевичъ хочетъ получить великое княженіе по мертвой грамотѣ отца своего, а не по твоему пожалованію;

ты же воленъ въ своемъ улусѣ; жалуешь имъ того, кого хочешь; а государь нашъ вел. кн. Василій Дмитріевичъ далъ великое княженіе сыну своему вел. князю Василию по твоему пожалованію и который уже годъ онъ сидитъ на столѣ своемъ, пожалованномъ тобою, повинуюсь тебѣ, о томъ ты самъ знаешь“. Рѣчь эта, выражавшая пренебреженіе къ прежнему порядку вещей, имѣла успѣхъ Ханъ далъ великое княженіе Василию Васильевичу, а князю Юрію повелѣлъ вести подъ нимъ коня; но великій князь не хотѣлъ такого униженія дяди. Ширинтыгиня, доброжелатель Юрія, услыхавъ, что на Махмета идетъ войною ханъ Кичихъ-Ахметъ, воспротивился распоряженію хана и даже хотѣлъ уйти отъ него. Ханъ, изъ опасенія измѣны Тегини, по его ходатайству придавъ Юрію къ его владѣніямъ еще Дмитровъ съ волостями и потомъ отпустилъ обоихъ князей въ ихъ вотчины. В. кн. возвратился въ Москву съ посломъ ханскимъ царевичемъ Мансыремъ Уланомъ, который и посадилъ его на великокняжескій столъ, а кн. Юрій возвратился въ Звенигородъ и отсюда прибылъ въ Дмитровъ. Но въ томъ же 1432 г., изъ опасенія близости вел. князя, онъ оставилъ Дмитровъ и ушелъ въ свой Галичъ, а великій кн. Дмитровъ взялъ себѣ, выславъ изъ него намѣстниковъ Юрьевыхъ. Ясно, что Юрій Дмитріевичъ не могъ успокоиться на рѣшеніи ханскомъ и не отчаявался достигнуть великокняжескаго стола. Нуженъ былъ только поводъ, чтобы борьба снова возгорѣлась. На сей разъ борьбу возжегъ тотъ самый бояринъ великокняжескій Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій, по убѣжденію котораго ханъ далъ Василию Васильевичу великокняжескій столъ. Бромъ того, вражду еще болѣе усилило оскорбленіе, нанесенное матерью в. князя Софьей Витовтовной сыновьямъ Юрія. Какъ говорятъ, кн. Василій въ ордѣ обѣщаль боярину Ивану Дмитріевичу жениться на его дочери. Но этотъ бракъ не состоялся, опредѣленно неизвѣстно по какой причинѣ; съ вѣроятностью можно думать, что мать вел. князя, гордая Софья Витовтовна, находя

унизительнымъ великому князю вступать въ бракъ съ дочерью боярина, воспрепятствовала этому и всл. князь обрученъ былъ съ дочерью кн. Ярослава Владиміровича, т. е. внукой Владиміра Андреевича Храбраго, княжной Боровской. Оскорбленный такою неблагодарностью великаго князя бояринъ Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій (*) отъѣхалъ изъ Москвы отъ великаго князя сначала въ Угличъ къ кн. Константину Дмитріевичу, а отсюда въ Тверь къ сопернику московскаго князя. Вѣроятно, не имѣя желаемаго успѣха въ обоихъ мѣстахъ, Иванъ Дмитріевичъ рѣшился наконецъ отъѣхать къ Юрію въ Галичъ и былъ принятъ имъ. Онъ началъ уговаривать кн. Юрія снова поднять оружіе на племянника, чтобы завладѣть великимъ княженіемъ. По его убѣжденію, кн. Юрій рѣшился возобновить борьбу и послалъ въ Москву за своими сыновьями: Василиемъ и Дмитріемъ. Тѣ пировали въ это время на свадьбѣ великаго князя Василя. Здѣсь имъ было нанесено жестокое оскорбленіе. Кн. Василій Юрьевичъ явился на свадебный пиръ въ золотомъ съ цѣнями, украшенномъ драгоценными камнями поясѣ. Кто-то изъ бояръ, бывшихъ на свадьбѣ, узналъ этотъ поясъ и сказалъ Софьѣ Витовтовнѣ, что онъ долженъ быть собственностью великаго князя, такъ какъ онъ былъ данъ княземъ суздальскимъ Дмитріемъ Константиновичемъ за дочерью Евдокію въ приданое Дмитрію Донскому. Но тысяцкій тогдашній Василій Вельяминовъ похитилъ этотъ поясъ, подмѣнивъ его другимъ меньшимъ, а настоящій отдалъ сыну своему Николаю, женатому на старшей дочери кн. Дмитрія суздальскаго. Николай далъ его въ приданое Ивану Дмитріевичу, а Иванъ далъ его въ приданое за своей дочерью кн. Андрею Владиміровичу. По смерти кн. Андрея Иванъ Дмитріевичъ дочь его, а свою внуку обручилъ за Василя Юрьевича и этотъ поясъ отдалъ ему въ приданое. Потому онъ и надѣтъ теперь на Вас.

(*) Онъ же Овлягъ.

Юрьевичъ. Софья Витовтовна сейчасъ же при всѣхъ велѣла снять поясъ съ Василя Юрьевича. Князья Василий и Дмитрій, оскорбленные такимъ насильственнымъ поступкомъ Софьи, тотчасъ отъѣхали изъ Москвы къ отцу своему Юрію въ Галичъ, разграбивъ на пути Ярославль. Они, очевидно, спѣшили побудить отца отомстить великому князю и матери его за это оскорбленіе. Но кн. Юрій уже собрался въ походъ на великаго князя. Вмѣстѣ съ дѣтьми и бояриномъ Иваномъ Дмитріевичемъ, онъ съ большою ратію быстро пошелъ къ Москвѣ, такъ что великій кн. даже и не зналъ объ этомъ. Юрій уже былъ въ Переяславль, когда намѣстникъ великокняжескій изъ Ростова Петръ Константиновичъ прибылъ въ Москву съ извѣстіемъ о походѣ Юрія на вел. князя. Вел. кн. былъ застигнутъ врасплохъ и потому отправилъ къ дядѣ пословъ: Ѳедора Андреевича Лжа и Ѳедора Товаркова съ предложеніемъ мира. Послы встрѣтили кн. Юрія у Троицко-Сергіева монастыря. Юрій не согласился на миръ, а бояринъ Иванъ Дмитріевичъ не давалъ даже слова вымолвить о мирѣ; между боярами произошла ссора; другъ друга они поносили неподобными словами, говорить лѣтописецъ. Послы возвратились къ великому князю безъ успѣха. Кн. вел., наскорѣ собравъ людей, какіе были около него, даже гостей московскихъ, вышелъ противъ Юрія и встрѣтилъ его на Клязьмѣ въ 20 верстахъ отъ Москвы. У Юрія была большая рать, у великаго же князя несравненно меньше людей; однакожъ они вступили въ бой. Отъ москвичей, впрочемъ, не было помощи, такъ какъ многіе изъ нихъ были пьяны, а иные даже привезли еще и съ собой питья. В. князь, видя безуспѣшность боя и оставаясь безъ помощи откуда бы то ни было, побѣжалъ къ Твери съ матерію и съ княгинею, а съ Твери въ Кострому. Князь Юрій, сѣвъ въ Москвѣ на великокняжескій столъ въ 1433 г., дѣтей своихъ отправилъ на великаго князя къ Костромѣ, куда вскорѣ пошелъ и самъ. Великаго князя ожидала горькая участь; онъ былъ захваченъ въ Костромѣ въ прѣдѣлахъ его

выручилъ изъ бѣды любимецъ кн. Юрія боярина Семень Морозовъ. Онъ склонилъ князя Юрія на миръ съ племянникомъ и совѣтовалъ дать ему въ удѣлъ Коломну (*). Напрасно противились этому дѣти Юрія и бояринъ Иванъ Дмитріевичъ. Василій Васильевичъ съ честію былъ отпущенъ въ Коломну. Но скоро князь Юрій долженъ былъ увидѣть свою оплошность. Въ Москвѣ не были къ нему расположены и считали его не поправу захватившимъ великое княженіе. Такъ уже очевидно отжилъ свое время старый порядокъ престолонаслѣдія и упрочивался новый. Изъ Москвы великое множество служилыхъ людей переселилось въ Коломну подъ державу Василія, даже и бояринъ Иванъ Дмитріевичъ съ дѣтьми отъѣхалъ тудаже (**). Дѣти Юрія: Василій Косой и Дмитрій Шемяка, очевидно надѣявшіеся княжить въ Москвѣ послѣ отца, вида, что ни у отца, ни у нихъ не осталось никого изъ людей, убили со злости боярина, любимца Юрія, Семена Морозова, объявивъ ему вину: „ты причинилъ такую бѣду отцу нашему и намъ“, и сами убѣжали отъ отца въ Кострому (***), вѣроятно, боясь гнѣва родительскаго за самоуправство. Кн. Юрій, находя непрочнымъ свое положеніе въ Москвѣ и оставшись безъ дѣтей и безъ служилыхъ людей, отступился отъ великаго княженія въ пользу племянника и ушелъ сначала въ Звенигородъ, а потомъ въ Галичъ. Василій Васильевичъ снова сѣлъ на великокняжескомъ столѣ. Съ княземъ Юріемъ онъ вновь заключилъ миръ, по которому Юрій обязывался за себя и за меньшаго сына своего Дмитрія Краснаго не принимать къ себѣ старшихъ сыновей: Василія Косого и Дмитрія Шемяку и не помогать имъ, отказался

(*) Въ очеркѣ Кривоблочнаго неправильно сказано, что Василій получалъ въ удѣлъ Кострому; можетъ быть это опечатка, вмѣсто Коломну.

(**) Въ Тверской лѣтописи, впрочемъ, сказано, что кн. Василій Ивана Дмитріевича поималъ и велѣлъ его ослабить, стр. 490.

(***) Въ теченіи этой знаменитой борьбы Кострома, какъ видно, слушала мѣстомъ убѣжища князей и сборныхъ пунктовъ ихъ ратей.

отъ Дмитрова, взявъ вмѣсто его Бѣжецкій Верхъ съ другими волостями, призналъ племянника старшимъ братомъ, но выговорилъ себѣ право не давать ему помощи противъ литовскаго князя Свидригайла, своего свояка, если великій князь пойдетъ на него войною. Изъ грамоты этого мирнаго договора мы узнаемъ о волостяхъ костромскихъ, уступленныхъ великимъ княземъ Юрію: „что ми (Юрію) ея еси отступилъ изъ великаго княженія костромскихъ волостей: Андомы, Кореги, Борку, Березовца съ Залъсьемъ, да Шыленги...., а того вамъ (Василію) всего подо мною и подъ моимъ сыномъ подъ княземъ, подъ Дмитріемъ меньшимъ блюсти.“(*)

Полагаясь на мирный договоръ, обязывавшій Юрія не помогать старшимъ сыновьямъ своимъ, великій кн. Василій посылаетъ въ томъ же 1433 г., подъ предводительствомъ воеводы Юрія Патрикеевича рать на нихъ къ Костромѣ. Юрьевичи съ вятчанами и галичанами встрѣтили рать великаго кн. на рѣкѣ Куси (**), разбили ее, воеводу Юрія Патрикеевича взяли въ плѣнъ и возвратились опять въ Кострому, и когда Волга покрылась льдомъ, отступили къ Турдеевымъ оврагамъ. (***) Кн. Юрій оказался измѣнникомъ; вопреки заключенному договору, его воеводы и полки, какъ оказалось, участвовали въ бою на Куси на сторонѣ сыновей. Узнавъ объ этой измѣнѣ дяди, великій князь идетъ въ слѣдующемъ 1434 г. ратью на Юрія къ Галичу. Юрій бѣжалъ на Бѣлоозеро, а вел. князь взялъ и сжегъ Галичъ, жителей многихъ плѣнилъ и, опустошивъ волость галицкую, возвратился въ Москву. Въ ознаменованіе своей побѣды, онъ взялъ образъ Овиновскій Б. Матери изъ галиц. Успенскаго монастыря. Принеся оный въ Москву, поставилъ его въ соборной церкви, повелѣвъ охранять стражѣ. При всемъ томъ образъ оттуда неожиданно, въ ту же ночь. неви-

(*) Собр. госуд. грам. и догов., ч. 1, стр. 100.

(**) Протекаетъ теперь Макарьевскимъ и Галицкимъ уѣздами.

(***) Названіе произошло, вѣроятно, отъ имени божества тура.

димую чудесною силою обратно былъ перенесенъ въ храмъ прежняго монастыря и поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился (*). Кн. Юрій, возвратившись въ Галичъ, началъ опять собираться въ походъ на великаго князя, и съ большою ратью, къ числу коей были и вятчане, съ тремя сыновьями своими пошелъ на Василя къ Москвѣ. Вел. князь, узнавъ о новомъ походѣ дяди, соединившись съ кн. Иваномъ Можайскимъ, вышелъ противъ дяди. Князья встрѣтились въ ростовской области близъ церкви Николая Святого на горѣ. Въ Лазареву субботу произошелъ бой, кончившійся успѣшно для Юрія. Василій бѣжалъ въ Новгородъ Великій, а Иванъ Можайскій съ матерью своею въ Тверь къ своему зятю. В. кн. послалъ къ кн. Ивану родственника своего Андрея Голтнева съ просьбой не отступать отъ союза съ нимъ. Кн. Иванъ отвѣчалъ уклончиво: «Господишь Государь! Гдѣ ни буду, вездѣ твой человекъ, только лишь бы мнѣ не потерять своей отчины и мать бы моя не скиталась по чужимъ областямъ». Кн. Юрій, въ свою очередь, желая отвлечь Ивана Можайскаго отъ союза съ Василюмъ, прислалъ посла Якова Жестова звать его къ себѣ въ Галичъ и кн. Иванъ предпочелъ присоединиться къ Юрію. Соединясь у Троицы, они пошли къ Москвѣ. На страстной недѣлѣ въ среду приступили къ Москвѣ и цѣлую недѣлю осаждали ее; Москва была, взята; княгини: мать и жена великаго князя были взяты въ плѣнъ и отправлены въ Звенигородъ. Князь Юрій снова сѣлъ на великое княженіе. В. кн. былъ въ Новгородѣ. Оттуда онъ ушелъ въ Мологу, потомъ въ Кострому и въ Нижній Новгородъ. Кн. Юрій отправилъ противъ него двухъ сыновей своихъ: Димитрія Шемяку и Димитрія Краснаго. Не получая ни откуда помощи, кн. Василій хотѣлъ было идти въ орду, но въ то время, когда Юрьевичи стояли во Владимірѣ, пришла къ нимъ вѣсть о внезапной кон-

(*) Ист. Костр. кн. Козловскаго, стр. 55. Послѣ опустошенія Галича Юрій Дмитріевичъ крѣпость, дворецъ и соборъ перенесъ на новое мѣсто, называемое теперь Кремль, гдѣ соборъ и донынѣ.

чинѣ отца ихъ Юрія и что на великое княженіе вступилъ ихъ старшій братъ Василій Косой. Послѣдній прислалъ къ нимъ извѣстіе о смерти отца и о своемъ вокняженіи. Они же отвѣчали ему: „если Богъ не судилъ, чтобы былъ великимъ княземъ отецъ нашъ, то мы и тебя не хотимъ“, и послали въ Нижній-Новгородъ за кн. Василиемъ. Послѣдній прибылъ во Владиміръ и, заключивъ миръ, пошелъ съ ними къ Москвѣ. Чѣмъ объяснить такой, по видимому, странный поступокъ младшихъ Юрьевичей, что они не признали великимъ княземъ старшаго роднаго брата своего, но врага, брата двоюроднаго? Этотъ поступокъ, такъ сказать, дипломатическій со стороны Юрьевичей, свидѣтельствовалъ о ихъ вѣрномъ пониманіи современныхъ событій и отношеній. Изъ предшествовавшихъ событій они должны были убѣдиться ясно, что старина отжила свое время и должна уступить новому порядку наслѣдованія великокняжескаго стола. Поэтому они были вполне увѣрены, что Косой, какъ сынъ незаконнаго, по мнѣнію народа московскаго, великаго князя, захватившаго престолъ силою и лукавствомъ, не будетъ проченъ на великокняжескомъ столѣ и что москвичи, непременно призовутъ къ себѣ опять Василя Васильевича. Предвидя это и рассчитывая на полученіе себѣ лучшихъ владѣній, они благоразумно отказались признать Косого великимъ княземъ и тѣмъ расположили къ себѣ Василя Васильевича. Косой не въ силахъ былъ противостать союзникамъ князьямъ и, пробывъ на великомъ княженіи одинъ мѣсяцъ, бѣжалъ изъ Москвы сначала во Ржевь, потомъ въ Новгородъ, гдѣ изувѣчилъ какого то князя Романа (вѣроятно, намѣстника Переяславскаго), хотѣвшаго убѣжать отъ него, и затѣмъ въ Кострому, разграбивъ на пути побережье Мсты, Бѣжецкій Верхъ и Заволочье. Юрьевичи не ошиблись въ своемъ расчетѣ на полученіе удѣловъ. Снова сѣвъ на великое княженіе, Василій Васильевичъ, въ благодарность младшимъ Юрьевичамъ за ихъ помощь, пожаловалъ ихъ удѣлами: Шемяку выморочнымъ удѣломъ послѣ дяди Константина Ржевомъ и

Угличемъ, а Краснаго Бѣжецкимъ Верхомъ. Изъ договорныхъ грамотъ, утверждавшихъ этотъ миръ Василія съ Юрьевичами, мы узнаемъ, что изъ Костромскихъ волостей были владѣніями Шемяки: Корега, Шепково, Лучинское и Сурожикъ (*) Дмитровъ удѣлъ дяди Петра и удѣлъ Косого Звенигородъ вел. кн. взялъ себѣ и выдѣлилъ изъ владѣній Шемяки Вятку, раньше много помогавшую Юрію и его сыновьямъ. Между тѣмъ Василій Косой приготовлялся къ походу на великаго князя и братьевъ, собирая въ Костромѣ рать. Въ 1435 г. съ большою ратью онъ двинулся изъ Костромы къ Москвѣ. Великій князь во время узналъ объ этомъ и встрѣтилъ его въ ярославской волости у Козьмы Даміана на р. Которости. Побѣду одержалъ великій князь, а Косой бѣжалъ въ Кашинъ. Сбравшись здѣсь съ силами, онъ пошелъ къ Вологдѣ, уничтожилъ здѣсь заставу великокняжескую, схвативъ воеводу великаго князя, въ числѣ которыхъ былъ и родственникъ послѣдняго Андрей Федоровичъ Голтязевъ, и, пославъ за вятчанами, опять двинулся къ Костромѣ. Василій Васильевичъ принужденъ былъ идти противъ него. Вел. князь расположился съ своею ратью на мысѣ у Ипатьевского монастыря при устьи р. Костромы, а Косой съ прибывшими къ нему на помощь вятчанами на другомъ берегу ея. Вою воспрепятствовала р. Кострома (*), раздѣлявшая обѣ рати. Соперники заключили миръ, по которому великій князь далъ Косому удѣломъ Дмитровъ, но не прежній Звенигородъ, опасаясь очевидно давней привязанности звенигородцевъ къ роду Юрія. Но Василій Косой жилъ въ Дмитровѣ только одинъ мѣсяць. Въ слѣдующемъ 1436 г. онъ опять идетъ въ Кострому, гдѣ и жилъ до зимняго пути. Когда установился путь, онъ, отославъ обратно къ великому князю договорныя грамоты, съ Костромы пошелъ на Галичъ и отсюда на Устюгъ въ союзъ съ вятчанами. Девять ведѣлъ

(*) Собр. госуд. грам. и договор, ч. I, стр. 125.

(**) Въ исторіи Костромы князя Козловскаго говорится совершенно неправильно, будто великій князь разбилъ здѣсь Косого и прогналъ его въ г. Кострому.

простоялъ Косой подъ Устюгомъ и взялъ его не силою, но склонивши гражданъ къ сдачѣ на условіяхъ, которыя потомъ въродно нарушилъ: убилъ воеводу Глѣба Оболенскаго, десятииника владыки ростовскаго Булатова и многихъ устюжанъ перевѣшалъ. По всей вѣроятности и Шемяка былъ заподозрѣнъ великимъ княземъ въ вѣродомствѣ и неблагонамѣренности: по крайней мѣрѣ, когда онъ въ ту же зиму пріѣхалъ въ Москву звать великаго князя на свою свадьбу, то великій князь заточилъ его въ Коломну подъ присмотръ намѣстника И. Старкова и заковалъ. Въ слѣдующую весну Василій Косой пошелъ изъ Устюга на великаго князя съ вятчанами и дворомъ (дружиною) брата, Димитрія Шемяки. Великій князь, вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ Косого Димитріемъ Краснымъ, Иваномъ Можайскимъ и литовскимъ княземъ Иваномъ Друцкимъ, встрѣтилъ Косого въ ростовской области въ Скоротинѣ. Василій Косой хотѣлъ хитростью завладѣть великимъ княземъ и выпросилъ у него перемиріе до утра. Великій князь на время перемирія распустилъ ратниковъ и они разъѣхались для добычя корму, но кн. Василій Косой въ тотъ же день неожиданно сталъ наступать на великаго князя. Сторожевые замѣтили это и успѣли скоро извѣстить объ этомъ великаго князя Василія. Велик. кн. не потерялся; тотчасъ разослалъ съ вѣстію объ этомъ по стану и самъ, схвативъ трубу, началъ созывать ополченцевъ. Полки скоро собрались, построились и ударили на враговъ. Враги были разбиты и обращены въ бѣгство, а воевода Борисъ Тоболгнъ настягъ самого кн. Василія Косого и сталъ звать на помощь другихъ. На громкій зовъ его прискакалъ князь литвинъ, Иванъ Друцкій; они оба схватили Косого и привели его къ великому князю. В. кн. отправилъ его въ Москву. Когда вятчане плѣнили великокняжескаго воеводу Брюхатова, и, взявъ богатый окупъ съ него, всетаки увели въ плѣнъ, Косой былъ ослѣпленъ въ Москвѣ. Великій князь, еще собираясь въ походъ на Косого, приказалъ расковать Шемяку въ Коломнѣ, а теперь, возвратясь

ннъ похода, даровалъ ему свободу и отпустилъ въ Угличъ. Подъ 1440 г. мы находимъ извѣстiе о новомъ мирномъ договорѣ великаго князя съ младшими Юрьевичами, утвержденномъ грамотою. Изъ условiй договора можно заключить, что предъ этимъ не долго опять возобновлялась война у великаго князя съ Юрьевичами, по крайней мѣрѣ Юрьевичи обязываются возвратить великому князю захваченное ими въ нынѣшнiй приходъ ихъ. По новому поводу возобновлялась война, лѣтописи молчатъ, равно какъ и о самомъ походѣ. Не долго послѣ этого жилъ младшiй Юрьевичъ Дмитрiй Красный. Онъ сѣлъ послѣ Косого въ Галичъ и здѣсь въ 1441 г. скончался. Лѣтописецъ (*) сообщаетъ любопытную новѣсть объ обстоятельствахъ кончины этого князя. Былъ ли съ нимъ предъ кончиной обморокъ или кратковременная летаргiя и потомъ предемертныя припадки религiознаго экстаза опредѣлить теперь трудно. По крайней мѣрѣ въ лѣтописи сообщается слѣдующее: заболѣвъ онъ сначала глухотою и «болячка въ немъ движется», присвокупляетъ неясно лѣтописецъ. Потомъ онъ лишился аппетита и сна. Когда пришелъ духовникъ съ Святыми Дарами, то у князя Дмитрiя изъ обѣихъ ноздрей полилась кровь, такъ что нельзя было его причастить. Кровотеченiе немного стало униматься и духовникъ, заткнувъ ему ноздри бумажкой, причастилъ его. Принявъ немного пищи, князь попросилъ окружающихъ выйти и дать ему заснуть. Тѣ обрадовались, думая, что совѣ послужить ему въ здравье, и сѣли у одного изъ близкихъ къ князю за столъ. Но при наступленiи вечера, одинъ изъ оставшихся при князѣ прибѣжалъ къ нимъ съ извѣстiемъ, что князь отходить. Они застали князя при послѣднемъ издыханiи и успѣли прочесть отходную. На ночь остались они всѣ при усопшемъ, какъ они подумали, князѣ и, подъ влiянiемъ выпитаго меду, скоро заснули, кромѣ одного дьякона,

(*) Воскр. лѣт. т. 8, стр. 110.

который, будучи совершенно трезвъ, долго не засыпалъ и смотрѣлъ на мнимо-умершаго князя. Въ полночь мнимо-умершій князь вдругъ обѣими руками скинулъ покровъ съ своей головы и, не открывая глазъ, громкимъ голосомъ воскликнулъ: «Петръ же позна, яко Господь есть». Дьяковъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса. А князь продолжалъ говорить одво и то же съ закрытыми глазами. Дьяконъ, собравшись съ духомъ, началъ всѣхъ будить, а князь продолжалъ говорить все то же. Потомъ онъ началъ пѣть разные церковныя пѣснопѣнія и предъ утреней сталъ затихать. Послѣ утрени духовникъ принесъ запасные Дары, но князь не открывалъ глазъ. Тогда духовникъ коснулся лжицею его усть и князь взглянулъ. Увидавъ Св. Дары, онъ сказалъ изъ глубины сердца: „радуйся утробо Божественнаго воплощенія“ и причастился. Въ слѣдующіе два дня онъ продолжалъ пѣть стихиры и произносить тексты изъ Св. писанія, узнавалъ людей, говорилъ что кому хотѣлъ сказать, но самъ не слышалъ ничего, что ему говорили. Въ среду онъ лишился языка, но людей узнавалъ, а въ четвергъ во время обѣдни испустилъ духъ «конечное», присовокупляеть лѣтописецъ. На восьмой день послѣ кончины, когда прибылъ изъ Углича братъ его Димитрій Шемяка, князя отнѣли, положили въ засмоленную колоду и повезли въ Москву. Протекло 23 дни послѣ кончины, когда его привезли въ Москву. Отнѣвъ панихиду, захотѣли открыть колоду, и къ удивленію нашли князя вполне сохранившимся. Лицо его было бѣло, какъ у спящаго, безъ синеты или черноты. Возблагодаривъ Бога, положили его въ гробъ возлѣ отца его Юрія“. Если все рассказанное лѣтописцемъ вполне вѣрно, то возникаетъ сомнѣніе и во вторичной истинной кончинѣ вн. Димитрія. Во всякомъ случаѣ кончина загадочная. (*) Если не перепутаны въ лѣтописяхъ года, то нѣ 1442 г. великій князь нарушилъ миръ съ Шемякою и

(*) Лѣтописецъ еще говоритъ: „когда возли его изъ Москву, то дважды уронили съ носилокъ“.

пошелъ на него войною къ Угличю. Шемяка бѣжалъ въ Бѣжецкій Веръ, а великій князь возвратился назадъ. Кн. Дмитрій и кн. Александръ Чарторижскій, преслѣдуя великаго Князя, едва не дошли до Москвы. Примирилъ ихъ игумень троицкій Зиновій. Какая была причина возобновившейся вражды, изъ лѣтописей не видно. Изъ актовъ историческихъ (*) мы знаемъ, что когда на Москву напалъ Ханъ-Махметъ въ 1439 г., то Шемяка не пошелъ на помощь къ великому князю. Великій князь могъ теперь предпринять походъ на Шемяку для наказанія его за ослушаніе. Но къ такому случаю придется вѣтъ походъ отнести къ годамъ ранѣе 1442. Галичь, удѣлъ Дмитрія Краснаго, послѣ его смерти перешелъ во владѣніе Дмитрія Шемяки, князя углицкаго, и былъ подъ управленіемъ княжескаго намѣстника. Борьба съ Юрьевичами на время прекратилась, но бѣдствія другія, отъ врага болѣе опаснаго вскорѣ пришлось претерпѣть великому князю. Татары, какъ мы видѣли раньше, нерѣдко дѣлали нападенія на русскія области и оустоявали ихъ. Въ 1445 г. ханъ казанскій Улу-Махметъ съ многочисленнымъ олодченіемъ взялъ старый Нижній-Новгородъ и устремился къ Мурому. Въ числѣ союзныхъ князей съ великимъ княземъ былъ и Дмитрій Шемяка. Близъ Мурома татары были разбиты и Махметъ отступилъ. Весною онъ опять осадилъ Нижній-Новгородъ и отправилъ двухъ своихъ сыновей къ Суздалю. Шемяка на этотъ разъ обманулъ великаго князя: ни самъ не пришелъ на помощь къ нему и не прислалъ воеводъ съ полками. Немногочисленная рать великаго князя была расположена близъ Суздаля на р. Каменкѣ. Не смотря на численное превосходство непріятеля, великій князь отважился на битву близъ Евсѣмьева монастыря. Бой завязался упорный и кровопролитный, но русскіе были подавлены непріятелемъ, превосходящимъ ихъ численно. Они были почти все истреблены: самъ великій князь,

(*) 1. № 40.

получивъ множество ранъ, отдался въ плѣнъ вмѣстѣ съ знаменитѣйшими боярами. Въ Москвѣ ужаснулись при вѣсти о плѣнѣ великаго князя. Семейство его удалилось въ Ростовъ; въ Москвѣ же наступило безначаліе. Но ханъ Махметъ не рѣшился двинуться къ Москвѣ и только отправилъ къ сопернику великаго князя Шемякѣ посла Бегича съ дружескими увѣреніями. Шемяка радовался несчастію великаго князя и, съ честію принявъ посла ханскаго, отправилъ съ нимъ къ Махмету дьяка Феодора Дубенскаго для переговоровъ о томъ, чтобы Василія Васильевича держать въ вѣчномъ плѣну, а великимъ княземъ быть Шемякѣ. Между тѣмъ Махметъ, долго не имѣя извѣстія о Бегичѣ, подумалъ, что Шемяка убилъ его. Въ то же время Казань была завоевана однимъ изъ болгарскихъ князей Либемъ и ханъ, желая скорѣе возвратиться въ Болгарію, даровалъ великому князю свободу изъ плѣна за умѣренный окупъ. Между тѣмъ Бегичъ съ дьякомъ великокняжескимъ были уже на пути къ Нижнему. Услыхавъ объ освобожденіи великаго князя, они повернули назадъ къ Мурому, гдѣ Бегичъ былъ посаженъ намѣстникомъ великаго князя подъ стражу. Шемяка, опасаясь великаго князя, бѣжалъ въ Угличъ и снова началъ составлять замыслы съ цѣлію завладѣть великимъ княженіемъ. Заключивъ союзъ съ княземъ Иваномъ Можайскимъ, Шемяка увѣрилъ его, что великій князь обязался Хану Махмету отдать государство московское, а самъ хочетъ сѣсть въ Твери. Къ союзу съ ними присоединился и Борисъ кн. тверскій, повѣрившій такому вымыслу и боясь лишиться Твери. Сторону Шемяки приняли нѣкоторые изъ московскихъ гражданъ и даже иноковъ и составилъ заговоръ: схватить великаго князя при удобномъ случаѣ. Для этого стали изучать всѣ его движенія и слѣдить за нимъ. Случай скоро представился (*). Кн. Дмитрій и

(*) Хотя эти событія и не имѣютъ прямого отношенія къ исторіи Костромы и Галича, но такъ какъ здѣсь главными дѣйствующими лицами являются князья: московскій и владѣвшій Галичемъ Д. Шемяка, то по сопряженности событій съ исторіей Галича и въ виду интереса ихъ въ русской исторіи, мы изложимъ ихъ съ достаточною полнотою, слѣдуя лѣтописному повѣствованію.

Иванъ Можайскій засѣли въ Рузѣ и получали всякій день извѣстія о великомъ князѣ. Великій князь, ничего неподозрѣвая, въ 1446 г. отправился съ небольшимъ числомъ людей на богомолье въ Троицкій монастырь. Измѣнники московскіе извѣстили объ этомъ злоумышленниковъ князей. Тѣ тотчасъ приступили къ Москвѣ и взяли ее безъ сопротивленія, такъ какъ жители не знали о походѣ, а ворота отворили князьямъ ихъ единомышленники. Великія княгини и казна великокняжеская были захвачены, дѣшніе бояръ великаго князя и многихъ гражданъ было разграблено. Шемяка послалъ Ивана Можайскаго съ большимъ числомъ людей преслѣдовать великаго князя къ Троицѣ. Во время литургіи вѣкто Бунко прибѣжалъ въ церковь съ извѣстіемъ къ великому князю, что Д. Шемяка и Иванъ Можайскій идутъ на него ратью. Князь великій, помня недавнюю измѣну Бунко, отѣхавшаго служить Шемякѣ, не повѣрилъ этому извѣстію, думая, что Бунко смущаетъ его: «какъ можетъ это быть, сказалъ великій князь, когда я съ моими братьями въ мирѣ?» и повелѣлъ Бунко прогнать изъ монастыря. Между тѣмъ онъ всетаки послалъ сторожевыхъ людей къ Радонежу. Сторожевые Ивана Можайскаго, союзника Шемяки, усмотрѣли ихъ и князь Иванъ прибѣгъ къ такой хитрости, чтобъ переловить ихъ: онъ велѣлъ приготовить сани и лечь въ нихъ ратникамъ, по двое прикрывшись рогожами и полостями, а третьему идти какъ бы за возомъ. Когда передніе возы миновали гору, тогда всѣ скрытые въ нихъ ратники вскочили и переловили всѣхъ сторожевыхъ великокняжескихъ, которые спокойно смотрѣли съ горы на возы и не могли теперь убѣжать, потому что снѣгъ тогда былъ глубокъ, до девяти пядей. Измѣнники поскакали къ монастырю. Когда показались они у сада Кляментьевскаго, навѣщенный великій князь бросился на конюшню, но воя наготовѣ не было; приближенные же растерялись и не знали что предпринять. Тогда безпомощный великій князь рѣшился скрыться въ церкви у гроба Св. Сергія и поно-

марь заперъ его тамъ. Измѣнники прискакали къ самымъ дверямъ церковнымъ и князь Иванъ началъ спрашивать: «гдѣ великій князь»? Великій же князь, узнавъ по голоосу кн. Ивана, взмолился къ нему: «братъ! Пощади меня; не трогай меня отсюда; я не выйду изъ монастыря и здѣсь постригусь». Потомъ самъ отперъ южныя двери и, выйдя съ иконой Богоматери съ гроба св. Сергія на встрѣчу врагамъ, сказалъ кн. Ивану: «братъ! Въ этомъ храмѣ мы цѣловали крестъ и сію св. икону, чтобъ не мыслить намъ зла другъ на друга, но что теперь совершается не понимаю». Кн. Иванъ отвѣчалъ ему: «Государь! Если мы пожелаемъ тебѣ какого зла, то и намъ пусть тоже будетъ, но это мы дѣлаемъ ради христіанъ и для того, чтобы татары уменьшили окупъ, который ты долженъ имъ заплатить». Великій князь, поставивъ икону, палъ ницъ предъ гробомъ св. Сергія, обливаясь слезами, такъ что даже сами злодѣи прослезились. Кн. Иванъ, уходя изъ церкви, сказалъ одному изъ злоумышленниковъ Никитѣ Константиновичу: „возьми его“. В. кн., вставши, спросилъ: „гдѣ братъ, князь Иванъ?“. Тогда Никита, взявъ за плечи великаго князя, сказалъ: „ты плѣненъ теперь великимъ княземъ Дмитріемъ Юрьевичемъ“. Посадивъ великаго князя съ однимъ инокомъ на сани, злоумышленники повезли его въ Москву, а бояръ великаго князя всѣхъ переловили или ограбили. Сыновья великаго князя спаслись и бѣжали изъ Троицкаго монастыря къ князю Ивану Рязанскому въ Юрьевъ и съ нимъ въ Муромъ. Великаго князя, посадивъ въ Москвѣ на дворѣ Шемякинѣ, ослѣпили и потомъ сослали въ Угличъ съ книгиней, а мать его Софью Витовтовну заточили въ Чухлому. Кн. Дмитрій, узнавъ, что сыновья великаго князя скрылись въ Муромѣ, подъ защитою князей Рязанскихъ, не послалъ къ Мурому рати, боясь за себя, такъ какъ народъ въ Москвѣ негодовалъ на него за насилія и составлялъ противъ него замыселъ, желая на великое княженіе опять Василія Васильевича. Онъ придумалъ такую хитрость: призвалъ

епископа разанскаго Юну (*) въ Москву и обѣщаль ему митрополию на такомъ условіи: „поди въ свою епископію градъ Муромъ и возьми на свою епитрахиль сыновей великаго князя; и радъ буду ихъ пожаловать, а отца ихъ великаго князя выпущу и владѣніе ихъ дамъ большое“. Иона довѣрчиво отправился въ Муромъ на судахъ и здѣсь передалъ боярамъ великаго князя, тремъ князьямъ Рюполовскимъ, рѣчи Димитрія. Бояре колебались отпустить дѣтей князя Василя и наконецъ рѣшили тавъ: „если мы не послушаемъ святителя и не пойдемъ къ кн. Димитрію съ дѣтьми великаго князя, то онъ, прійдя съ ратію, возьметъ городъ и, плѣнивъ малютокъ, что хочеть, те и сдѣлаеть съ ними и съ отцомъ ихъ и со всѣми нами. Что будетъ значить тогда наша стоймость, если мы не послушаемъ совѣтовъ святителя? (**) И сказали Юнѣ: „если съ такими словами пришелъ ты отъ князя Димитрія къ дѣтямъ великаго князя и къ намъ, то мы сами не рѣшаемся отдать ихъ тебѣ. Поди въ соборную церковь Рождества Пресв. Богородицы и возьми ихъ самъ съ пелены на свою епитрахиль и тогда мы отпустимъ ихъ съ тобою и сами съ ними войдемъ“. Совершивъ молебень, Иона взялъ мальчиковъ съ пелены Богородицы и прибылъ съ ними въ Переяславль, гдѣ былъ тогда кн. Димитрій. Шемяка принялъ ихъ ласково, но потомъ отправилъ въ заточеніе къ отцу въ Угличъ въ сопровожденіи владыки Юны. Когда Иона возвратился, князь Димитрій повелѣлъ ему итти на митрополию въ Москву. Рюполовскіе, узнавъ о воеварствѣ Шемяки, начали съ другими боярами, преданными Василю, за-

(*) Уроженца Солнгаландскаго, отъ Солнгалача въ шести верстахъ близь границы съ казанскою землею. Отецъ его былъ Федоръ по прозванію Однодушъ. По его имени и погостъ теперь Однодущево, который Однодушъ далъ въ дѣль соборной церкви Богородицы въ Москвѣ. 12-ти лѣтъ Иона поступилъ въ московскій Симоновъ монастырь. Есть разсказъ, что однажды посетилъ Симоновъ монастырь митрополитъ Фотій и, зайдя въ хлѣбно-печарню, увидѣлъ спящаго юношу; правая рука его лежала на головѣ со сложенными перстами, какъ бы благословляющая. Святитель Фотій предсказалъ юношѣ великую будущность. Карамз. т. V, гл. 3, примѣчаніе 292.

(**) Такъ было велико уваженіе къ святителямъ.

мыслили освободить великаго князя и съ этою цѣлю назначили собраться всеѣмъ къ Угличу въ Петровъ день. Но князь Дмитрій узнавъ о приготовленіяхъ Ряполовскихъ и тѣ не смѣли придти подъ Угличъ къ назначенному сроку, но пошли къ Вѣлозерску. Послѣ нѣсколькихъ битвъ, Ряполовскіе пошли въ Литву къ кн. Василию Ярославичу въ Мстиславль и съ нимъ стали совѣщаться о томъ, какъ освободить великаго князя. Шемяка, замѣчая нерасположеніе къ себѣ народа (*) и расположенность его къ князю Василию, призвавъ владыкъ и бояръ, началъ совѣщаться съ ними: „выпуститъ ли ему великаго князя?“ Усерднымъ ходатаемъ за великаго князя выступилъ теперь митрополитъ Іона. Онъ началъ обличать Шемяку въ неправдѣ и негодовать на него за то, что онъ и его ввелъ въ срамъ и грѣхъ: „ты долженъ бы, говорилъ Іона, выпустить великаго князя, а между тѣмъ заточилъ съ нимъ и дѣтей его; я повѣрилъ тебѣ и ввелъ ихъ въ обманъ; выпусти великаго князя и сними грѣхъ съ меня. Слѣпой что онъ можетъ тебѣ сдѣлать? А дѣти его малы. Сирѣмъ съ нимъ миръ крестнымъ цѣлованіемъ и нашей порукою“. Шемяка согласился выпустить великаго князя съ дѣтьми и дать ему во владѣніе вотчину. Въ 1447 г., съ этою цѣлю кн. Дмитрій прибылъ въ Угличъ. Василій, изъявивъ смиреніе предъ Шемякой, со слезами благодарилъ его за такое милосердіе. Устроивъ пиръ для кн. Василя, княгини, дѣтей, бояръ и владыкъ и одаривъ ихъ, Шемяка далъ Василию въ удѣлъ Вологду.

Между тѣмъ приверженность къ Василию въ Москвѣ не ослабѣла. Кромѣ того не выносили было правленіе Шемяки и бояре великаго князя, дѣти боярскія и многіе изъ простыхъ людей пошли отъ князя Дмитрія къ великому князю. Кн. Василій отправился на богомолье въ Кирилловъ монастырь, но оттуда не

(*) Его мнѣніе особенно тягостно было для народа несправедливостью въ судѣ. Отсюда и поговорка: „Шемякинъ судъ“, т. е. несправедливый судъ.

возвратился въ Вологду, а ушелъ въ Тверь къ кн. Борису, который принялъ его радушно: и обручилъ за его сына Ивана дочь свою Марію. Многие изъ бояръ и народа стали приходять къ кн. Василию и въ Тверь. Покуда Ряполовскіе съ кн. Василиемъ Ярославичемъ собирались изъ Мстиславля идти на Шемяку, пришли къ нимъ вѣсть, что великій князь вынуженъ и ему дана Вологда. На пути Ряполовскіе съ союзниками встрѣтили татаръ и, сказавъ о причинѣ своего похода, узнали, что и татары также идутъ на выручку великаго князя изъ расположенности къ нему за его добро къ нимъ и слыша какъ безчеловѣчно съ нимъ поступили его братья. Шемяка, узнавъ объ успѣхъ князя Василия и не желая допустить его въ Москвѣ, остановился съ княземъ Иваномъ Можайскимъ у Волока Ламскаго. Князь же Василій послалъ къ Москвѣ развѣдать, какъ бы пройти туда, минуя рать Димитрія Шемяки. Возможность оказалась и Валилій, увѣренный въ расположенности къ себѣ гражданъ Москвы, тайно отправилъ къ нимъ боярина Плещеева съ малочисленною дружиною. Плещеевъ умѣлъ обойти рать Шемяки и ночью, наканунѣ Рождества, былъ уже подъ стѣнами кремлевскими. Въ церквахъ звонили къ заутрени. Никольскія ворота были отворены въ это время для проѣзда къ заутрени княгини Юліаніи и Плещеевъ съ людьми вошелъ ими въ городъ. Галицкій намѣстникъ князя Димитрія, бывшій тогда, вѣроятно, въ Москвѣ, бѣжалъ изъ церкви отъ заутрени; прочіе бояре Димитріевы были захвачены и закованы. Граждане Москвы были приведены къ присягѣ на вѣрность великому князю Василию, а городъ начали укрѣплять. Шемяка съ Иваномъ Можайскимъ были въ затрудненіи: идти на нихъ в. князь отъ Твери, Москва взята, къ тому же еще Василій Ярославичъ съ Ряполовскими и татарами идутъ съ другой стороны на нихъ, люди отъ нихъ стали убѣгать; тогда они сами рѣшились бѣжать сначала въ Галичь, Чухлому и отсюда съ матерью великаго князя Софіею въ Каргополь. Великій князь пошелъ преслѣдовать

ихъ къ Угличю. Здѣсь соединился съ нимъ Василій Ярославичъ съ боярами. Угличъ былъ взятъ. Василій пошелъ къ Ярославлю и отправилъ боярина Бутузова къ Дмитрію, прося отпустить мать его великую княгиню Софію. Князь Дмитрій, согласившись, что напрасно ему держать въ плѣну княгиню Софію, отпустилъ ее изъ Каргополя. Великій князь радостно встрѣтилъ мать свою у Троицкаго монастыря. Послѣ этого въ 1448 г. Шемяка, при посредствѣ князей Михаила Андреевича Верейскаго и Василя Ярославича Боровскаго, заключилъ перемиріе съ великимъ княземъ съ тѣмъ, чтобы послѣдній пожаловалъ его и Ивана Андреевича тѣми волостями, которыми ихъ благословили отцы, кромѣ Звенигорода съ волостями и Вятки. Кромѣ того Шемяка отказывается отъ Углича съ волостями, Ржева съ волостями и Бѣшецкой волости. Князья были довольны условіями мирнаго договора, кромѣ Шемяки, который втайнѣ питалъ ненависть къ великому князю и старался всюду возбуждать нерасположеніе къ нему, особенно въ Новгородѣ, распуская слухи, что изъ за великаго князя Москва въ рукахъ татаръ, подговаривалъ на великаго князя Вятчанъ, сносился съ ханомъ казанскимъ и чествовалъ посла его вопреки договору; явно нарушалъ статьи этого договора и посылалъ въ Москву къ тіузу своему грамоты, вооружавшія гражданъ противъ великаго князя. Грамоты были перехвачены и великій князь Василій отдалъ дѣло на судъ духовенства. Отъ лица пяти владыкъ было написано къ Шемякѣ посланіе. Духовенство въ началѣ посланія говоритъ о единодержаніи, сравнивая грѣхъ князя Юрія, отца Шемяки, съ грѣхомъ Адама, которому сатана вложилъ въ сердце желаніе равнобожества. Затѣмъ духовенство объявляетъ себя явно на сторонѣ вл. московскаго. Далѣе излагаются укоризны Шемякѣ за его измѣну и ослѣпленіе Василя и, переходя къ послѣднему договору, духовенство уворяетъ Шемяку за несоблюденіе условій его. Въ заключеніе говорится, что духовенство било челомъ великому.

князю за Шемяку и великій князь хочетъ мира съ двоюроднымъ братомъ. Если Шемяка не исполнить условій, въ такомъ случаѣ духовенство отлучаетъ его отъ Бога и отъ церкви и предаетъ проклятію. Шемяка не внялъ увѣщанію владыкъ и великій князь въ томъ же 1448 г. предпринимаетъ походъ противъ него къ Галичу. Дойдя до Костромы, кн. Василій остановился здѣсь, отправивъ пословъ къ Димитрію Шемякѣ. Шемяка, боясь начинать войну, просилъ мира и обѣщалъ великому князю не злоумышлять на него, въ противномъ случаѣ, говорилъ, пусть не будетъ на мнѣ милости Божіей и Пречистой его Матери и всѣхъ святыхъ и благословенія всѣхъ епископовъ земли русской. Кн. великій согласился даровать ему миръ, который и былъ заключенъ въ Костромѣ, и потомъ возвратился въ Москву. Въ этотъ годъ скончался кн. Василій Юрьевичъ Косой, жившій въ забвеніи и бездѣйствіи послѣ своего ослѣпленія. Одинъ годъ прошелъ мирный, но Шемяка продолжалъ свои козни. Ранѣе онъ не далъ помощи великому князю, когда ханъ Махметъ напалъ на Москву; теперь онъ не хотѣлъ принимать участія съ великимъ княземъ въ чествованіи ханскихъ пословъ и наконецъ весною 1449 г. нарушилъ крестное дѣлованіе и приступилъ съ большимъ войскомъ къ Костромѣ. Долго онъ бился подъ городомъ, но не взялъ его, потому что въ Костромѣ была сильная застава великокняжеская или ополченіе подъ начальствомъ Ив. В. Стриги и Федора Басенка. Скоро великій князь самъ выступилъ въ походъ противъ Шемяки, взявъ съ собою митрополита, епископовъ, братьевъ и царевичей татарскихъ. Враги сошлись на Волгѣ въ с. Рудинѣ близъ Ярославля, но не вступили въ битву, потому что князь Иванъ Можайскій отступилъ отъ Шемяки и примирился съ Васиіемъ, который снова далъ ему Бѣжецкій Верхъ, и враги заключили миръ. Но въ слѣдующемъ году великій князь предпринимаетъ новый походъ противъ Шемяки. Отчаявшись въ возможности полнаго примиренія съ нимъ, великій князь рѣшился теперь

сокрушить врага и съ большимъ войскомъ предпринялъ въ 1450 г. походъ на Галичъ. Пришло къ великому князю извѣстіе, что Шемяка пошелъ къ Вологдѣ. Великій князь направился на Илдамъ и Обнору, чтобы отсюда итти къ Вологдѣ. Но на пути онъ узналъ, что Шемяка воротился въ Галичъ. Тогда и вел. князь воротился съ Обноры и, идя вверхъ рѣкою Костромою, прибылъ на Желѣзный Борокъ къ Иоанну Святому. Шемяка собралъ огромное войско, возвелъ сильныя укрѣпленія около города, поставилъ пушки на валахъ и самъ съ большимъ войскомъ расположился на горѣ нредъ городомъ. Великій князь, по слѣпотѣ своей, не могъ самъ предводительствовать войскомъ, но ввѣрилъ главное начальство надъ нимъ князю Василию Ивановичу Оболенскому. Воеводы великаго князя съ опасеніемъ шли отъ озера къ горѣ, такъ какъ она была крута. Съ трудомъ выйдя изъ овраговъ, они пошли на гору. Съ горы непріатели начали стрѣлять въ нихъ, но не причинили никому вреда. Наконецъ полки враговъ сошлись и началась кровопролитная сѣча, какой давно уже не было на Руси, извѣстная въ русской исторіи подъ названіемъ Галицкой битвы 27 января 1450 г. Полки великаго князя одержали побѣду; многіе изъ враговъ были побиты, лучшіе люди попались въ плѣнъ и самъ кн. Шемяка едва избѣжалъ плѣна; пѣшая рать была почти вся уничтожена, но городъ еще не сдавался и ворота были затворены. Къ великому князю Василию пришла на Борокъ вѣсть о славной его побѣдѣ. Онъ тотчасъ прибылъ къ Галичу. Тогда граждане сдались ему. В. кн., даровавъ имъ миръ, посадилъ въ Галичѣ намѣстниковъ, и отбылъ въ Москву. Шемяка бѣжалъ въ Новгородъ. Но, собравшись съ силами, онъ устремился на Устюгъ и, расположивъ къ себѣ жителей, привелъ ихъ къ присягѣ, а непокорныхъ бросалъ въ р. Сухону. Изъ Устюга онъ ходилъ воевать къ Вологдѣ. Великій князь, занятый дѣлами татарскими, не могъ итти на Шемяку и только въ слѣдующемъ 1451 г. предпринялъ походъ на него чрезъ Яро-

славль. В. князь изъ Ярославля послалъ противъ него рать съ сыномъ своимъ Іоанномъ, а самъ пошелъ къ Костромѣ, и отсюда послалъ Ягуна одного изъ татарскихъ царевичей, бывшихъ тогда на службѣ у великаго князя, присоединиться къ сыну Ивану, чтобы идти на Шемяку. Еще ранѣе этого нѣкоторыхъ князей и бояръ онъ послалъ на Устюгъ. Шемяка, услышавъ объ этомъ походѣ, пожегъ посадъ Устюжскій и бѣжалъ на р. Кокшенгу. Кн. Иванъ съ татарскимъ царевичемъ взялъ городки по Кокшенгѣ и, дойдя до устья р. Ваги и Осинава поля, съ большой добычей и многими плѣнными возвратился назадъ. Шемяка бѣжалъ опять въ Новгородъ. Въ 1453 г. въ Новгородъ прибылъ изъ Москвы дьякъ Степанъ Бородатый и подговорилъ боярина Шемякина Котова убить Шемяку. Котовъ подговорилъ повара и тотъ далъ Шемякѣ отравы. Шемяка вскорѣ умеръ, поѣвши курицы, напитанной ядомъ. Подъячій Василий Беда привезъ въ Москву извѣстіе о смерти Шемяки и за это получилъ званіе дьяка. Только смертью Шемяки, оставившаго очень недобрую славу о себѣ въ исторіи по своей хитрости, коварству, вѣроломству и несправедливости въ судѣ, прекратилась эта знаменитая въ русской исторіи послѣдняя междоусобная война въ рюриковомъ домѣ изъ за великаго княженія, продолжавшаяся больше четверти вѣка (съ 1425 по 1453 г.) и кончившаяся въ пользу новаго порядка престолонаслѣдія, утвердившагося въ московской Руси, отъ отца къ старшему сыну.

Мы изложили событія до начала второй половины XV в., когда московское государство становилось еще сильнѣе при установившемся на Руси новомъ порядкѣ престолонаслѣдія отъ отца къ старшему сыну. Кострома еще до усиленія Москвы Іоанномъ Калитою перешла во владѣніе московскихъ князей, сдѣлавшихся великими князьями. Послѣ она вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими городами постоянно сохраняла значеніе великокняжескаго города, не имѣя самостоятельныхъ князей, но управляясь воеводами или на-

мѣстниками великокняжескими. Между тѣмъ нѣкоторые изъ Костромскихъ волостей, купленные или промысленныя московскими князьями, составляли ихъ собственность. Раньше по мѣстамъ намъ приходилось упоминать объ этихъ волостяхъ. Теперь мы группируемъ ихъ всѣ вмѣстѣ. Какъ видно изъ завѣщанія Іоавва Калиты, имъ было промыслено на Костромѣ Сельцо Новое и кромѣ того въ его владѣннн было еще купленное на Костромѣ женою Александра Невского, бабкою Калиты, село Павловское. Симеонъ Гордый промыслилъ купленное на Костромѣ село Александровское. По завѣщанію Дмитрія Донскаго княгиня Евдокія получила въ Костромскомъ уѣздѣ Иледамъ съ Комелою, изъ Галича—Соль. Дмитрій Донской отдалъ сыну Юрію Галичъ съ волостями и селами, которыя тянули въ Костромѣ: Никольскимъ и Борисовскимъ. Изъ волостей же Костромскихъ кн. Юрій получилъ: Авдому, Шиленгу, Борегу, Борку, Березовець съ Залѣсьемъ. Волости: Шачебалъ и Ликурги Юрій уступилъ брату Петру Дмитріевичу, а тотъ уступилъ ихъ Константину. По завѣщанію Василя Дмитріевича в. княгиня Софія Витовтовна получила изъ Костромы: Иледамъ съ Обнорою, Комелою и Волочкомъ, Нерехту съ варницами, борниками, бобровниками и селомъ Бягининскимъ. Кн. Василій имѣлъ еще прикупы Костромскіе: Качаловское, Ушаковское и Святое. Галичъ съ волостями былъ отданъ Юріемъ сыну Дмитрію Красному, а послѣ его смерти перешелъ къ Шемякѣ. Шемяка владѣлъ: Шепковымъ, Лучиньскимъ, Сурожиномъ и Корегой (*). По раздѣлу вотчинъ Васиіемъ Темнымъ, четвертый сынъ его Борисъ получилъ на Костромѣ—на Волгѣ Нижнюю слободу, Базѣвское, Мануиловское. Великая княгиня Марія получила на Костромѣ села: Михаила Данилова, Болдомскія, данныя ей Михаиломъ Сабуровымъ. Потомъ изъ владѣннн княжескихъ упоминаются соляныя варницы: въ области Галицкой такъ называемая

(*) Собр. гос. грам. и договор., № 58.

Соль и въ Нерехтѣ. «Московскій князь скупаеъ отдаленныя сѣверо-западные и сѣверо-восточныя княжества, волости, какъ видно, пустынные, бѣдныя, которыхъ князья не были въ состояніи противиться ближайшимъ сосѣдямъ, князьямъ болѣе сильнымъ. Такимъ образомъ московскіе князья распространяютъ свои владѣнія на счетъ слабыхъ раздробленныхъ владѣній потомковъ Константина, Ивана Всеволодовичей, Константина Ярославича (*). «Присвоивъ себѣ удѣлъ Галицкій послѣ Шемяки, Можайскій и Боровскій, Василій Темный оставилъ въ великомъ княженіи только Михаила Верейскаго княземъ владѣтельнымъ; другихъ не было. Внуки Кирдянины, нѣсколько лѣтъ правивъ древнею Суздальскою областью въ качествѣ московскихъ присяжниковъ, волею или неволею выѣхали оттуда. Уже всѣ доходы московскіе шли въ казну великаго князя; всѣ города управлялись его намѣстниками. Одна Вятка, бывшая частью Галицкой области, не хотѣла повиноваться Василю» (**). Уже не далеко было время, когда не только удѣльныя княжества великаго княженія московскаго, но и другіе крупныя удѣлы объединятся въ одно цѣлое государство русское вокругъ центра Москвы. Это великое дѣло надлежало совершить уже преемникамъ Василя Темнаго. Ему же по крайней мѣрѣ принадлежитъ честь за то, что онъ удержалъ за собой великокняжеское достоинство въ силу симпатій къ нему и сочувствія къ установившемуся новому порядку престолонаслѣдія въ московской Руси. Въ 1462 г. 27 марта скончался в. кн. Василій Васильевичъ отъ сухотной болѣзни. Лѣтописецъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о принимавшихся тогда мѣрахъ противъ болѣзней. В. кн., чувствуя въ себѣ сухотную болѣзнь, повелѣлъ жечь себя горящимъ трупомъ во многихъ мѣстахъ, даже и тамъ, гдѣ не чувствовалъ боли. Отъ прижиганія образовались раны и болѣзнь

(*) Солов. истор., т. IV, стр. 154.

(**) Карамз., т. V, гл. III, стр. 205

еще болѣе усилилась. В. кн. желалъ постричься въ монахи, но его до этого не допустили и онъ вскорѣ скончался. На Московскій великокняжескій столъ вступилъ въ 1462 г. старшій сынъ Василія Темнаго Іоаннъ III-й Васильевичъ.

Казанскіе татары, какъ мы видѣли, не рѣдко нападали на пограничныя области великаго княженія. Князья московскіе принимали походы или для отраженія набѣговъ татаръ или для отмщенія за ихъ набѣги ходили на самую Казань. Въ 1467 г. Іоанну III Васильевичу представился случай отмстить казанцамъ за ихъ набѣги и даже, при счастіи, овладѣть Казанью, этимъ гнѣздомъ хищниковъ, плѣбившихъ однажды даже самого великаго князя, отца Іоанна. Какъ мы раньше упоминали, царевичи татарскіе переходили на службу къ великому князю. Въ княженіе Василія Темнаго царевичъ Касимъ за вѣрную службу получилъ въ удѣлъ Мещерскій городокъ на берегу Оки, названный съ того времени по его имени Касимовымъ. Въ 1467 г. онъ получилъ изъ Казани вѣсть, что тамъ желаютъ его на престолъ. Касимъ прибѣгъ къ помощи великаго князя и тотъ послалъ къ нему рать подь начальствомъ князя Ивана Васильевича Оболенскаго Стриги. Но Касимъ обманулся. Онъ встрѣтилъ подь Казанью сильную рать подь начальствомъ самого царя Казанскаго Ибрагима, который не допустилъ Касима перевестись чрезъ Волгу. Касимъ, испытавъ бѣдствія и недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ, возвратился назадъ безъ успѣха. По уходѣ Касима, Казанцы, въ отмщеніе за участіе въ этомъ походѣ и рати великаго князя, сдѣлали набѣгъ на Галичъ, но не могли овладѣть городомъ и жителями волостей, которые всё стеклись въ городъ и заперлись въ немъ. Съ небольшою добычей казанцы отступили отъ Галича. Для защиты городовъ великаго княженія, великій князь разослалъ заставы (оборонительныя рати) въ Муромъ, Нижній-Новгородъ, Кострому и Галичъ и приказалъ гражданамъ сидѣть въ крѣпкой

засадѣ. Въ ту же зиму 1467 г. (*) великій князь послалъ князя Семена Романовича съ дѣтьми боярскими въ землю Черемисскую. Всѣ рати соединились въ Галичѣ и 6 декабря пошли на Черемись дремучими лѣсами, «безъ пути», въ сильную стужу. Область Черемисская была опустошена; много жителей было взято въ плѣнъ, много избито и сожжено, а скоть и имущество, что можно было взять, забрано; только на одинъ день пути они не дошли до Казани и съ добычей возвратились въ Москву. Весною слѣдующаго года опять великій князь посылаетъ противъ казанскихъ татаръ рать въ отищеніе за ихъ продолжавшіеся набѣги. Изъ Москвы былъ посланъ къ Галичу Руно съ казаками (**), а изъ Галича дѣти боярскія Семеновы и другіе. Всѣ они пошли къ Вологдѣ, съ Вологды къ Устюгу, съ Устюга къ вятской землѣ и, соединясь подъ Котельничемъ съ ратами изъ окрестныхъ волостей, пошли на Казань. Но, узнавъ о походѣ Казанцевъ на встрѣчу имъ, возвратились назадъ къ Вяткѣ. Казанцы отомстили нападеніемъ на побережье рѣки Юга, повоевали двѣ волости Костромскія; другой же отрядъ ихъ раззорилъ Муромскую волость, но здѣсь татары были разбиты княземъ Даниломъ Холмскимъ. Весною 1469 г. великій князь предпринялъ новый походъ на Казань въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Изъ Москвы и другихъ городовъ великаго княженія двинулись рати по призыву великаго князя къ Нижнему-Новгороду, который былъ назначенъ пунктомъ для соединенія ихъ. Угличане, Ярославцы, Ростовцы, Костромичи и прочіе всѣ поволжане поплыли Волгою къ Нижнему-Новгороду. 21 мая приступили къ Казани, зажгли вокругъ нея посады, но, будучи истомлены, отплыли на островъ Коровничъ. Вообще всѣ перечисленные походы на Казань ратей великаго князя Іоанна Васильевича, въ числѣ которыхъ участвовали Костромичи и Галичане, не имѣли важнаго результата, т. е.

(*) По Воскр. Лѣтол. 1468 г.

(**) Стоитъ здѣсь вниманіе упомянаніе о походѣ съ казаками, или вольными людьми, о чемъ раньше намъ не случалось упомянуть.

завоеванія Кавани; весь успѣхъ ограничивался опустошеніемъ неприятельскихъ областей. Неполный успѣхъ походовъ зависѣлъ главнымъ образомъ отъ недостатка единства въ движеніяхъ, отъ недостатка подчиненности; приказы великаго князя и воеводъ часто не были исполняемы; одинъ воевода часто не могъ дожидаться другаго.

Въ послѣдующій за изложенными событіями десятилѣтній періодъ имѣтъ въ лѣтописяхъ упоминаній о Костромѣ и Галичѣ до похода Іоанна III на Новгородъ. Новгородская община, съ своимъ особеннымъ отъ другихъ областей вѣчевымъ бытомъ и вольности-ми, не могла надолго сохранить самостоятельность. но мѣрѣ усиленія Москвы. Еще Василій Темный, какъ скоро избавился отъ опасныхъ или безпокойныхъ князей, началъ тяготиться тѣмъ, что Новгородъ не воздастъ ему должной чести, когда онъ держитъ подъ рукою многихъ князей. Новгородцы понимали опасность своего положенія и видѣли, что имъ не будетъ помощи противъ сына Васи-ліева ни отъ кого изъ князей сѣверной Руси и потому должны были искать помощи въ другой сторонѣ. Кромѣ мовковскаго сильнаго князя былъ еще великій князь литовскій. Къ нему и обратились Новгородцы въ такомъ затруднительномъ положеніи. Въ Новгородѣ образовалась сильная партія изъ лучшихъ людей, во главѣ которой стояла вдова посадника Исаака Марфа Борецкая, имѣвшая власть и надъ дѣтьми; эта партія желала отдаться въ подданство Литвѣ. Но и прежде было замѣтно раздвоеніе между гражданами Новгорода: между лучшими и меньшими людьми. Теперь въ рѣшительную минуту это раздѣленіе повело къ разномыслию относительно самаго важнаго шага, а это разномысліе въ свою очередь усиливало вражду между сторонами. Другая партія въ Новгородѣ изъ меньшихъ людей явно тянула къ Москвѣ. Великій князь рѣшился подчинить своей полной власти Новгородъ. Онъ предпринималъ на Новгородъ два похода въ 1471 и 1478 гг. Мы не будемъ излагать всѣхъ подробностей походовъ Іоанна III,

какъ не касающихся исторіи Костромы. Упомянемъ только о тѣхъ случаяхъ, когда упоминается въ лѣтописяхъ о костромичахъ и галичанахъ. Второй разъ великій князь выступилъ на Новгородъ въ 1478 г. изъ Москвы съ сильною ратью. Первая остановка войскъ была въ Волокѣ Ламскомъ. Отсюда великій князь пошелъ на Торжокъ и 23 октября изъ Торжка выступилъ на Новгородъ. Рати раздѣлились: самъ великій князь пошелъ на Волочекъ и оттуда направился между Яжолбицкой дорогой и р. Мстою. Царевичу Даниару съ воеводою Василиемъ Образцемъ велѣлъ итти отъ Торжка по за Мстѣ. По своей сторонѣ р. Мсты велѣлъ итти князю Данилу Холмскому и съ нимъ дѣтямъ боярскимъ двора великаго князя, владимірцамъ, переяславцамъ и *костромичамъ*, той же дорогой шли тверскіе бояре съ дмитровцами и кашинцами. По правую и лѣвую сторону и между своею дорогою и Мстою в. к. велѣлъ итти другимъ отрядамъ. Нѣсколькими эшелонами, говоря современнымъ языкомъ, шло войско великаго князя Іоанна къ Новгороду. Ноября 19 въ станѣ на Палинахъ князь сформировалъ и распредѣлилъ полки свои, гдѣ кому быть: брату своему меньшому Андрею велѣлъ быть въ передовомъ полку и при немъ воеводамъ: князю Данилу Холмскому съ *костромичами* и др. У себя въ полку великій князь велѣлъ быть воеводѣ Ивану Юрьевичу, Василию Образцу, Василию Сабурову съ *галичанами* и др. Со стана на Палинахъ великій князь велѣлъ итти къ Бронничу въ числѣ другихъ князю Данилу Холмскому съ переяславцами и *костромичами*. Когда полки приблизились къ Новгороду, то великій князь велѣлъ итти прямо къ городу отъ Броннича воеводамъ своимъ: Данилу Дмитріевичу и др. съ своими полками (въ числѣ которыхъ были и *костромичи*), на другую сторону города въ числѣ воеводъ велѣлъ итти Василию Сабурову (съ галичанами). Всѣ воеводы съ своими полками шли чрезъ Ильмень озеро по льду и, перейдя озеро, взяли сначала Городище и всѣ монастыри подъ городомъ. Къ великому князю прибыло посольство

изъ Новгорода съ Архіепископомъ Теофаномъ. В. князь изложилъ имъ причины своего прихода на Новгородъ съ ратію: „приходили послы къ намъ изъ Новгорода; назвали насъ Государемъ. А мы послали спросить васъ: какого хотите государства? Вы же заперлись, сказавъ, что для этого пословъ къ намъ не посылали. Много разнаго зла и нечести намъ великимъ князьямъ чинится отъ васъ. Мы долго терпѣли, ожидая исправленія вашего; но вы стали еще лукавѣе и потому мы положили итти на васъ ратію. Въ заключеніе великій князь сказалъ: „если захочетъ намъ великимъ князьямъ, своимъ Государямъ, отчина наша Новгородъ бить челомъ, то они знаютъ, отчина наша, какъ имъ намъ великимъ князьямъ бить челомъ (*).“ Приступивъ къ городу, великій князь велѣлъ полкамъ своимъ расположиться вокругъ города по монастырямъ и, между прочимъ, князю Давиду Холмскому съ костромичами велѣлъ стать у Аркадьева монастыря, Василию Сабурову съ галичанами у монастыря св. Пантелеймона. Къ великому князю прибыло вновь посольство съ Архіепископомъ Теофаномъ просить его смиловаться надъ Новгородомъ своею отчиною. Отвѣтъ имъ былъ тотъ же. Черезъ недѣлю опять прибыли къ великому князю послы уже съ повинною, сознаваясь, что посольство, о которомъ говорилъ великій князь, дѣйствительно было въ Москву отъ нихъ. Великій князь отвѣчалъ: если вы винитесь въ томъ и сознаетесь, что называли насъ Государемъ и, слѣдовательно, желаете нашего государства въ нашей отчинѣ въ Новгородѣ, то знайте, что мы хотимъ въ Новгородѣ такого же государства, какъ и въ Москвѣ: „вѣчному (вѣчевому) колоколу чтобы не быть въ Новгородѣ, а государство свое намъ держать“. Болѣе великій князь не соглашался ни на какія уступки и требовалъ отъ Новгородцевъ полной покорности. Послѣ долгаго обсужденія, составлена была крестоцѣловальная грамота о покорности Новгорода

(*) Воскр. лѣт. годъ 1478 г.

великому князю. Вѣче было уничтожено и вѣчевой колоколъ снятъ съ башни. Великій князь разослалъ боярскихъ дѣтей и дьяковъ во все пять концовъ Новгорода и тѣ привели къ присягѣ великому князю всехъ жителей, бояръ, женъ ихъ и вдовъ и людей боярскихъ, Бояре новгородскіе, ихъ дѣти, житьи люди вступили въ службу къ великому князю. 20 января великій князь отправилъ гонца въ Москву къ матери, къ митрополиту и сыну съ извѣстіемъ, что онъ привелъ Новгородъ во всю свою волю и сталъ въ немъ Государемъ, какъ и въ Москвѣ. Отслушавъ два раза литургію въ церкви св. Софій, угостивъ и обласкавъ знатнѣйшихъ изъ Новгородцевъ и оставивъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ, 17 февраля отправился великій князь въ Москву, куда и возвратился 5 марта. Вслѣдъ за нимъ привезли въ Москву вѣчевой колоколъ и повѣсили на колокольніѣ Успенскаго собора. Такъ былъ подчиненъ Іоанномъ III Новгородъ Москвѣ въ 1478 г., при участіи въ числѣ многочисленной его рати костромичей и галичанъ. Трудно было достигнуть окончательнаго слитія Новгорода съ Москвою, когда сильная партія бояръ и лучшихъ людей, тянувшая къ Литвѣ, продолжала существовать въ Новгородѣ. Для полнаго подчиненія Новгорода Москвѣ нужно было удалить изъ него бояръ и житьихъ людей, выселивъ ихъ въ предѣлы московскаго государства, а на ихъ мѣсто водворить жителей изъ московскаго государства. В. кн. въ 1489 г. вывелъ изъ Новгорода многихъ бояръ, житьихъ людей и гостей числомъ больше тысячи и пожаловалъ имъ помѣстья въ Москвѣ, Владимирѣ, Муромѣ, Юрьевѣ, Ростовѣ, *Костромѣ* и по другимъ городамъ, а въ Новгородъ на ихъ помѣстья послалъ многихъ московскихъ лучшихъ людей, гостей и дѣтей боярскихъ и изъ другихъ городовъ московской отчины. Такимъ способомъ достигалось полное слитіе Новгорода съ Москвою. Подъ 1490 г. въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ неудобопонятное извѣстіе, касающееся Костромы: «Устюжане и Двиняне на службѣ на лежачей на Костромѣ были,

а отборщикъ Семень Болтинъ и билися Устюжане съ Костромичи» (*).

Могущество московскаго великаго князя не могло не казаться опаснымъ для великаго литовскаго князя и польскаго короля. Подъ 1493 мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ извѣстіе о составлявшемся заговорѣ на жизнь великаго князя московскаго. Князь Иванъ Лукомскій, Матіасъ ляхъ толмачъ (переводчикъ) латинскій, два брата Смоленяне Селевины уличены были въ сношеніяхъ съ литовскимъ княземъ Александромъ, а Иванъ Лукомскій, какъ оказалось, былъ посланъ на службу къ великому князю московскому польскимъ королемъ Базиміромъ, который обязалъ Лукомскаго присягой убить или отравить великаго князя и даже далъ ему яду, который и найденъ былъ у Лукомскаго. При разслѣдованіи этого дѣла, Лукомскій оговорилъ князя Федора Иванов. Бѣльскаго, также выходца изъ Литвы, въ томъ, что тотъ хотѣлъ бѣжать въ Литву отъ великаго князя, можетъ быть тѣмъ давая намекъ на соучастіе и его въ заговорѣ. Князь великій предалъ Лукомскаго и Матіаса казни чрезъ сожженіе въ кѣлткѣ на р. Москвѣ, братьевъ Селевиныхъ казнилъ торговою казнью: одного засѣкли кнутомъ до смерти, другому отрубили голову, а князя Федора Бѣльскаго вел. кн. повелѣлъ заточить въ Галич (**). Но нужно думать, что обвиненіе Бѣльскаго было ложное или онъ былъ скоро прощенъ; по крайней мѣрѣ Бѣльскій вскорѣ опять является на службѣ великаго князя и пользуется его довѣріемъ. Такъ подъ 1499 г. во время похода на Казань Бѣльскому вѣрено было начальствованіе (***) надъ большимъ полкомъ великаго князя. Въ томъ же 1493 г. Кострома подверглась бѣдст-

(*) Карамз, т. VI, гл. VI, въ примѣчаніи подъ 1490-мъ г. выписанъ изъ лѣтописей.

(**) Воспр. лѣт., т. 8, стр. 225 Князь Козловскій въ исторіи Костромы говоритъ, что Бѣльскій былъ заточенъ въ Лухъ (стр). 72. Но Лухъ былъ вотчиной кн. Бѣльскаго (см. Соловьева, ист. т. V, стр. 179) и здѣсь онъ былъ схваченъ, какъ говорится въ Тверской лѣтописи подъ 1492 г.

(***) Воспр. лѣт., т. 8, стр. 237

вію отъ пожара. Въ субботу на Вербное Воскресенье весь городъ былъ истребленъ пожаромъ, по сказанію лѣтописи. Какъ часты и повсемѣстны тогда были на Руси пожары, истреблявшіе цѣлые города, видно изъ того, что вслѣдъ за извѣстіемъ о пожарѣ Костромы, лѣтописецъ говоритъ: «Апрѣля 16 на Радуници (на Өоминой недѣлѣ) погорѣ градъ Москва внутрь весь“. Въ слѣдующемъ году погорѣ Рязань городъ весь (*). Изъ времени великаго княженія Іоанва III мы должны привести еще одно любопытное данное, относящееся къ исторіи Костромы. До насъ дошли жалованная грамоты Іоанна III литовскому выходцу, паву Ивану Судимонту Кондратьевичу, получившему въ Москвѣ званіе боярина введеннаго. Въ одной грамотѣ говорится: «билъ мнѣ челомъ Яковъ Захарьевичъ, что вамъ обоимъ на Костромѣ сытымъ быть не съ чего. И я князь великій Якова пожаловалъ городомъ Владиміромъ, а тебѣ придалъ другую половину Костромы съ правдою (судомъ).» Извѣстно, что волостели и намѣстники въ старину жалованья отъ казны не получали, а пользовались доходами и пошлинами съ управляемыхъ волостей и городовъ, что называлось кормленіемъ. И сами они на отправленіе своихъ должностей и правосудія смотрѣли какъ на средство кормиться, быть сытыми и не считали неприличнымъ высказывать такой взглядъ прямо въ просьбахъ своихъ великому князю. Іоаннъ III скончался 27 октября 1505 г., благословивъ предъ смертью на великокняжескій столъ сына своего Василія.

Въ завѣщаніи Іоанна III подробно исчисляются все города и волости, раздѣленные имъ между пятью сыновьями. Большая половина ихъ съ великокняжескимъ столомъ была назначена старшему сыну Василю, а остальнымъ четыремъ было отдано меньше половины городовъ, именно 30 (**). Старшему сыну Василю

(*) Такъ же, стр. 226 и 227.

(**) Бранъ того сохранилось завѣщаніе брата Іоанна III Юрія Васильевича, умершаго

въ числѣ городовъ и волостей даны были: Кострома съ Плесомъ, Нерехтою, Иледамомъ, Галичъ съ Солью, Унжа, Чухлома, вотчина кн. Бѣльскаго городъ Лухъ, волости: Вичюга, Бѣнешна, Чихачевъ.

Княженіе Василія III было какъ бы продолженіемъ государственія Іоанна. Мы уже видѣли, какъ въ княженіе Іоанна III русскіе постепенно стремились утвердить свою власть надъ Казанью. Не была еще завоевана Казань, но ханъ казанскій Махметъ-Аминъ, возведенный Іоанномъ на казанскій престолъ, уже обязанъ былъ присягою быть вѣрнымъ Іоанну. Но присяжннкъ Іоанновъ измѣнялъ ему. Дѣйствуя по внушенію своей жены, ненавидѣвшей русскихъ, онъ далъ позволеніе избить русскихъ купцовъ въ Казани во время ярмарки, издавна существовавшей тамъ (*) для обмѣна русскихъ товаровъ на азіатскіе. Іоаннъ, по оплошности своихъ воеводъ, не успѣлъ наказать Махметъ Аминя за измѣну. Исполнить эту месть царю казанскому надлежало преемнику Іоанна III Василию III. Такимъ образомъ и Василіево княженіе, подобно Іоаннову, началось походомъ на Казань, но также не имѣвшимъ важныхъ результатовъ. Великій князь послалъ рать съ знаменитымъ тогда полководцемъ Даніиломъ Щеня и Юріемъ Константиновичемъ Сабуровымъ на Муромъ, а съ Михаиломъ Голицей Ивановичемъ Булгановымъ на Плесъ. Даніилъ уже готовился идти къ Волгѣ отъ Мурома, но въ это время Махметъ-Аминъ изъявилъ раскаяніе и прислалъ къ великому князю письмо съ извѣщеніемъ и просьбой мира. В. кн. согласился на

бѣдѣтвымъ. Въ числѣ другихъ волостей онъ завѣщалъ великому князю село на Костромѣ Кацлово съ деревнями. Ему же (вел. князю) было завѣщано и братомъ его Андреемъ Василевичемъ: Иледамъ съ Обнорою и съ Комеломъ и Волоцкомъ. Еще кнѣзь завѣщаніе отъ 1498 г. кн. Ивана Юрьевича Патрикѣва, бывшаго бояриномъ и наместникомъ московскимъ, но потомъ, подпавшаго гнѣву великаго князя Іоанна III за участіе въ протвугосударственныхъ злоумышленіяхъ и только по милости великаго князя не казненнаго, но постриженнаго въ монахи. Въ своемъ завѣщаніи кн. Иванъ Юрьевичъ отказываетъ изъ своихъ владѣній сыну своему Василію между прочими селами село на Костромѣ Турабьенское съ сельцами и деревнями, да сельцо Шулговатое Палачевское съ сельцами и деревнями. Собр. гос. грам. и догов. №№ 96, 112 и 130.

(*) Въсплѣтніи она была перенесена въ г. Михайловъ, а потомъ въ Нижній Новгородъ..

миръ подъ условіемъ освободить нашего посла и всѣхъ захваченныхъ въ плѣнъ купцовъ. Махметъ къятвенною грамотою призналъ свою зависимость отъ Россіи.

Обезопасивъ себя съ востока, Василій долженъ былъ устремить взоры на сильнаго своего сосѣда на западъ князя Литовскаго. Кн. Александръ Литовскій хотя былъ въ близкомъ родствѣ съ Василиемъ, имѣя въ супружествѣ сестру его Елену, тѣмъ не менѣ между Русью и Литвою не было тогда дружественныхъ отношеній. Князь Александръ не рѣдко жаловался Василию на обиды литовцамъ со стороны русскихъ. Но великій князь призналъ эти жалобы литовцевъ не справедливыми. Кромѣ того, литовскій князь просилъ возвратить Литвѣ всѣ завоеванія московитянъ, но московскіе бояре сказали, что великій князь владѣетъ только собственными землями. Очевидно было, что отношенія между русскимъ и литовскимъ дворами были учтиво холодныя. По смерти литовскаго князя Александра, великій кн. Василій даже надвѣлся, при помощи сестры своей Елены, оставшейся вдовою по смерти Александра, присоединить Литву и Польшу къ Россіи и быть верховнымъ владыкою Руси, Польши и Литвы. Но Елена отвѣчала, что братъ ея супруга Сигизмундъ уже объявленъ ему преемникомъ въ Вильнѣ и Краковѣ. Василій, досадуя на неудачу, объявилъ войну Сигизмунду подъ тѣмъ предлогомъ, что литовцы дѣлаютъ набѣги на владѣнія князей стародубскаго и рыльскаго. Уже войска дошли до Мстиславля. Тогда Сигизмундъ отправилъ пословъ въ Москву съ мирными предложеніями. Между тѣмъ онъ принялъ къ себѣ въ службу измѣнника великому князю бѣглеца изъ Москвы Константина Острожскаго. Василій отомстил Сигизмунду за это, принявъ подъ свое покровительство измѣнника литовскаго, знаменитаго вельможу Михаила Глинскаго. Онъ съ почетомъ принялъ Глинскаго въ Москвѣ, щедро дарилъ его не только подарками, но и селами и даже даровалъ ему во владѣніе города: Ярославецъ и Медынь. Братья Михаила оставались въ Мо-

зырь, который былъ вмѣстѣ съ Туровымъ во владѣніи Глинскихъ. Михаилъ просилъ теперь у великаго князя воиновъ для обереженія этихъ городовъ. Великій князь Василій далъ ему воеводу князя Несвицкаго съ *залицкими* и *костромскими* ратниками и съ татарами. Между тѣмъ война съ Литвою еще продолжалась. Но Сигизмундъ, опасаясь Крымскаго хана, при посредствѣ сестры великаго князя Елены, предложилъ Василю миръ, на который тотъ согласился. Между Литвою и Русью былъ заключенъ вѣчный миръ. Этотъ миръ склонилъ и крымскаго хана Менгли Гирея утвердить дружбу съ нами въ 1508 г. Великій князь Василій первый изъ государей русскихъ достигъ высокаго могущества и полной власти надъ всею Русью. Оставшіеся еще неприсоединенными къ Москвѣ удѣлы и община Поковъ при немъ приведены были въ покорность Москвѣ. Василій III въ 1533 г. умеръ полновластнымъ владыкою всей Руси, оставивъ преемникомъ своимъ сына четырехлѣтняго Іоанна (*).

(*) У в. кн. Василя III-го въ Костромской области были собственныя деревни и вотчины; что мы видимъ изъ прилагаемой ниже его грамоты.

IV. Періодъ исторіи Костромы и Галича въ эпоху Царей.

За малолѣтствомъ Іоанна IV государствомъ управляла сначала мать его Елена въ соучастіи боярь, а по смерти ея наступило правленіе боярь. Царствованіе Іоанна Грознаго отмѣчается въ исторіи Костромы слѣдующими событіями: слѣдуя хронологическому порядку, отмѣтимъ фактъ, когда упоминается о костромичахъ вмѣстѣ съ жителями другихъ городовъ; въ синодальной лѣтописи подъ № 365 говорится: «въ лѣто 7042 (1534) въ сентябрь на Москвѣ казнили многихъ людей въ деньгахъ: москвичъ, смольнянъ и костромичъ и вологжанъ и ярославцовъ и иныхъ многихъ городовъ московскихъ, а казнь была: олово лили въ ротъ да руки сѣкли». Объясненіемъ этого сказанія служить слѣдующее мѣсто той же лѣтописи (листъ 343): «кн. великій и мати его, видѣвъ неправду въ людехъ, денегъ умножись поддѣльныхъ и ръзанныхъ и восхотѣ то лукавство вывести и повелѣ дѣлати деньги новыя. А поддѣльщиковъ и обрѣзчиковъ княгиня велѣла обыскивати и казнити».

Казанцы, недовольные господствомъ Россіи и думая, что Русь въ правленіе государя младенца ослабѣла, свергнули съ престола и умертвили присяжника московскаго Енадея и призвали къ себѣ Сафа Гирея изъ Тавриды. Нѣкоторые изъ знатныхъ людей казанскихъ, сочувствовавшихъ Москвѣ, были недовольны такою перемѣной и намѣревались изгнать Сафа Гирея въ надеждѣ на то, что великій князь объявитъ царемъ Шигъ Адея, сидѣвшаго въ заключеніи на Бѣлоозерѣ. Хотя этотъ заговоръ противъ Сафа Гирея и не удался, тѣмъ не менѣе въ Москвѣ уже готовился походъ на Казань. Московскіе полководцы Гундоровъ и Замыцкій должны были итти чрезъ Мещеру на Казанскую землю. Но походъ былъ не удаченъ и полки возвратились. Въ слѣдующемъ году полки наши снова изготовились итти на Казань. Хищ-

ническіе набѣги казанцевъ не прекращались и въ 1536 г. они напали на костромскія и галицкія волости. В. князь выслалъ противъ нихъ воеводъ: Михаила Сабурова и Петра Пестраго Засѣкина. Воеводы не успѣли совокупиться и ополченія ихъ были разсѣяны татарами. Кн. Петръ Засѣкинъ да Меншикъ Полевъ были убиты въ сраженіи между Галичемъ и Костромою. Въ то время пришла вѣсть, что Сафа Гирей съ казанцами, крымцами и ногайцами собирается въ походъ на костромскія мѣста. Великій князь отправляетъ воеводъ во Владиміръ и въ Мещеру. Сафа же Гирей подступилъ внезапно къ Мурому. Но, услыхавъ о движеніи ополченій изъ Владиміра и изъ Мещеры, возвратился назадъ. Нападеніе казанскихъ татаръ и другихъ враговъ со всѣхъ сторонъ вызвали необходимость для правительства строить города для защиты волостей и въ 1536 г. по челобитной великому князю и матери его костромскаго уѣзда волостей: Кореги, Ликурги, Залѣсья и Борка Желѣзнаго, чтобы государь пожаловалъ, велѣлъ поставить городъ для того, что тамъ волостей много, а отъ городовъ далеко, поставленъ былъ городъ Буй (*). Царь казанскій во время правленія боярѣ за малолѣтствомъ Іоанва IV хотѣлъ, чтобы мы ежегодно присылали ему дары въ знакъ уваженія. Между тѣмъ уполномоченные его не ѣхали въ Москву, а казанцы два года непрестанно злодѣйствовали въ областяхъ: Нижняго, Балахны, Мурома, Владиміра, Шуи, Юрьевца, Костромы, Кинешмы, Галича, Тотьмы, Устюга, Вологды и друг. городовъ, толпами нападали на города и волости, жгли, убивали, плѣнили, такъ что лѣтописецъ сравниваетъ бѣдствія этого времени съ Батыевымъ нашествіемъ. Вслѣдствіе враждебныхъ отношеній къ намъ казанцевъ и крымцевъ, бояривъ князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій съ другими воеводами и многими людьми отправился во Владиміръ съ цѣлю наблюдать за ходомъ казанскихъ дѣлъ. Между

(*) Спустя десять лѣтъ былъ поставленъ городъ Кадый. Памят. князю Костр. губ. на 1862 г., стр. 234.

тѣмъ отправлены были и войска въ Коломну для наблюденія за южными границами. Вскорѣ имъ было велѣно приблизиться къ Окѣ. Такъ какъ въ то же время боялись нападенія царя казанскаго, то царю Шигъ Алею изъ Касимова и костромскимъ воеводамъ велѣно было стягиваться ко Владиміру на помощь князю Шуйскому. Татары подошли къ Окѣ, но, увидавъ многочисленное ополченіе, возвратились назадъ. Въ Казани восторжествовала крымская партія. Казанцы, надѣясь на зашиту Крыма, продолжали опустошать пограничныя области московскія и въ 1539 г. они подходили къ Мурому и Костромѣ. Произошелъ кровопролитный бой пониже Костромы у св. Пятницы на Плесѣ. Въ бою уже было убито четверо воеводъ: кн. Ѳеодоръ Курпскій, кн. Борисъ Сисеевъ, кн. Андрей Тулуповъ и кв. Николай Засѣкинъ, вѣкоторыя боярскія дѣти, но пришли на помощь царь Шигъ Алей съ кн. Ѳед. Мих. Мстиславскимъ и побили татаръ, а иные изъ нихъ разбѣжались по лѣсамъ и замерзли. Казанскій царь Гирей въ декабрѣ 1540 г. подступилъ къ Мурому, но, узнавъ о движеніи ополченія изъ Владиміра и Касимова, ушелъ назадъ. Іоанвъ рѣшился теперь выступить въ походъ на Казань и выѣхалъ во Владиміръ, потомъ въ Нижній. Но въ это время наступила сильная оттепель и, по причинѣ беспутицы, Іоанвъ возвратился въ Москву въ слезахъ о томъ, что его не сподобилъ Богъ совершить походъ. Передовые же полки съ княземъ Бѣльскимъ и Шигъ Алеемъ подошли къ Казани. Опустошивъ окрестности, они должны были возвратиться. Казанцы отомстили за это нападеніемъ на галицкую волость подъ начальствомъ Арака богатыря. Но костромской воевода Яковлевъ разбилъ ихъ на голову при р. Еговкѣ (Язовкѣ) и убилъ Арака. Въ 1549 г. умеръ внезапно царь казанскій Сафа Гирей. Вельможи возвели на престолъ двухлѣтняго сына его Утемишъ Гирей и просили хана крымскаго прислать имъ своего сына заштити ихъ отъ русскихъ. Въ Москву между тѣмъ прислали гонца съ требованіемъ отъ Іоанна мира. Іоаннъ отвѣчалъ, что о мирѣ

говорять только съ послами. Спѣша воспользоваться безначаліемъ въ Казани, Іоаннъ велѣлъ собираться полкамъ въ разныхъ городахъ и въ числѣ ихъ правому въ Костромѣ, а лѣвому въ Ярославлѣ. Но въ этотъ походъ не былъ нанесенъ окончательный ударъ Казани. Наступила безпутица; войско, не получая подвозу припасовъ, боялось голода. Необходимость заставила Іоанна возвратиться назадъ въ надеждѣ въ скоромъ будущемъ подчинить окончательно Казань своей власти. Надежда эта скоро исполнилась и Казань была покорена Іоанномъ 3 октября 1552 г. Покоривъ и Астрахань, Іоаннъ обратился теперь на западъ для завоеванія Ливоніи. Не имѣя надежды достигнуть цѣли, т. е. подчиненія Ливоніи одними угрозами и склонить къ тому короля польскаго Стефана Баторія, Іоаннъ рѣшился дѣйствовать наступательно. Составивъ многочисленныя полки для похода на Ливонію, Іоаннъ образовалъ значительную судовую рать на Волгѣ для обузданія мятежныхъ Черемисъ, Астрахани, Ногаевъ. Въ этой судовой рати участвовали въ числѣ другихъ: финешемцы, юрьевчане, галичане, костромичи. Въ слѣдующемъ 1577 г. Іоаннъ предпринялъ походъ на Ливонію. Въ походъ участвовали и ополченія изъ городовъ: Костромы, Галича и др. Всѣ они должны были собираться у своихъ воеводъ. Война съ Ливонією, удачная въ началѣ, приняла иной оборотъ, когда въ ней приняли участіе Польша и Швеція. Іоаннъ долженъ былъ отказаться отъ завоеваній въ Ливоніи и отъ береговъ Балтійскаго моря.

Подозрѣвая въ боярахъ измѣнниковъ, Іоаннъ для своей и государственной безопасности учреждаетъ особенныхъ тѣлохранителей, или опричниковъ. Для содержанія ихъ онъ назначилъ часть Москвы и нѣкоторые города, въ числѣ которыхъ были: Галичь съ пригородами, Чухлома, Унжа съ Коряковымъ и Юрьевецъ. Эта часть Россіи и Москвы, предназначенная для содержанія опричниковъ, составляла собственное государено владѣніе; все же остальное государство составляло земщину, которую Іоаннъ по-

ручалъ боярамъ земскимъ. Кромѣ любимцевъ своихъ опричниковъ Іоаннъ честилъ и ливонскихъ пѣнниковъ. Въ 1565 г., обвинивъ дерптскихъ гражданъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ бывшимъ ливонскимъ магистромъ, онъ вывелъ оттуда всѣхъ нѣмцевъ, сослалъ ихъ съ семьями во Владиміръ, Угличъ, Кострому, Нижній-Новгородъ, назначивъ имъ достаточное содержаніе. Славу своего царствованія Іоаннъ IV орачилъ многочисленными казнями бояръ, подозрѣваемыхъ имъ въ измѣнѣ. Жестокость его простиралась и на родственниковъ. Двоюродный братъ его Владиміръ Андреевичъ, подозрѣваемый Іоанномъ еще ранѣе въ измѣнѣ и враждѣ, окончательно навлекъ на себя гнѣвъ Іоанна по слѣдующему случаю. Простивъ брата въ 1569 г., Іоаннъ изъявилъ ему довѣріе тѣмъ, что, собирая войско въ Нижнеѣ-Новгородѣ для защиты Астрахани, ввѣрилъ ему начальство надъ нимъ: Кн. Владиміръ ѣхалъ въ Нижній чрезъ Кострому, гдѣ граждане и духовенство встрѣтили его съ крестами, хлѣбомъ и солью съ великою честью и съ изъявленіемъ любви. Узнавъ объ этомъ, царь велѣлъ привести костромскихъ начальниковъ въ Москву и казнилъ ихъ здѣсь, а брата съ притворною ласкою призывалъ къ себѣ въ Александровскую слободу. Кн. Владиміръ остановился близъ слободы въ деревнѣ Слотинѣ и далъ знать о своемъ пріѣздѣ Іоанну. Іоаннъ съ толпою всадниковъ окружилъ деревню. Кн. Владиміръ, по ранѣе обдуманному плану, былъ обвиненъ въ намѣреніи отравить царя и присужденъ былъ принять ядъ вмѣстѣ съ своею супругою Евдокією и сыновьями.

Страшная жизнь Іоанна Грознаго, обуреваемая волненіями страстей, разрушила его тѣлесную крѣпость. Такъ повѣствуетъ Карамзинъ о послѣднихъ дняхъ жизни Іоанна Грознаго: «всегдашній трепеть гнѣва и боязни, угрызения совѣсти безъ раскаянія, гнусные восторги сластолюбія мерзостнаго, мука стыда, злоби безсильная въ неудачахъ оружія, наконецъ адская казнь сыноубійства истощили мѣру силъ Іоанновыхъ; онъ чувствовалъ иногда

болѣзненную томность, предтечу удара и разрушенія, но боролся съ нею и не слабѣлъ замѣтно до зимы 1584 г. Вскорѣ онъ занемогъ опасно: вся внутренность его начала гнить, а тѣло пухнуть. Болѣзнь начала развиваться, но по временамъ ему становилось легче и въ одинъ изъ такихъ часовъ облегченія онъ потребовалъ себѣ шахматную доску и, сидя въ халатѣ на постели, самъ разставилъ шашки и хотѣлъ играть съ Бѣльскимъ, но вдругъ усталъ и закрылъ глаза на вѣки. Когда рѣшительное слово: „на стало Государя!“ раздалось въ Кремлѣ, народъ завопилъ громогласно отъ того ли, какъ пишутъ, что зналъ слабость Феодорову (сына и наследника Іоанна) и боялся худыхъ ея слѣдствій для государства, или плати христіанскій долгъ жалости усопшему монарху, хотя и жестокому» (*).

Еще задолго до своей кончины Іоаннъ Грозный въ 1572 г. составилъ духовное завѣщаніе сыновьямъ Іоанну и Феодору. Старшему сыну Іоанну въ числѣ многихъ городовъ были назначены: Юрьевецъ Волжскій и Галичъ. Кострома, Плесь, Буй, Судиславль, Нерехта съ Солями и съ нѣкоторыми другими городами были назначены второму сыну Феодору (**). Печальна была судьба Іоанна, старшаго сына Грознаго. Отецъ въ припадкѣ гнѣва, заподозривъ сына въ единомысліи съ боярами, казавшимися ему измѣнниками, нанесъ ему въ голову острымъ жезломъ смертельныя раны, отъ которыхъ царевичъ скончался чрезъ четыре дня въ 1582 г. Феодоръ, второй сынъ Грознаго, слабый духомъ и тѣломъ, наследовалъ престолъ россійскій въ 1584 г. Ирина, супруга Феодора, сестра ближняго боярина Бориса Годунова была бездѣтна. Митрополитъ, князья Шуйскіе и друзья ихъ вмѣстѣ съ гостями московскими, купцами и нѣкоторыми чиновниками условились отъ имени всей Россіи ударить челомъ Феодору, чтобъ онъ развелся съ бездѣтною Ириною. Борисъ Годуновъ рѣшился

(*) Ист. Карамз., т. IX, стр. 255 и 258.

(**) Истор. Карамз., Прибавленіе къ примѣчаніямъ

прибѣгнуть къ низкому средству, чтобъ воспрепятствовать разводу, къ ложнымъ доносамъ. Шуйскіе своимъ слугою были оклеветаны въ измѣнѣ царю. Ихъ взяли подъ стражу и нарядили надъ ними судъ. По приговору суда, Шуйскіе были сосланы. Кн. Василий Ивановичъ Шуйскій съ братомъ своимъ Александромъ—въ Буй городъ, кн. Андрей Шуйскій въ Галичъ, прочіе въ иные города и нѣкоторые изъ нихъ были удушены въ мѣстахъ заточенія.

Очертимъ теперь кратко внутреннее состояніе Костромской и Галицкой области въ XVI в. по тѣмъ даннымъ, которыя сохранились для исторіи. Въ 1589 г., по учрежденіи патриаршества, церковь костромская, присоединявшаяся доселѣ къ епископіи ростовской, была подчинена патриаршему вѣдѣнію и управленію (*). Управленіе областями совершалось чрезъ намѣстниковъ великокняжескихъ и царскихъ. Отъ 1586 г. сохранилось свѣдѣніе о томъ, какъ писались, или титуловались бояре царской думы. Они назывались боярами и намѣстниками. Между прочимъ здѣсь упоминается о Степанѣ Васильевичѣ Годуновѣ, бояринѣ и намѣстникѣ Костромскомъ.

Матеріальное благосостояніе Костромской области частію характеризуется количествомъ подати съ нея въ государственную казну. Въ доходъ государственной казны съ Костромской области податей вносилось 12 т р., разныхъ городскихъ пошлинъ: торговыхъ, судебныхъ, питейныхъ, банныхъ, вносимыхъ въ казну большаго прихода, съ Костромы шло 1800 р. Для раскладки платежа государственныхъ податей всѣ населенныя земли въ Россіи раздѣлялись на сохи и выти (въ сохѣ считалось 800 чет-

(*) Намъ раньше не приходилось упоминать о началѣ церкви Костромской и вообще о водвореніи въ Костромскомъ краѣ христіанства. Христіанство было проповѣдано и введено въ Костромской области еще въ то время, когда славянскіе колонисты не успѣли слиться вполнѣ съ мерянами, именно въ началѣ XI вѣка. Меряне сначала враждебно встрѣтили проповѣданное христіанства и нѣкоторые изъ послѣднихъ претерпѣли гоненія и были замучены.

вертей доброй земли, а въ выти 12, въ четверти 1200 квадратныхъ сажень, а въ десятинѣ 2400). Для измѣренія и переписи земель посылались въ области особые писцы. Въ разрядныхъ книгахъ 1594 г. сказано, что въ Костромскую область за Волгу были посланы тогда писцы кн. Феодоръ Кривоборскій и Аванасій Зиновьевъ, по ою сторону Волги Василій Вельяминовъ и Пант. Усовъ. О древней торговлѣ въ краю костромскомъ сохранились данныя относительно Галича. Хлѣбъ и плоды составляли предметы внутренней торговли на Руси, а мѣха составляли главный предметъ виѣшней торговли и изъ Галича шли въ Европу и въ Азію бѣлки и горностаи. Относительно промышленности въ костромскомъ краю сохранились свѣдѣнія о добываніи соли въ Кинешмѣ, (*) гдѣ были соляныя варницы.

Вслѣдъ за Феодоровымъ наступившее царствованіе Бориса Годунова было какъ бы продолженіемъ одного и того же царствованія, такъ какъ правитель государства оставался одинъ и тотъ же Борисъ Годуновъ. Но Борисъ, достигшій престола путемъ коварства, улитымъ кровію царственного отрока, Дмитрія, не могъ оставаться спокойнымъ на престолѣ, когда къ нему были близки бояре Романовы. Последніе пользовались уваженіемъ и любовью народа, взиравшаго на нихъ какъ на родственниковъ прежняго царственного дома чрезъ добродѣтельную Анастасію Романовну, которой преподобный Геннадій, бывши однажды въ домѣ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ, преподавая благословеніе, сказалъ: »ты еси розга прекрасная и вѣтвь плодоносная, будеши намъ Государыня Царица благовѣрная всему міру». Предсказаніе преподобнаго Геннадія исполнилось, когда Анастасія была избрана въ супруги Іоанномъ Грознымъ. Братъ ея, бояринъ Никита Романовичъ, отличавшійся благородными качествами, оставилъ 5 сыновей: Фе-

(*) Городъ Кинешма неизвѣстно гдѣ и когда основанъ. Въ лѣтописяхъ онъ встрѣчается въ концѣ XV стол. Можно по аналогіи съ Костромой предполагать, что и этотъ городъ образовался постепенно изъ селенія или городка древняго мерянскаго.

дора, Александра, Михаила, Ивана и Василія, предъ смертію моля Годунова заступитъ имъ мѣсто отца. Наружно оказывая Романовымъ почетъ. Борисъ въ душѣ таилъ ненависть къ нимъ, опасаясь ихъ соперничества съ своимъ сыномъ Феодоромъ въ наслѣдованіи престола. Былъ слухъ, что царь Феодоръ не задолго до смерти думалъ объявить старшаго изъ Романовыхъ наслѣдникомъ престола. По крайней мѣрѣ народъ видѣлъ въ нихъ лицъ ближайшихъ къ престолу. Борисъ готовъ уже былъ излить свою ненависть на Романовыхъ; не доставало только предлога для гоненія. Нужно было обѣщаніемъ разныхъ милостей убѣдить слугъ Романовыхъ ложно донести на своихъ бояръ о злоумышленіи противъ царя. Бояринъ Семень Годуновъ съ согласія Бориса придумалъ способъ обвинить невинныхъ въ злодѣяніи: подкупивъ казначея Романовыхъ Бартенева, онъ снабдилъ его мѣшками съ кореньями, велѣлъ ихъ спрятать въ кладовой боярина Александра Никитича и потомъ донести на своихъ господъ, что они занимаются составленіемъ зелья для отравы царя. Посланъ былъ окольный Салтыковъ для обыска въ кладовой боярина Александра. Мѣшки были найдены и принесены къ патриарху Іову. По повелѣнію Іова, были собраны бояре и многіе люди, приведенъ былъ и свидѣтель клеветникъ Бартеневъ. Всѣ братья Романовы были приведены на судъ. Какъ звѣри дикіе рыкали бояре на невинныхъ, говорить лѣтописецъ (*) Они же, за поднявшимся шумомъ, не могли ничего отвѣчать. Коренья были высыпаны изъ мѣшковъ для большей убѣдительности судей и на Романовыхъ отовсюду посыпались укоризны. Тогда Феодора Никитича съ братьями, а также родственниковъ ихъ: кн. Шерстунова, князей Сицкихъ и Барновыхъ царь Борисъ повелѣлъ отдать подъ крѣпкую стражу и мучить. Феодора Никитича съ братьями и родственниками нѣсколько разъ подвергали разнымъ истязаніямъ. Предать же ихъ явно смер-

(*) Новый лѣтописецъ, составленный въ царствованіе Михаила Феодоровича, стр. 50.

ти царь Борисъ не находилъ причины, и потому рѣшился погубить ихъ тайно, отославши въ заточеніе въ отдаленныя мѣста: Ѳеодоръ Никитичъ былъ сосланъ въ Холмогорскій уѣздъ въ Сійскій монастырь и тамъ постриженъ въ монахи съ именемъ Филарета. другіе братья были сосланы въ Сибирь и нѣкоторые были удушены въ ссылкѣ: зятя же ихъ князя Бориса Кинбулатовича съ княгинею его и съ дѣтьми Ѳеодора Никитича: Михаиломъ, будущимъ царемъ Россіи, съ сестрою и теткою ихъ Анастасією Никитичною и супругу Александра Никитича Борисъ велѣлъ заточить въ темницу на Бѣломъ озерѣ; супругу Ѳеодора Никитича Ксецію Ивановну Борисъ сослалъ въ заонежскіе погосты и тамъ ея въ темницѣ велѣлъ уморить голодомъ. Но княгиня перенесла муки голода и осталась жива. Спустя долгое время, царь Борисъ возвратилъ нѣкоторыхъ изъ Романовыхъ изъ Сибири, а сестру Ѳеодора Никитича, овдовѣвшую на Бѣломъ озерѣ, дѣтей его и сноху съ Бѣлаго озера велѣлъ перевести въ Юрьеveckій уѣздъ въ ихъ вотчину село Клинь, назначивъ къ нимъ приставами Давида Жеребцова и Василя Хлопова. Здѣсь отрокъ Михаилъ, будущій вѣнценосецъ Россіи, лишенный отца и матери, на попеченіи родственниковъ дожилъ до смерти Борисовой. Постриженнаго Ѳеодора Никитича Борисъ приказалъ посвятить въ іеромонахи и потомъ въ архимандриты. Такъ печальна была участь бояръ Романовыхъ изъ за ненависти къ нимъ царя, подозрительнаго Бориса. Эта подозрительность Годунова, на крови невиннаго отрока утвердившаго свою власть, съ теченіемъ времени болѣе и болѣе развивалась. Къ тому же Россію постигаютъ различныя бѣдствія: голодъ, морь, образовались разбойничьи шайки, подходившія къ самой Москвѣ. Но всѣ эти бѣдствія, по понятію народа постигшія Русь за злодѣянія царя, были малы сравнительно съ тѣми, какія постигли русскую землю въ послѣдующее время. Образъ убитаго отрока, преслѣдовавшій Бориса, является уже не призракомъ, не плодомъ воображенія, но на яву, въ лицѣ человѣка, назвавшагося царе-

виемъ Димитріемъ, спасшимся изъ Углича отъ рубъ убійць, подосланныхъ Годуновымъ въ 1591 г. Эта вѣсть о появленіи мнимаго царевича Димитрія до глубины потрясла существо Бориса, какъ вѣнецъ его душевныхъ страданій, происходившихъ отъ угрызений совѣсти, подозрительности и безпокойства по поводу различныхъ бѣдствій, постигшихъ при немъ русскую землю. Наступалъ для Бориса роковой часъ. когда онъ въ тайнѣ души своей долженъ былъ произнести: нынѣ судъ мой! Судъ Божій и судъ человѣческій за все учиненное мною! Чаша моихъ душевныхъ страданій преисполнена! Я долженъ покориться неизбѣжному року. Борисъ, умѣя владѣть собою, скрывалъ чувства страха и скорби даже отъ близкихъ ему лицъ. Не сомнѣваясь въ убіеніи истиннаго царевича Димитрія, онъ появленіе мнимаго объяснялъ себѣ злымъ умысломъ своихъ враговъ и приказалъ узнать въ Литвѣ: кто этотъ самозванецъ? Началъ искать нитей заговора въ Россіи, подозрѣвалъ орудіями въ этомъ дѣлѣ бояръ, подозрѣвалъ даже инокиню мать убитаго царевича и, съ цѣлію вывѣдать отъ нея тайну, ѣздилъ къ ней въ дѣвичій монастырь съ патріархомъ. Но царица инокиня не знала о появленіи того, кто, принявъ имя ея сына, воздастъ вмѣсто ея должное Борису и его семьѣ за ужасное злодѣяніе. Есть мѣра терпѣнія и всепрощенія и у души добродѣтельной, и теперь, при ожившемъ воспоминаніи объ отнятомъ единственномъ сынѣ, эта роковая вѣсть о появленіи мнимаго сына ея не могла не исполнить душу оскорбленной матери чувствомъ внутренней радости, скрытой отъ царя убійцы. Кто же былъ самозванецъ? Этотъ вопросъ прежде всего желалъ разрѣшить царь Борисъ. Но съ тѣмъ рѣшеніемъ, какое далъ ему Годуновъ, нѣкоторые позднѣйшіе историки наши послѣ Барамзина не соглашались; не разстрига чернецъ дьяконъ Григорій Отрепьевъ сидѣлъ на престолѣ русскомъ, утверждаютъ позднѣйшіе историки, но кто-то другой; кто именно, они не говорятъ опредѣленно. По всему вѣроятію и многіе современники вполне опредѣленно не знали о лич-

ности первого самозванца. Тѣмъ не менѣе въ лѣтописи, составленной при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, мы находимъ подробную повѣсть о происхожденіи и судьбѣ первого самозванца. Приводимъ эту повѣсть (*), важную для нашего историческаго очерка потому, что она касается исторіи костромской области и въ частности Галича.

Въ предѣлахъ города Галича жили многіе служилые дворяне въ своихъ имѣніяхъ и между ними малозвѣстный одинъ боярскій сынъ Заматня по прозванію Отрепьевъ. У него было два сына: Смирной и Богданъ. У Богдана былъ сынъ по имени Георгій. Когда онъ подросъ, отецъ отправилъ его въ Москву для книжнаго наученія и онъ скоро выучился грамотѣ. Еще въ молодости неизвѣстно кѣмъ онъ былъ постриженъ въ монахи и монахомъ пришелъ въ Суздаль въ Спасо-Евфиміевъ монастырь. Архимандритъ монастыря Левкій отдалъ его (**), какъ еще юнаго, подъ присмотръ одному духовному старцу. Черезъ годъ Григорій убѣжалъ изъ Суздальскаго монастыря и пришелъ въ Спасскій же монастырь

(*) Новый лѣтописецъ, составленный въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, изданный по списку изъ Оболонскаго Монаха. 1855 стр. 58 и слѣд.

(**) Карамзинъ на основаніи другихъ источниковъ присовокупляетъ, что до смерти отца своего, стурбѣвскаго сотника, зарѣзаннаго въ Москвѣ нѣкими литвинкомъ, Отрепьевъ слушалъ въ домѣ Ромашовыхъ и у кн. Бориса Черкаскаго. Потомъ, слѣдуя примѣру дѣда Заматня, который давно уже монашествовалъ въ Чудовской обители, рѣшился искать удовольствій въ безлѣсной пустыни въ горахъ южна. Еще Карамзинъ приводитъ такіе свѣдѣнія о Григоріи Отрепьевѣ изъ разныхъ источниковъ: въ письмѣ Бориса Годунова къ Сигизмунду сказано: до вѣстрѣченія Григорій Отрепьевъ влюбился Юшвою. По своему званію онъ не слушался отца, ишалъ въ ереси, вступалъ, воровалъ, игралъ въ кости, вѣдствовалъ, неоднократно бѣжалъ изъ родительскаго дома и лжово вступалъ въ монашество. Въ хронографѣ говорится, что Отрепьевъ послѣ отца остался очень лѣдовитъ и наученъ былъ божественному писанію и исторіи, потомъ онъ ушелъ отъ матери и направилъ въ Москвѣ. Случилось ему свѣдѣться въ вѣдѣній области, въ гор. Халыной, въ Успенской обители съ игуменомъ Трофимомъ и по совету этого игумена онъ вострагелъ съ влюбленъ Григоріемъ 14 лѣтъ, потомъ пошелъ въ Суздаль. Въ описаніи свиданія о разстрѣлѣ говорится: сей Григорій Отрепьевъ въ кн. Ивану Борисовичу Черкасскому изъ его благодѣтельной дѣли часто приходилъ и за это царь Борисъ на него полюбилъ. Онъ же, свѣдѣвшихъ гитанъ царевича, тайно вострагелъ. Царевичъ, въ XI г 194.

на Букбѣ (*), гдѣ жилъ 12 недѣль. Услыша о своемъ дѣдѣ Замятнѣ Отрепьевѣ, что онъ постригся и живетъ въ московскомъ Чудовомъ монастырѣ, онъ пришелъ къ нему и остался здѣсь жить. Скоро онъ сдѣлался извѣстенъ въ Чудовской обители своимъ, грамматнымъ искусствомъ и посвященъ въ діакона. Увидавъ въ Григоріи разумаго человѣка, патріархъ Іовъ приблизилъ его къ себѣ для письменныхъ занятій, даже ему поручалось составленіе канонныхъ святымъ (**). Митрополитъ ростовскій Іона, увидѣвъ его, сказалъ патріарху; «знай, господинъ, что чернецъ этотъ дьявольскій сосудъ». Патріархъ не повѣрилъ ему. Между тѣмъ инокъ Григорій спрашивалъ въ Чудовскомъ монастырѣ старцевъ о подробностяхъ убіенія царевича Димитрія и часто высказывался, что онъ будетъ царемъ на Москвѣ. Старцы плевали на эти слова его, считая ихъ пустыми и нерѣдко бранили его за нихъ. Прозорливый же митрополитъ Іона сказалъ о немъ царю Борису тоже, что и патріарху. Борисъ велѣлъ дьяку Смирнову Васильеву чернеца Гришку Отрепьева сослать въ Соловецкій монастырь и тамъ держать его подъ строгимъ надзоромъ. Смирной сказалъ о царскомъ повелѣніи родственнику Григорію дьяку Семевкѣ Евфимьеву. Семенка упросилъ Смирнова не приводить скоро въ исполненіе царское повелѣніе. Я, сказалъ онъ, буду ходатайствовать за него, чтобы онъ не былъ туда посланъ. Смирной же потомъ забылъ о повелѣніи царскомъ. Тѣмъ временемъ Григорій, Отрепьевъ, узнавъ о приказаніи о немъ царя, ушелъ тайно изъ Москвы въ галицкій Желѣзноборовскій монастырь. Черезъ нѣсколько времени онъ ушелъ въ Муромъ въ Борисоглѣбскій монастырь, строитель кото-

(*) Карамзинъ дополняетъ, что послѣ суздальской обители онъ жилъ въ галицкой обители Іоанна Предтечи.

(**) Карамзинъ: пользуясь расположеніемъ патріарха, Отрепьевъ часто вѣдалъ съ нимъ во дворецѣ, видѣлъ пышность царскую и лѣнился ею, съ любопытствомъ слушалъ рассказы людей разумныхъ, особенно о царевичѣ Димитріи, вслѣдъ вывѣдывалъ объ обстоятельствахъ его судьбы и все записывалъ для памяти. Мысль о царствѣ уже поселялась и зрѣла въ душѣ мечтателя, внушенная ему, какъ говорятъ, однимъ замѣчъникомъ. Ист. т. XI, гл. II, стр. 73.

раго далъ ему лошадь. Отсюда Гришка прибылъ въ Брянскъ, гдѣ къ нему присоединились другіе чернецы Чудова монастыря, изъ коихъ одинъ Мисанлъ Поваднѣи и другой, но дополненію Барамзина, священникъ Варлаамъ. вмѣстѣ съ ними Отрепьевъ пришелъ въ Новгородъ — Сѣверскъ въ Спасскій монастырь. Спусти не много времени, Григорій Отрепьевъ снова сталъ проситься у тамошняго архимандрита отпустить ихъ въ Путивль подъ предлогомъ свиданія тамъ съ какимъ то родственникомъ. Гришка жилъ въ келліяхъ самого архимандрита. Архимандритъ, не подозрѣвая его умысла, отпустилъ его, давъ ему лошадь и проводника. Гришка же тайкомъ написалъ и уходя оставилъ въ изголовьи архимандрита такую записку: я царевичъ Дмитрій, сынъ царя Ивана Васильевича. Когда взойду на престолъ отца своего, тогда пожалую тебя за то, что ты снабжалъ меня всѣмъ нужнымъ въ обители этой». Добѣжавши до пути, который велъ къ Киеву, они поѣхали туда. Проводникъ, данный имъ отъ архимандрита, сказалъ, что не этотъ путь къ Путивлю, но еще далѣе. Мисанлъ Поваднѣи отвѣчалъ: «я самъ знаю: мы хотимъ ѣхать этимъ путемъ», и затѣмъ отослали они проводника назадъ. Проводникъ, возвратясь, сказалъ о томъ архимандриту Тотъ принялъ это за оскорбленіе и, когда легъ на постель, усмотрѣвъ записку: съ ужасомъ прочелъ онъ написанное на ней и отъ печали началъ плакать. Недоумѣвая какъ ему поступить, рѣшилъ за лучшее не говорить объ этомъ никому. Отрепьевъ, повѣствуя Барамзинъ, стремился въ Литву мимо Стародуба къ Луевымъ горамъ сквозь темные лѣса и дѣбри, гдѣ служилъ ему путеводителемъ новый спутникъ его, инокъ Дифірова монастыря, Пимень. Въ Киевѣ былъ воеводой тогда Василій Константиновичъ Острожскій, соборникъ греческой кѣры. Онъ допросилъ иноковъ о кѣли прихода и тѣ сказали, что пришли по обѣщанію. Узнавъ о томъ, что Гришка въ санѣ дьякона, Острожскій приказалъ ему совершить въ своемъ присутствіи литургію. Служеніе дьякона Григорія направилось Острожскому.

Отославъ иноковъ въ Печерскій монастырь, овъ приказалъ давать имъ тамъ все нужное. Григорій же здѣсь началъ вести образъ жизни не монашескій: не исполнялъ обѣтовъ цѣломудрія и воздержанія, хвалился свободою мнѣній, любилъ говорить о законѣ съ иновѣрцами и былъ даже въ тѣсной связи съ анабаптистами, какъ присовокупляетъ Карамзинъ. Архимандритъ печерскій довелъ объ этомъ до свѣдѣнія кн. Василя Острожскаго. Тотъ приказалъ Гришку казнить за его поведеніе. Но Гришка, узнавъ о томъ во время, убѣжалъ, сбросивъ съ себя монашескую одежду и облекшись въ мірское одѣяніе. Сведя предъ тѣмъ знакомство съ другимъ бродягой инокомъ Леонидомъ, говоритъ Карамзинъ, уговорилъ его назваться своимъ именемъ Григорія Отрепьева.

Прибывъ къ запорожцамъ, шайки которыхъ гнѣздились среди камышей днѣпровскихъ, Отрепьевъ нѣсколько времени учился владѣть мечемъ и конемъ въ шайкѣ Герасима Евангелика; здѣсь онъ приобрѣлъ большую опытность. Но скоро онъ является въ иномъ мѣстѣ, въ мирной школѣ городка волынскаго Гащи за польскою и латинскою граматикою, такъ какъ ему нужно было умѣть владѣть не только оружіемъ, но и словомъ. Отсюда онъ прибылъ къ князю Адаму Вишневецкому и поступилъ къ нему на службу въ мѣстечкѣ Брагинѣ. По разсказу Карамзина, слуга Григорій велъ себя здѣсь скромно, занимался военными упражненіями и не столько наружностью, которою былъ некрасивъ, сколько живостью и смѣлостью ума, краснорѣчіемъ и благородною осанкою заслужилъ вниманіе и доброе расположеніе пана. По лѣтописному разсказу, онъ втайнѣ написалъ на свиткѣ повѣствованіе о смерти царя Ивана Васильевича и о томъ, какъ его царь Федоръ Ивановичъ отправилъ на удѣлъ въ Угличъ, какъ Борисъ Годуновъ приказалъ его тайно убить и какъ Богъ послѣ его сохранилъ; его спасли отъ смерти бояре и дьяки Щелкаловы, которымъ его хранить повелѣлъ отецъ его царь Иванъ Васильевичъ. Когда же не стало возможности скрывать его въ отечествѣ, то изъ она-

сенія, чтобъ его не убили, бояре препроводили его сюда, такъ какъ лучше жить въ чужой странѣ, нежели быть убитымъ въ отечествѣ. Въмѣсто же его въ Угличѣ былъ убитъ сынъ елецкаго священника. Свитокъ этотъ онъ скрылъ въ постели. Самъ же притворился больнымъ при смерти, просилъ призвать къ нему духовника и при этомъ давалъ видъ, что едва можетъ говорить. Когда обружавшіе его вышли изъ комнаты, онъ на единѣ сказалъ духовнику: если случится мнѣ умереть, то прикажи похоронить меня съ честію, достойною царскихъ дѣтей. На вопросъ духовника: почему онъ такъ желаетъ? Отрепьевъ отвѣчалъ: теперь не скажу, но по смерти моей найдешь подъ моимъ ложемъ спрятанный свитокъ. Прочитавъ его, узнаешь о причинѣ моей просьбы. Теперь же не только при жизни, но даже и по смерти моей прошу никому объ этомъ не говорить. Духовникъ (іезуитъ, по словамъ Карамзина) рассказалъ пану Вишневецкому все слышанное отъ Григорія. Вишневецкій самъ пошелъ къ Отрепьеву. Отрепьевъ на всѣ вопросы молчалъ. Князь приказалъ поискать у него подъ постелью свитка. Григорій, какъ бы не хотя, отдалъ его. Прочитавъ написанное на свиткѣ, Вишневецкій пришелъ въ недоумѣніе. Когда же, повѣствуетъ Карамзинъ, мнимый больной показалъ на груди золотой крестъ, украшенный драгоценными камнями (можетъ быть гдѣ нибудь украденный) и со слезами сказалъ, что эта святыня дана ему крестнымъ отцемъ, княземъ Иваномъ Мстиславскимъ, Вишневецкій рѣшился объявить о немъ королю. Къ тому же его подстрекало славолубіе, если слуга его будетъ на московскомъ престолѣ. Вишневецкій, употребивъ средства поднять больного съ одра болѣзни, повезъ Григорія на сеймъ пановъ польскихъ, воздавая ему здѣсь честь, какъ царскому сыну. Король, всѣ наны и рада начали осыпать его вопросами, на которые онъ всѣмъ отвѣчалъ одно и то же, что онъ сынъ царя Іоанна Димитрій и передавалъ имъ много ложнаго за истину: всѣ вѣрили его лжи. Послѣ, хотя всѣ и уразумѣли его ложь, но, желая бѣдствія московскому государ-

ству, передавали сами эту ложь за истину и наконецъ обѣщали дать ему помощь противъ московскаго царя. Главное участіе въ самозванцѣ, кромѣ брата Адама Вишневецкаго Константина, принималъ Юрій Мнишекъ, воевода Сендомирскій. Король Сигизмундъ, какъ повѣствуетъ Карамзинъ, слѣдуя внушеніямъ папскаго нунція Рангони и іезуитовъ, которые тогда имѣли большое вліяніе на него и имѣли значеніе въ Польшѣ, изъявилъ желаніе видѣть у себя назвавшася царевичемъ Димитріемъ. Въ повѣсти говорится, что Отрепьевъ королю и всей радѣ далъ обѣщаніе принять латинскую вѣру и дѣйствовать съ ними единодушно. По повѣтвованію Карамзина, Сигизмундъ принялъ въ немъ участіе потому, что могъ найти въ немъ друга и союзника, а папа надѣялся найти въ немъ усерднаго сына и послѣдователя католичества. Дѣятельные іезуиты служили посредниками въ сближеніи съ ними самозванца. Послѣдній является теперъ въ Краковѣ съ паномъ Вишневецкимъ и сендомирскимъ Мнишкомъ. Нунцій папскій Рангони повезъ его во дворець короля Сигизмунда. Сигизмундъ принялъ его ласково въ своемъ кабинетѣ. Самозванецъ разсказалъ ему всю свою мнимую исторію, закончивъ такъ: «Государь! Вспомни, что ты самъ родился въ узакъ и спасенъ единственно Провидѣніемъ. Державный изгнанникъ требуетъ отъ тебя сожалѣнія и помощи». По знаку королевскаго чиновника, самозванецъ удалился на время изъ кабинета Сигизмунда. Король, посовѣтовавшись съ Рангони наединѣ, снова призвалъ названнаго царевича Димитрія и сказалъ ему: «да поможетъ вамъ Богъ, московскій князь Димитрій! А мы выслушавъ и разсмотрѣвъ всѣ ваши свидѣтельства, несомнительно видимъ въ васъ Іоаннова сына и въ доказательство нашего искренняго благоволенія опредѣляемъ вамъ ежегодно 40 т. золотыхъ на содержаніе и всякія издержки. Сверхъ того вы, какъ истинный другъ Рѣчи Посполитой, вольны сноситься съ нашими панами и пользоваться ихъ усерднымъ вспоможеніемъ». Для нашего историчес-

каго очерка мы ограничиваемся только изложеніемъ приведенныхъ нами изъ лѣтописнаго сказанія подробностей до воцаренія Лжедмитрія на московскомъ престолѣ. Дальнѣйшая исторія его вступленія на престолъ и царствованія входитъ всецѣло въ кругъ общерусской исторіи и потому мы изложимъ только главнѣйшія событія и тѣ, которыя близко касаются Костромской области.

Съ помощію поляковъ и казаковъ взявъ украинскіе города, самозванецъ безпрепятственно шелъ къ Москвѣ. Внезапная смерть Бориса Годунова въ 1605 г. облегчила самозванцу возможность достигнуть своей цѣли. Сынъ Бориса Ѳеодоръ, вступившій теперь на престолъ, послѣ того, какъ въ Москвѣ были получены грамоты отъ самозванца и прочтены съ Лобнаго мѣста, былъ низвергнутъ съ престола и задушенъ вмѣстѣ съ матерью. Москва отправляетъ посольство къ Лжедмитрію, призывая его на дѣдовскій и отчій престолъ. Лѣтомъ 1605 г. Лжедмитрій торжественно въѣхалъ въ Москву. Вскорѣ объявлены были милости новаго царя. Всѣмъ опальнымъ въ Борисово царствованіе, какъ-то Нагимъ и Романовымъ, оставшимся въ живыхъ и многимъ другимъ дарованы были свобода и почести. Инокъ архимандритъ Филаретъ (или бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ) былъ вызванъ изъ мѣста заточенія Сійской обители и посвященъ въ санъ митрополита Ростовскаго. Съ этого времени супруга его, уже инокиня Марфа, съ юнымъ сыномъ Михаиломъ была водворена въ Костромѣ, гдѣ была ихъ отчина. Полагають, что она имѣла мѣсто-пробываніе въ Брестовоздвиженскомъ женскомъ монастырѣ (*), но не въ Ипатьевскомъ. Изъ старинныхъ описей видно, что еще въ Кремлѣ былъ осадный дворъ инокини Марфы Ивановны и тутъ же были дома многихъ бояръ, окольничихъ, стольниковъ, дьяковъ и другихъ дворянъ. Родовое же имѣніе бояръ Романовыхъ было около села Домнина, гдѣ потомъ жилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ съ

(*) Находящаяся въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ теплый храмъ Успенскаго собора.

свою матерью, когда его стали отыскивать поляки.

Лжедмитрій на первых же порахъ царствованія выказывалъ большую смѣлливость въ дѣлахъ, предполагалъ ввести разныя преобразованія, но обѣщанія іезуитамъ о подчиненіи русской церкви папѣ не заботился исполнить. Тѣмъ не менѣе въ Москвѣ бояре скоро уже распространили слухъ о его самозванствѣ. Опаснѣйшимъ свидѣтелемъ истины явился кн. Василій Ивановичъ Шуйскій. Онъ сказалъ близкимъ людямъ, что Россія подъ властію обманщика. Басмановъ, вѣрный Лжедмитрію, донесъ ему о распускаемыхъ Шуйскимъ слухахъ. Тогда Шуйскаго съ братьями взяли подъ стражу и приказали судить. Его подвергли пыткамъ, чтобы принудить открыть своихъ единомышленниковъ, но онъ никого не называлъ и былъ одинъ приговоренъ къ смертной казни. Уже Шуйскій былъ возведенъ на эшафотъ, казнь готова была уже совершиться, какъ вдругъ крики: стой! И чиновникъ царскій, подѣхавъ къ Лобному мѣсту, объявилъ Шуйскому помилованіе. Народъ съ восторгомъ принялъ эту вѣсть. Говорятъ, что царица инокиня Марѳа слезно убѣдила самозванца не предавать Шуйскаго казни. Трое Шуйскихъ: Василій, Дмитрій и Иванъ были сосланы въ пригородки Галиціе. Но въ то же время разнеслось по Москвѣ и *свидѣтельство многихъ галичанъ*, единомышленниковъ и близкихъ къ Григорію Отрепьеву: дяди, брата и даже матери, вдовы Варвары. Они узнали его и не хотѣли молчать о его самозванствѣ. Въ легендѣ о самозванцѣ сказано, что онъ, будучи родомъ изъ Галича, велѣлъ посадить тамъ въ темницу мать свою съ ея вторымъ мужемъ и до шестидесяти родственниковъ. Есть здѣсь въ сказаніяхъ впрочемъ непоследовательность, тѣмъ не менѣе извѣстно, что мать и братъ были заключены, а дядя Смирной Отрепьевъ былъ сосланъ въ Сибирь. Схватили и казнили еще нѣкоторыхъ: дворянина Петра Тургенева и мѣщанина Феодора, возмущавшихъ народъ противъ царя. Повторились годы Борисовы, наступило опять время доносовъ, пытокъ и казней. Самозванецъ вслѣлъ удалить

многих иноков чудовскихъ въ пустынные обители. Между тѣмъ при дворѣ было веселье; каждый день былъ праздникомъ. Придворные блистали пышностью нарядовъ, музыка, пляска и игры служили ежедневными увеселеніями. Въ эти веселые дни самозванецъ былъ расположенъ къ милости и простилъ Шуйскихъ черезъ шесть мѣсяцевъ ссылки. Не смотря на эту милость Василій Шуйскій замышлялъ гибель самозванцу. Къ тому же въ это время уже сильно развилось въ народѣ неудовольствіе на иноземцевъ, поляковъ, наводнившихъ Москву и безчинствовавшихъ по Москвѣ и въ храмахъ. Особенно противъ самозванца и поляковъ вооружилось духовенство. Самозванецъ срамилъ и казилъ иноковъ въ случаѣ какихъ нибудь преступленій, обиралъ деньги съ обителей, выгонялъ духовныхъ изъ ихъ домовъ, чтобы помѣстить тамъ иноземцевъ, дозволялъ въ Кремлѣ совершать католическую обѣдню самъ же между тѣмъ презиралъ и преступалъ правила и обычаи церкви православной и съ презрѣніемъ относился къ народнымъ русскимъ обычаямъ. Образовалась общая ненависть къ самозванцу, въ тождествѣ котораго съ Отрепьевымъ москвичи уже не сомнѣвались. Говорили и объ обѣщаніи и намѣреніи самозванца подчинить русскую церковь папѣ и значительную часть Россіи отдать Литвѣ. Шуйскій съ единомышленниками уже готовы были воспользоваться всеобщимъ неудовольствіемъ на самозванца, уже зрѣлъ заговоръ свергнуть обманщика съ престола. Но дѣло было отложено до свадьбы его съ Мариной Мнишекъ, вѣроятно, съ тою цѣлію, чтобы еще болѣе усилилось въ народѣ озлобленіе на него. Наконецъ торжественно прибыла Марина въ Москву. Москва еще болѣе наводнилась поляками и иноземцами. Марина была помѣщена предварительно въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ самозванецъ ежедневно видѣлся съ нею. На соблазнъ инокинь въ ея келліяхъ раздавались музыка и пѣсни и происходили танцы. На роскошь, великолѣпныя празднества и подарки употреблялись большія суммы

изъ царской казны. Народъ это звалъ и возмущался. Наконецъ съ великолѣпиемъ была совершена и отпразднована свадьба самозванца съ Мариной. Народъ еще болѣе возмущился, когда Марина, провозглашенная царицею, не отреклась отъ латинской вѣры. Тогда Шуйскій рѣшился немедленно приступить къ дѣлу и ночью призвалъ къ себѣ своихъ единомышленниковъ и даже людей стороннихъ. На совѣтѣ съ ними Шуйскій говорилъ, что отечество и вѣра гибнуть отъ самозванца. Положено было избѣять обманщика и ляховъ, не боясь ни клятвоступничества, ни безначалія. Лжедимитрій и ляхи спокойно проводили дни, не зная о составлявшемся заговорѣ; но въ Москвѣ особенно стрѣльцы многіе знали о томъ, что готовится въ скоромъ времени. 17 мая въ четвертомъ часу дня раздался набатъ съ колокольни Св. Ильи и потомъ быстро набатный звонъ охватилъ всю Москву. Москвичи устремились въ Кремль на Красную площадь. Во главѣ многочисленной толпы вв. В. Шуйскій ввѣхалъ въ Кремль и, приложившись къ иконѣ Богородицы въ Успенскомъ соборѣ, воскликнулъ къ народу: «во имя Божіе идите на злаго еретика». Самозванецъ съ удивленіемъ видитъ изъ окна вооруженную толпу, зоветъ вѣрнаго Басманова и приказываетъ ему узнать о причинѣ волненія народа. Басмановъ, встрѣтивъ на крыльцѣ бунтовщиковъ, требовавшихъ вести ихъ къ самозванцу, возвратился и объявилъ своему повелителю: «все кончено, Москва бунтуетъ; хотять головы твоей, спасайся». Басмановъ вскорѣ былъ убитъ. Народъ ворвался во дворецъ. Самозванецъ въ ужасѣ бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, ища спасенія и не находя его здѣсь, выпрыгнулъ въ окно на Житный дворъ. Спускаясь по лѣсамъ, онъ не могъ удержаться, упалъ на землю и вывихнулъ себѣ ногу, разбилъ грудь, голову и лежалъ въ крови. Неучаствовавшіе въ заговорѣ стрѣльцы привели его въ чувство и хотѣли защищать, но когда было объявлено, что царица инокиня, отрывается теперь отъ него, говоря, что ранѣ признала его своимъ сыномъ только изъ за

страха, стрѣльцы выдали обманщика боярамъ и тѣ велѣли нести его во дворецъ. Здѣсь стали допрашивать его, облекши въ бѣдное рубище. На вопросъ: «кто ты злодѣй? онъ отвѣчалъ: «вы знаете, я Димитрій» и ссылался на царицу инокиню, но ему объявили, что царица отеклась отъ него и предаетъ его казни. Самозванецъ требовалъ отнести его на Лобное мѣсто къ народу, чтобы объявить ему истину. Народъ ломился въ двери и спрашивалъ: впитится ли злодѣй? Отвѣчали: впитится. Тогда два выстрѣла, сдѣланные дворянами: Иваномъ Воейковымъ и Григоріемъ Валуевымъ прекратили жизнь самозванца. Толпа схватила и повлекла трупъ къ Лобному мѣсту. Съ маскою, дудкою и волянкою положили его на столъ вмѣстѣ съ трупомъ Басманова. Преданіе есть, что потомъ трупъ его сожгли, пепломъ зарядили пушку и выстрѣлили въ ту сторону, откуда онъ пришелъ въ Москву.

Не смотря на то, что въ лѣтописныхъ сказаніяхъ находимъ подробную и, повидимому, не оставляющую сомнѣнія въ личности самозванца повѣсть, въ исторической наукѣ въ послѣднее время высказаны разнорѣчивыя мнѣнія объ этой загадочной личности. Карамзинъ не сомнѣвается въ тождествѣ перваго самозванца съ Григоріемъ Отрепьевымъ. Этотъ взглядъ на личность перваго Лжедмитрія раздѣляетъ и г. Казанскій въ статьѣ: «ислѣдованія о личности перваго Лжедмитрія», помѣщенной въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1877 г. Доказательства г. Казанскаго въ пользу тождества самозванца съ Григоріемъ Отрепьевымъ слѣдующія: самъ самозванецъ, кажется, не скрывалъ въ Польшѣ, что онъ подъ именемъ Отрепьева укрывался въ Россіи и рассказывалъ о своихъ походахъ такъ, что въ нихъ повторялась исторія Отрепьева. Было много случаевъ, когда самозванецъ могъ и долженъ былъ для своей выгоды ясно выставить, что онъ не одно лицо съ Григоріемъ Отрепьевымъ, но онъ этого не сдѣлалъ. Не сдѣлалъ онъ этого и въ грамотѣ къ московскому народу и даже мимоходомъ не касается здѣсь этого предмета. Въ продолженіи одиннад-

дати мѣсячнаго правленія много разъ раздавались голоса, называвшіе царя растрогой. Казнями отвѣтили на эти названія, но ни чѣмъ не доказали лживости такого обвиненія. Замѣтили, что онъ ни разу не посѣтилъ Чудова монастыря и что многіе иноки изъ Чудова монастыря были высланы. Смирной Отрепьевъ, дядя Григорія Отрепьева, сосланъ былъ въ Сибирь. Названный Димитрій уклонялся отъ очной ставки съ нимъ. Судъ надъ Шуйскимъ предъ выборными изъ всѣхъ сословій, на которомъ новый царь почелъ нужнымъ оправдать себя, а между тѣмъ не снялъ съ себя главнаго обвиненія, что онъ растрига Отрепьевъ, и совсѣмъ не касался важнаго для всѣхъ вопроса о томъ, какъ онъ спасся въ юности и гдѣ жилъ до появленія въ Польшѣ, служить новымъ подтвержденіемъ, что первый Лжедимитрій былъ дѣйстви-тельно тотъ монахъ, который извѣстенъ былъ подъ именемъ Григорія Отрепьева. Послѣ гибели самозванца Шуйскій не только называлъ его Отрепьевымъ, но и повторялъ въ присутствіи Романовыхъ и Черкаскаго, что Отрепьевъ въ отрочествѣ прислуживалъ у нихъ. Глубокоблагочестивый человекъ, по общему отзыву, дьякъ Тимофей Осиповичъ публично и въ лицо самозванцу называлъ его Григоріемъ Отрепьевымъ. Его возмущало всеобщее поклоненіе Лжедимитрію, о которомъ зналъ онъ, что это растрига Отрепьевъ, и онъ рѣшился открыто обличить его. Наконецъ въ заключеніе своихъ положеній г. Казанскій приводитъ и одно изъ доказательствъ Карамзина въ пользу тождества самозванца съ Григоріемъ Отрепьевымъ: имѣя нѣсколько подписей самозванцевыхъ, видимъ въ латинскихъ слабую, невѣрную руку ученика, а въ русскихъ твердую, мастерскую, кудрявый почеркъ грамотья приказнаго, каковъ былъ Отрепьевъ, дьякъ патриаршіи. Противорѣчивыя извѣстія иностранныхъ писателей и лѣтописей г. Казанскій объясняетъ попытками самозванца заставлять другаго носить его имя Григорія Отрепьева. Г. Костомаровъ приходитъ къ тому выводу, что Гришка Отрепьевъ сдѣлался мѣомъ. О немъ

ходили сказки и легенды съ различными отбѣнками. Но Гришгу Отрепьева Костомаровъ признаеть за дѣйствительное лицо, бывшее при самозванцѣ. О личности же самозванца онъ говорить, что если, какъ говорится въ иностранныхъ сказаніяхъ, спасеніе Димитрія приписывалось партіи друзей его, то открывается, что личность эта должна быть орудіемъ партіи, ненавидѣвшей Бориса и тотъ самый Богданъ Бѣльскій, который такъ энергически увѣрялъ народъ въ истинности прибывшаго въ Москву Димитрія, былъ со своими друзьями и виновникомъ его самозванства. На основаніи всѣхъ обстоятельствъ г. Костомаровъ признаеть его неосознательнымъ обманщикомъ, но по нѣкоторымъ поступкамъ и чертамъ характера допускаеть, что онъ вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе.

Г. Иконниковъ въ статьѣ: «кто былъ первый Лжедимитрій?», помѣщенной въ Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ, группируетъ тѣ обстоятельства, которыя говорятъ въ пользу самого Димитрія Царевича, спасеннаго отъ рукъ убійць:

1) Неизвѣстному лицу трудно было бы затѣять смуту во имя Димитрія: кто могъ быть увѣренъ, что легко будетъ разубѣдить въ убійствѣ царевича, такъ какъ никто не сомнѣвался въ этомъ до появленія Димитрія?

2) Если такъ называемый первый самозванецъ былъ представленъ партіею бояръ и притомъ былъ убѣжденъ въ своей истинности, то рождается вопросъ: какимъ образомъ бояре успѣли воспитать его для своей цѣли? Если они взяли его еще дитятей, то что ручалось имъ въ томъ, что это дитя можетъ годиться для ихъ плана, прійдя въ возрастъ? Если они прискакали для этого пылаго юношу и настроили его на свой ладъ, то неужели онъ сейчасъ позабылъ прошлое и не позаботился бы узнать у своихъ близкихъ, которые окружали его прежде? Положимъ боярамъ нужно было свергнуть Бориса съ престола, но въ подобной игрѣ еще представляется вопросъ: кто выиграеть: Борисъ или самозва-

нецъ? Для того, чтобы планъ удался, нужна была не кучка бояръ, а цѣлая партія, связанная общими интересами членовъ; но въ такомъ случаѣ весьма сомнительно, чтобы они всё устояли передъ преслѣдованіями Бориса, который, при всемъ предполагаемомъ негодованіи на него, имѣлъ очень много сторонниковъ, даже въ высшемъ сословіи. Чтобы настроить когонибудь къ извѣстному предпріятію, бояре должны были имѣть съ нимъ постоянныя сношенія, что оказывается вполне невозможнымъ при постоянномъ надзорѣ Бориса.

3) Открытая жизнь Димитрія, его обыкновеніе выходить пѣшкомъ иногда только вдвоемъ и личный пріемъ преслѣ по два раза въ недѣлю показываютъ, что такъ могъ поступать только человекъ, но чистой совѣсти увѣренный въ своемъ достоинствѣ, не боявшійся поторопиться на лицъ, съ которыми могъ прежде встрѣчаться, и которые могли его теперь обличить.

4) При опредѣленіи личности перваго самозванца не слѣдуетъ пренебрегать физиономическими примѣтами, о которыхъ говорятъ писатели самыхъ различныхъ мнѣній о немъ. Такъ Бореццо-Борезци свидѣтельствуетъ, что Димитрій доказывалъ свою тождественность съ онымъ Іоанна примѣтами. Онъ имѣлъ весьма замѣтную бородавку близъ праваго глаза со стороны носа и одну руку длиннѣе другой. Петрей, говоря о примѣтахъ, прибавляетъ, что самозванецъ походилъ на убитаго царевича Димитрія. Шауицъ, упоминая въ одномъ мѣстѣ, что царевичъ Димитрій имѣлъ бородавку на носу и одну руку длиннѣе другой, въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что тѣже примѣты служили въ пользу и самозванцу. Наконецъ Соловьевъ говоритъ, что изъ польскихъ вельможъ можно заведомо въ подстановкѣ самозванца только одного Сапѣгу и на него нужно смотрѣть какъ на повѣреннаго іезуитовъ. Принимая это мнѣніе, надобно непременно допустить, что самозванецъ былъ человекъ воспитанный, подставленный въ польскихъ владѣніяхъ, а не Григорій Отреньевъ, какъ согласно утверждаютъ

русскія свидѣтельства, отвергнуть которыя чрезвычайно трудно. Очевидцы признавали въ первомъ Лжедмитріи великороссіянина и грамотѣя. Московское правительство при Годуновѣ и послѣ постоянно утверждало, что самозванецъ былъ москвичъ, именно Григорій Отрепьевъ. Что самозванецъ былъ москвичъ, съ которыми іезуиты познакомились уже послѣ того, какъ онъ объявилъ себя царевичемъ, неоспоримо доказываетъ посланіе папы Павла V къ воеводѣ Сендомирскому, гдѣ говорится, что Лжедмитрій обращенъ въ католицизмъ францисканцами, а не іезуитами. Изъ сказаній современныхъ видно, что самозванецъ былъ подставленъ въ Москвѣ тамошними врагами Бориса. Нѣтъ нужды отвергнуть и участіе Сапѣги или іезуитовъ въ замыслѣ. Должно замѣтить, что если Польшѣ или іезуитамъ было выгодно появленіе самозванца и смута, имѣющая отъ того произойти, то внутреннимъ врагамъ Бориса, терзавшимся мыслию, что Годуновъ на престолѣ, грозитъ имъ ежечасно тяжелою опалю,—это появленіе было болѣе чѣмъ выгодно; оно вполне соответствовало ихъ цѣли, ибо имъ надобно было орудіе, которое было бы такъ могущественно, что могло бы свергнуть Годунова и въ тоже время такъ ничтожно, что послѣ легко было бы отъ него отдѣлаться и очистить престолъ для себя. Мнѣніе о подстановкѣ самозванца внутренними врагами Бориса высказывается ясно въ хронографахъ о Годуновѣ. Иностранный писатель Буссонъ говоритъ, что самъ царь Борисъ считаетъ появленіе самозванца дѣломъ бояръ. Мнѣніе о подстановкѣ самозванца внутренними врагами Бориса кромѣ того, что правдоподобнѣе всѣхъ другихъ само по себѣ, кромѣ того, что высказано современниками, близкими къ дѣлу, имѣетъ за себя еще и то, что вполне согласно съ русскими свидѣтельствами о походе Григорія Отрепьева.—Мы съ цѣлію привели раньше подробную лѣтописную повѣсть о походе Григорія Отрепьева до его царствованія, какъ касающуюся исторіи Галича. По нашему личному мнѣнію, приведенная повѣсть обстоятельно и послѣдова-

тельно излагаетъ событія изъ жизни Григорія Отрепьева. Изъ нихъ видно, что Григорій Отрепьевъ, какъ человекъ даровитый, разносторонне изучалъ жизнь современную, взвѣсилъ всѣ обстоятельства, какія могли произойти и которыя вели бы къ осуществленію его плана, словомъ, онъ разносторонне готовился къ своей роли, которую задумалъ разыграть, чтобъ погубить Бориса и сѣсть самому на престолъ русскомъ. На основаніи подробнаго и совершенно послѣдовательнаго разсказа о походевіяхъ разстриги Отрепьева, не остается, кажется, сомнѣнія въ томъ, что первый самозванецъ былъ именно Григорій Отрепьевъ, уроженецъ галицкій, дѣйствовавшій, можетъ быть, подъ тайнымъ вліяніемъ и партіи, враждебной Годунову и потомъ нашедшій дѣятельную поддержку со стороны польскаго правительства и іезуитовъ, желавшихъ произвести смуту и ввести католичество въ русскомъ государствѣ.

Князь Василій Шуйскій, главный виновникъ сверженія самозванца съ престола, по избранію боярской думы сѣлъ на престолъ русскомъ въ 1606 г. Приверженцы самозванца подвергнуты преслѣдованію. Польскихъ пословъ, которые были присланы къ Гришке Отрепьеву, царь Василій повелѣлъ отвести на посольскій дворъ и приставить къ нимъ стражей. Сендомирскаго съ дочерью Мариною и прочихъ поляковъ и ляховъ, которые пришли съ самозванцемъ, разослалъ по разнымъ городамъ; Вишневецкій былъ сосланъ въ Кострому, нѣкоторые въ Галичъ. — Царствованіе Шуйскаго не долго было спокойно. Вскорѣ является второй самозванецъ. Въ 12 верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Тушинѣ онъ расположился лагеремъ, куда многіе служилые люди, ненавидѣвшіе Шуйскаго, стекались изъ Москвы. Не имѣя силъ овладѣть Москвою и Серг. Лавроу, Лжедмитрій съ измѣнниками и ляхами послалъ отряды къ Суздалью, Владиміру и другимъ городамъ, чтобъ дѣйствовать обольщеніемъ, угрозами и силою. Первый измѣнилъ Суздаль. Жители Переяславля Залѣскаго соединились съ ляхами и при-

ступили къ Ростову. Не имѣя крѣпкихъ стѣнъ, граждане Ростова предложили своему митрополиту Филарету удалиться вмѣстѣ съ ними въ Ярославль. Но Филаретъ убѣдилъ жителей не бѣгствомъ, а кровію спасать отечество. Съ немногими усердными гражданами и воинами онъ заключился въ соборной церкви. Ляхи вломились въ храмъ, схватили митрополита и сорвали съ него святительскія ризы, одѣли въ рубище и повезли въ Тушинскій станъ. Самозванецъ, встрѣтивъ его съ наружнымъ почетомъ, заключилъ потомъ подъ крѣпкую стражу. Послѣ того городъ за городомъ началъ сдаваться самозванцу. Владиміръ, Угличъ, Кострома, Галичъ, Вологда и другіе подчинились ему. Шуя и Кинешма, гдѣ защищался воевода Ѳеодоръ Бобарыкинъ, были взяты и разорены паномъ Лисовскимъ; взята и Тверь. Во всѣхъ этихъ городахъ, повѣствуетъ лѣтописецъ (*), было большое смятеніе и всѣ отложились отъ Москвы, только вѣрными остались: Казань, Новгородъ Великій, Смоленскъ, Нижній-Новгородъ, Переяславль Рязанскій, Коломна, Сибирь. Прочіе передались Литвѣ. Измѣнникъ князь Семенъ Вяземскій, придя изъ Тушина съ литовскими людьми, осадилъ Нижній-Новгородъ. Граждане единодушно ополчились и отразили враговъ; воеводу кн. Семёна Вяземскаго поймали и повѣсили безъ царскаго распоряженія. Освободившись отъ осады, граждане Нижняго-Новгорода пошли на Балахну, взяли ее и жителей привели къ присягѣ на вѣрность царю Василию. Тогда во многихъ мѣстахъ, оставшихся вѣрными Василию, начали собираться люди для борьбы съ врагами: въ Юрьевцѣ Поволжскомъ собрались съ нѣкимъ сотникомъ Ѳеодоромъ Краснымъ, на Решмѣ съ крестьяниномъ Григор. Лапшюю, въ Балахнѣ, Гороховцѣ, Холуѣ и, соединившись, всѣ пошли къ г. Луху, побили тамъ литовскихъ людей и многихъ съ ними русскихъ воровъ, иныхъ измѣнниковъ отослали въ Нижній Новгородъ и потомъ пошли къ Шуѣ. Лисов-

(*) Новый лѣтописецъ, стр. 97.

скій высылалъ противъ нихъ измѣнника воеводу Ѡ. Плещеева, но тотъ былъ разбитъ у села Данилова и бѣжалъ въ Суздаль. Есть сказаніе, что когда происходилъ бой у Данилова, ярославцы, призвавъ костромичей и галичанъ, тайно перебили пьяныхъ поляковъ, разставленныхъ на Ярославскомъ посадѣ порознь по домамъ. Между тѣмъ и Царь Василій, желая усовѣстить измѣнниковъ, разсылаетъ къ жителямъ сѣверныхъ городовъ грамоты, призывая ихъ къ покорности себѣ. Въ Галичъ, Ярославль, Кострому, Вологду, Устюгъ были посланы грамоты слѣдующаго содержанія: «Нещастные! Кому вы рабски цѣловали крестъ и служите? Злодѣю и злодѣямъ, бродягѣ и ляхамъ! Уже видите ихъ дѣла и еще гнуснѣйшія увидите. Когда своимъ малодушіемъ предадите имъ государство и церковь, когда падетъ Москва, а съ нею и святое отечество и святая вѣра, то будете уже отвѣтствовать не намъ, а Богу. Есть Богъ мститель! Въ случаѣ же раскаянія и новой вѣрной службы общаемъ вамъ чего у васъ нѣтъ и на умѣ: милости, льготу, торговлю безошлиную на многія лѣта» Къ галицкимъ жителямъ 30 ноября 1608 года Царь Василій отправилъ слѣдующую грамоту: «слухъ до насъ дошелъ, что вы исторопясь воровъ, не волею ворами крестъ цѣловали и мы о томъ поскорбѣли, какъ естя такъ учинили и чему повѣрили и на что смотря смутились и для чего душами своими погибаете? Нынѣ и сами не вѣдаете, кому крестъ цѣлуете и кому служите, что васъ Литва обманываетъ. И хотя они васъ и манятъ для того, чтобъ имъ тѣмъ осилити московское государство, а только по грѣхамъ что надъ московскимъ государствомъ учинять вашимъ преступленіемъ, и надъ вами послѣ того тожь поруганіе сдѣлають. Инынѣ надъ православною вѣрою какое злое поруганіе дѣлають, церкви божиі раззоряють и образа обдирають и колютъ и раки чудотворныя: разсѣкають, прото вамъ самимъ подлинно вѣдомо; а впредь отъ нихъ какого добра ждати за то всѣмъ православнымъ христіанамъ? Пригоже помереть. А пишемъ мы къ вамъ вправду, о

васъ милосердовавъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бы попомнили православную вѣру, чтобы вашею службою и радѣніемъ московское государство отъ воровъ не раззорилось. А буде не сберетесь, своихъ мѣстъ отъ воровъ оберегати не учнете или московское государство ворами поддадите и московскому государству и православной вѣрѣ и своему отечеству вы будете предатели: что надъ Москвою учинится и то Богъ сыщеть на васъ, вы всѣ тому повинны; да и вамъ отъ воровъ отъ Литвы никако не проминеть, всѣхъ васъ воръ и Литва раззоритъ безъ остатка, а то вскорѣ сберетесь и свои мѣста отъ воровъ очистите и намъ помощь учините, и вы всѣ будете безпечальны и дома ваши будутъ въ тишинѣ и покоѣ. А мы васъ пожалуемъ нашими великими жалованьемъ, чего у васъ и на разумѣ нѣтъ и всякія ваши раззоренья велики пополнить и льготой васъ пожалуемъ во всякихъ податѣхъ на многія лѣта и торговати вамъ велики безошливно и службу вашу великую учинимъ памяту. Призыву царя Василія ополчиться на враговъ прежде другихъ отделинулись земледѣльцы, а за ними и города: Галичъ, Кострома, Вологда, Бѣлоозеро, Устюжна, Городецъ, Бѣжецкій Верхъ и Кашинь отложились отъ Тушина. Города спѣшили вооружить какъ можно болѣе ратныхъ людей на защиту Москвы и разсылали грамоты въ другіе города, убѣждая и ихъ вооружиться. Есть сказаніе, что нѣкто Ейлофъ, родомъ голландецъ, поселившійся въ Россіи и принявшій греческую вѣру, содержатель солеваренъ, убѣдилъ жителей Костромы, Галича и Вологды отложиться отъ Іжедмитрія, собралъ 200 человекъ противъ поляковъ, но попался имъ въ плѣнъ. Послѣ оиъ выкупился изъ плѣна и дѣйствовалъ снова противъ самозванца (*). Паны Тишкевичъ и Лисовскій выступили усмирять мятежъ. Предмѣстье Ярославля, Юрьевецъ, Кинешма были сожжены. Лисовскій взялъ Кострому и страшно опустошилъ ее въ

(*) Карамз, въ VII т. гл. III прил. 342.

1608 г. Во время осады полчищами поляков Богоявленскаго Костромскаго монастыря, иноки этого монастыря явили достойный примѣръ мужества и преданности отечеству, но должны были уступить силѣ враговъ и были все избиты, а имущество монастырское разграблено. Такое же раззореніе претерпѣлъ Крестовоздвиженскій монастырь, находившійся близъ Успенскаго собора. Галичъ также былъ взятъ Тушинцами въ 1609 г. Въ Костромѣ и Галичѣ поляки оставили сильные гарнизоны. Въ Костромѣ стоялъ отрядъ съ большимъ нарядомъ изъ 3 проломныхъ пушекъ и полнаго сороковаго снаряда. Въ Нижній-Новгородъ прибылъ съ полками бояринъ Ѳеодоръ Шереметьевъ къ радости нижегородцевъ, стѣсненныхъ ляхами. Шереметьевъ побилъ ихъ и очистилъ Нижній Новгородъ. Вскорѣ пришла въ Нижній вѣсть, что изъ Суздаля идетъ Лисовскій съ многочисленнымъ ополченіемъ ляховъ и русскихъ за Волгу и хочетъ воевать Костромскія, Галицкія, Уженскія и Юрьевскія мѣста. Бояринъ Ѳеодоръ Шереметьевъ послалъ противъ него рать водою. Посланные сошлись съ ляхами подъ Юрьевцемъ Волжскимъ на о-вѣ и побили ихъ, а другіе потонули. Съ немногими людьми Лисовскій успѣлъ спастись, такъ какъ былъ еще на берегу. Посланная же рать возвратилась въ Нижній Новгородъ съ большою добычею. Дѣла земскихъ людей противъ враговъ шли успѣшно, не смотря на распри, происшедшія между городами. Полки, собранные сѣверными городами, снова заняли Галичъ и Кострому. Воеводу самозванца ии. Дмитрія Мосальскаго ратные люди сѣверныхъ городовъ долго мучили въ Костромѣ и потомъ, обрубивъ ему руки и ноги, утопили его въ рѣкѣ. Послѣ жаркихъ сраженій на улицахъ Костромскихъ 28 февраля и 3-го марта, поляки скрылись въ Ипатьевскомъ монастырѣ, поджегши городъ и избивъ многихъ жителей. Когда Ярославль въ апрѣлѣ этого же года былъ освобожденъ воеводою Вышеславцевымъ отъ поляковъ, то костромичи 25 апрѣля обратились съ просьбой о помощи къ ярославцамъ въ случаѣ, если ляхи и мятежники отъ

Ярославля обратятся къ Костромѣ. Съ прибытіемъ помощи изъ Ярославля ва судахъ въ іюль 1609 г. началась осада Ипатьевского монастыря. Царскій воевода Давидъ Жеребцовъ, переправившись чрезъ р. Кострому, 11 іюля напалъ на предводителя отряда поляковъ Вельяминова, осажденнаго въ монастырь, выбилъ его изъ становъ и побилъ много людей и лошадей. Тщетно Лисовскій, прибывъ изъ подъ Юрьевца нагорною стороною, пытался подать помощь полякамъ и русскимъ мятежникамъ, стѣсненнымъ въ Ипатьевской обители. Потерпѣвъ поражение отъ стрѣльбы съ Костромскаго кремля и не найдя лодокъ для переезда войскъ въ монастырь, Лисовскій съ яростію устремился къ Сергіевской лаврѣ, разрушивъ на пути Нерехту. Вельяминовъ, не получивъ помощи, сдалъ Ипатьевскій монастырь Жеребцову. Когда Тушивскій станъ началъ пустѣть, гетманъ Роживскій взялъ съ собою и митрополита Филарета, остановившись на пути въ Юсифовъ монастырь. Но кн. Михайлъ Скопинъ Шуйскій послалъ вслѣдъ имъ ратныхъ людей съ Григоріемъ Валуевымъ. Они побили на пути людей гетмана и Филарета (Никитича) со многими людьми отняли и возвратились въ Москву. Въ Москвѣ, послѣ сверженія съ престола Василія Шуйскаго, образовалась многочисленная партія, желавшая на престолъ московскій королевича Владислава, сына Сигизмунда. По городамъ были разсланы грамоты о томъ, что Москва цѣловала крестъ Владиславу ва томъ, что ему государю быть въ нашей православной вѣрѣ. Когда другіе города присягали Владиславу, Галичь, Владиміръ и въкоторые еще города начали тайно сноситься съ самозванцемъ, извѣняя готовность отдаться ему. Патріархъ же съ общаго согласія избралъ въ посольство къ королю ростовскаго митрополита Филарета, зная его разумъ и твердость характера; избраны были и бояре и отправлены къ королю. Сигизмундъ стоялъ подъ Смоленскомъ. Послы объявили ему о цѣли своего прибытія, чтобъ просить отпустить сына на царство московское. Сигизмундъ согласился на это, но

при этомъ просилъ послать отъ себя выборныхъ въ Смоленскъ, чтобъ убѣдить жителей одѣться ему. Тогда митрополитъ Филаретъ сказалъ королю: зачѣмъ посылать намъ въ Смоленскъ? Ты намъ обѣщала на царство сына своего и когда онъ возвратится въ Москвѣ, тогда не только Смоленскъ, но и все московское государство будетъ во власти твоего сына. Король между тѣмъ повелѣлъ еще сильнѣе осаду Смоленска. На помощь къ нему прибылъ отъ Москвы гетманъ Жолѣвскій. Послы стали просить Сигизмунда отпустить ихъ теперь въ Москву, потому что они хотятъ склонить жителей московскихъ присягнуть самому королю. Король отпустилъ ихъ (*), но слыша, что митрополитъ Филаретъ не склоняется къ тому чтобъ Сигизмундъ былъ царемъ на Москвѣ, заключилъ его подъ стражу и часто увѣщевалъ покориться волѣ его, дабы и всѣ московскіе люди ему цѣловали крестъ. Митрополитъ отвѣтствовалъ: «мы прибыли къ тебѣ за тѣмъ, чтобы ты далъ намъ сына своего на царство и, если онъ оставитъ латинскую вѣру и приметъ греческую, мы всѣ съ радостію примемъ его; если же нѣтъ, то мы не просимъ его; но чтобы тебѣ самому цѣловали всѣ крестъ, этого не можетъ быть». Тогда король повелѣлъ еще болѣе томить его голодомъ и жаждою въ плѣну и заставлялъ переносить всякую скорбь. Въ то время погибъ самозванецъ. Сигизмундъ, узнавъ о томъ, писалъ боярамъ, что Владиславъ скоро будетъ въ Москву. Но Россія уже не хотѣла Владислава. Дума благодарила Сигизмунда за милость, но патріархъ объявилъ торжественно, что королевичу Владиславу не царствовать въ Москвѣ, если онъ не крестится въ вину вѣру и не вышлетъ всѣхъ лиховъ изъ московскаго царства. По слову патріарха Гермогена.

(*) Сигизмундъ прислалъ боярѣвъ грамоту, въ которой принималъ въѣздъ Михаила Салтыкова съ товарищами за то, что они первые пріѣхали къ Тушинѣ къ королю и присягнули ему. Михаилу Салтыкову были пожалованы волости: Чарыца, на Костромѣ Красное село, Рѣшня и нѣскот. др. Но эти волости, богатые доходами, проищедя заветъ къ боярѣмъ. Ист. Солов., VIII т., стр 384, 390

Россія начала ополчаться на враговъ. Городъ сносился съ городомъ; писали, что пришло время стать за вѣру и государство. Рязань, Владиміръ, Суздаль, Нижній-Новгородъ, Романовъ, Ярославль, Кострома (*), Вологда ополчились для избавленія Москвы отъ поляковъ. Королевскія войска, засѣвшія въ Москвѣ съ Александромъ Гонсѣвскимъ, стали сильно утѣснять москвитявъ. Жители другихъ городовъ, слыша объ этихъ утѣсненіяхъ и зная доблесть рязанскаго воеводы Прокоція Ляпунова, прислали къ нему за совѣтомъ и начали собираться ратию, чтобъ идти подъ Москву противъ королевскихъ людей. Въ Костромѣ съ воеводой кн. Волконскимъ (**), въ Галичѣ, въ Калугѣ, въ Рязани, во Владимірѣ, въ Суздальѣ, въ Ярославлѣ, въ Романовѣ собрались ополченія для очищенія Москвы отъ поляковъ. Собравшіяся въ городахъ рати сошлись подъ Москвой у Угрѣнскаго монастыря и соединясь въ одно ополченіе, пошли къ Москвѣ. Королевскіе люди выступили противъ нихъ за Яузскія ворота и, послѣ непродолжительнаго боя, возвратились назадъ. Воеводы же поставили таборы близь каменнаго города: кн. Дмитрій Трубедкой и Иванъ Заруцкій стали отъ Воронцовскаго поля, Прокоцій Ляпуновъ у Яузскихъ воротъ, владимірскіе, костромскіе, ярославскіе и романовскіе воеводы: кн. Ѡ. Волконскій, Ив. Волынскій, кн. Ѡ. Козловскій, Петръ Мансуровъ у Покровскихъ воротъ, окольникій Артемій Васильевичъ Измайловъ у Срѣтенскихъ воротъ, кн. Василій Мосальскій у Тверскихъ воротъ. Но между воеводами не было единодушія и потому рати бездѣйствовали долгое время. Тогда избранные отъ всѣхъ полковъ сошлись на совѣтъ и сообща положили, чтобы прекратить несогласія, избрать верхов-

(*) Известно, что Савѣга писалъ въ Кострому, уговаривая жителей признать опять Владислава: «теперь вы государю измѣнили и не вѣдомо для чего и хотите на московское государство не вѣдомо кого. Знаете вы сами польскихъ и литовскихъ людей мочь в силу: кому съ ними битися?» Ист. Сел., VII т., стр. 405.

(**) Соловьева VII т., стр. 406

ными вождями: кн. Д. Тимофеевича Трубецкого, - Ив. Заруцкого, Прокопия Ляпунова. Тогда начались битвы с королевскими войсками ежедневно. Гонимый и Михаилъ Салтыковъ неоднократно обращались къ посредничеству патриарха Гермогена, чтобъ онъ убѣдилъ ратныхъ людей, пришедшихъ къ Москвѣ, отступить, угрожая въ противномъ случаѣ ему смертію, но Патриархъ отвѣчалъ, что онъ не боится мученической смерти и рѣшительно отказалъ послать къ ратнымъ людямъ съ требованіемъ отступить отъ Москвы. Тогда Салтыковъ подвергъ Патриарха разнымъ оскорбленіямъ и мукамъ. Между тѣмъ царь Василій Шуйскій, сверженный съ престола и постриженный въ монахи, былъ плѣнникомъ отправленъ въ Польшу и въ Россіи наступило междуцарствіе. Взоры всѣхъ устремились на Прокопія Ляпунова, какъ блестящаго воеводу. Но панъ Гонимый употребилъ хитрость, чтобы погубить Ляпунова: онъ подослалъ въ станъ казаковъ подложную грамоту, въ которой воеводамъ предписывались жестокія мѣры, какія надлежало употребить для прекращенія своевольствъ казаковъ, даже истребить ихъ всѣхъ. Казаки потребовали Ляпунова въ кругъ и умертвили. Какія же были слѣдствія этого злодѣянія? Передадимъ словами Карамзина: «слѣдствія были ужасны: надежда, довѣренность, мужество, устройство исчезли. Злодѣйство и Заруцкій торжествовали, грабительство и смертоубійство возобновились не только въ селахъ, но и въ станѣ, гдѣ неистовые казаки умертвили многихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Многіе воины бѣжали изъ полковъ, думая о жизни болѣе, нежели о чести и вездѣ распространяли отчаяніе. Сапѣга явился отъ Переяслава, большая часть Москвы была взята, весь бѣлый городъ и всѣ укрѣпленія за Москвою рѣкою были въ рукахъ враговъ. Сапѣга вошелъ въ Кремль съ побѣдою и запасами. И что была тогда Россія? Вся полуденная беззащитною жертвою грабителей ногайскихъ и крымскихъ, пепелищемъ кровавымъ, пустынею; вся югозападная отъ Десны до Оки въ рукахъ яховъ. Астрахань

отдѣлилась отъ Россіи и думала существовать въ видѣ особаго царства; шведы присваивали себѣ сѣверо-западные владѣнія, гдѣ явился третій Лжедмитрій и гдѣ держался Лисовскій съ своими злодѣйскими шайками (*). Полеи, стоявшіе подъ Москвою ради очищенія столицы отъ враговъ, постоянно умалались: однихъ казаки отогнали, ные были избиты, другіе, изнемогая отъ ранъ, сами отъѣхали отъ Москвы; оставшіеся въ таборахъ претерпѣвали большія бѣдствія отъ казаковъ; не получая ни откуда помощи, они начали приходить въ отчаяніе (**).

(*) Этимъ повстаніемъ означивается исторія Каришчана.

(**) Новый лѣтописецъ, стр. 144.

У. Историческія свѣдѣнія о Кострмѣ во время междуцарствія.

Всякая надежда на спасеніе отечества отъ гибели, казалось, исчезла; бездна, на краю которой стояла Россія, повидимому, уже готова была поглотить ее; на Руси не было царя, той основной твердыни, на которой зиждется благосостояніе земли русской, не было еще вождей и ополченій, одушевленныхъ общимъ духомъ патріотизма и рѣшимости во что бы то ни стало спасти отечество, но духъ патріотизма, присущій русскому народу, не умеръ въ немъ, не умерла и вѣра въ Провидѣвіе, спасавшее не разъ Русь отъ великихъ напастей. Эти двѣ твердыя основы, на которыхъ русское государство, при всѣхъ ударахъ и превратностяхъ судьбы, непоколебимо стоитъ, какъ могучій исполинъ, до сихъ дней, нерушими оставались и въ то бѣдственное время. Не было царя и доблестныхъ вождей, но было духовенство, имѣвшее первостепенное значеніе въ важныхъ историческихъ событіяхъ на Руси и раньше, одушевленное твердой вѣрой въ Бога и преданностію своему отечеству. Оно то теперь и пришло на спасеніе отечества отъ грозившей гибели и возжгло въ русскомъ народѣ духъ вѣры и патріотизма. Еще лѣтомъ 1611 г., при жизни Ляпунова, архимандритъ Троицко-Сергіева монастыря Діонисій рассылае по городамъ грамоты, призывая гражданъ притти на спасеніе столицы, отечества и вѣры. 6 октября Троицкія власти вновь посылаютъ въ города грамоты съ извѣщеніемъ, что прибыли еще польскія рати къ Москвѣ, дабы отогнать отъ Москвы ратныхъ людей, которые стоятъ за православную вѣру, дабы и насъ православныхъ христіанъ привести въ конечную погибель, что многіе люди изъ сѣверскихъ городовъ и другихъ уже пришли и идутъ къ Москвѣ и потому жители всѣхъ городовъ призываются притти на помощь ополченіямъ Трубецкаго и Заруцкаго, которые, не смотря на безчинное поведеніе казаховъ, стояли подъ

Москвою и держали въ осадѣ враговъ. Граматы имѣли могучее дѣйствіе на жителей городовъ. Города стали пересылать ихъ другу другу съ извѣстіемъ объ откровеніяхъ божіихъ разнымъ богоугоднымъ людямъ. Съ общаго совѣта въ городахъ навначей былъ трехдневный постъ, дабы достойно приготовиться къ великому подвигу спасенія погибавшей отчизны. Общій духъ патріотизма и горячей вѣры уже одушевилъ гражданъ; оставалось только положить начало движенію и оно не замедлило проявиться въ Нижнемъ-Новгородѣ. Граждане нижегородскіе сошлись на совѣтъ: «что намъ предпринять? Видимъ Московское государство совершенно смятеннымъ; многіе города въ запустѣніи, въ прочихъ смятеніе и всюду проникаютъ злодѣи, называющіе себя дѣтьми царскаго сѣмени, многіе непокорныя города плѣвили латиняне и царствующимъ городомъ Москвою завладѣли. Разсудимте, какъ мы можемъ избавиться отъ латинскаго насилія и какъ можемъ оказать помощь Москвѣ?» Совѣщанія продолжались нѣсколько дней. Наконецъ одинъ изъ гражданъ Нижняго-Новгорода, по ремеслу говядарь (мясной торговецъ), именемъ Кузьма Миничъ по прованію Сухоруковъ выступилъ на средину собранія и громкимъ голосомъ воскликнулъ: «граждане, мужи! Внемлите словамъ моимъ: великое дѣло вы хотите предпринять и если Богъ поможетъ, успѣете въ немъ, а послѣ стяжете великую славу и похвалу отъ всей страны за то, что отъ такого малаго города совершится великое дѣло. Я увѣренъ въ томъ, что по почину нашему многіе города ополчатся. Но намъ нужно для спасенія вѣры и отечества не пощадить ни женъ, ни дѣтей своихъ, не только что имущества, и, найдя честнаго и доблестнаго мужа, свѣдущаго въ ратномъ дѣлѣ, слезно просить его быть вождемъ намъ и предаться въ его волю» (*). Этою рѣчью Ковьмы воодушевились всѣ граждане, какъ одинъ челоувѣкъ, и стали изыскивать храбраго и че-

(*) Новый лѣтописецъ, стр. 145.

стнаго мужа въ вожди себѣ. Всѣ согласились избрать наставникомъ и предводителемъ кн. Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Къ нему отправили архимандрита Печерскаго монастыря Феодосія съ лучшими избранными мужами просить притти и принять власть надъ ними. Кн. Пожарскій жилъ въ 120 верстахъ отъ Нижняго въ Суздальской области, оправляясь отъ ранъ, полученныхъ имъ ранѣе въ бояхъ. Пожарскій съ радостью принялъ это предложеніе и посоветовалъ гражданамъ избрать изъ среды своей лицо для завѣдованія казною, указавъ на Козьму Минича Сухорукаго, какъ на человѣка знакомаго съ этимъ дѣломъ. По слову князя Пожарскаго Козьма Миничъ былъ избранъ гражданами для завѣдованія казною. Вокорѣ прибылъ въ Нижній-Новгородъ и князь Пожарскій. Нижегородцы съ почетомъ встрѣтили его и вскорѣ начали составляться рати. Кн. Пожарскій рассылаетъ въ поновскіе и поморскіе города грамоты съ просьбой присылать помощь и денегъ ратнымъ людямъ. Скоро въ Нижній собрались ратные люди изъ многихъ мѣстъ и свезли большое количество казны. Поляки въ Москвѣ, слышавъ о сборѣ ратей въ Нижнемъ Новгородѣ, требовали отъ патріарха Гермогена, чтобы онъ запретилъ ратямъ идти къ Москвѣ. Но Гермогенъ напротивъ благословилъ это доброе начинаніе и поляки за то уморили его голодомъ въ темницѣ. Начался уже 1612 г. Въ концѣ января въ Костромѣ и Ярославлѣ явились грамоты отъ московскихъ бояръ съ увѣщаніемъ отложиться отъ Заруцкаго и быть вѣрными Владиславу, такъ какъ Трубцкой и Заруцкій стоятъ подъ Москвою на христіанское кровопролитіе и всѣмъ городамъ на конечное раззореніе: казаки изъ ихъ таборовъ непрестанно ѣздятъ по городамъ, грабятъ, проливаютъ кровь христіанскую и чинятъ разныя насилія. Казаки дѣйствительно враждебно отнеслись къ Нижегородскому ополченію, зная что съ прибытіемъ его должны будутъ прекратиться ихъ грабительства и разбои. Въ Нижній принесена была вѣсть, что предводитель казаковъ Заруцкій послалъ на Ярославль

многихъ казаковъ, и Андрой Просовецкій идетъ съ ратными людьми занять Ярославль, чтобы не допустить нижегородцевъ соединиться съ ярославцами и ратями другихъ городовъ. Но нижегородцы предупредили казаковъ, отправивъ воеводу съ ратными людьми занять Ярославль прежде прибытія Андрея Просовецкаго. Между тѣмъ Пожарскій и Козьма Мининъ двинулись со всеѣмъ ополченіемъ въ путь по Волгѣ. Пришедъ въ Балахну, исполнили здѣсь свою казну и пошли далѣе въ Юрьевецъ, гдѣ также были приняты съ честью и получили вспоможеніе деньгами. Изъ Юрьевца ополченіе направилось къ Рѣшимъ. Здѣсь узнали о появленіи новаго самозванца во Псковѣ и о томъ, что ополченіе, стоявшее подъ Москвой, цѣловало ему крестъ. Заруцкій и Трубецкой прислали къ Пожарскому и Минину сказать: прельстились мы, что цѣловали крестъ самозванцу во Псковѣ, а нынѣ опять мы все цѣловали крестъ, чтобы всеѣмъ православнымъ христіанамъ быть въ единомысліи и чтобы вы шли въ Москву безъ опасенія. Пожарскій и Мининъ съ недоуміемъ приняли это распаніе казаковъ и отпустили пословъ, сказавъ: «мы не имѣемъ никакого опасенія, но всю надежду возлагаемъ на Бога и вскорѣй прибудемъ къ Москвѣ». Изъ Рѣшмы ополченіе прибыло въ Кинешму и тамъ къ подмогу взяли казны. Изъ Кинешмы двинулись къ Костромѣ. Многіе жители Костромы встрѣтили рать въ Плесѣ и возвѣстили кн. Пожарскому, что воевода ихъ Иванъ Шереметьевъ не хочетъ пускать ополченіе въ городъ, оставаясь вѣрнымъ Владиславу. Кн. Пожарскій и Мининъ рѣшили идти въ Кострому и вскорѣй заняли посадъ города. Костромичи раздѣлились на двѣ части: иные были на сторонѣ воеводы, оставаясь вѣрными Владиславу, другіе на сторонѣ ополченія. Последнихъ было больше и они возстали на воеводу своего, говоря: зачѣмъ ты одинъ хочешь возмутить весь народъ? Мининъ Шереметьева воеводства, едва не убили его; его ошачъ кн. Пожарскій. Костромичи просили у Пожарскаго другаго воеводу и ошъ далъ имъ кн. Романа Гагарина:

и дьяка Андрея Подлѣсова. Тогда пришли въ Кострому послы изъ Суздаля просить у Пожарскаго воеводъ съ ратными людьми, дабы Просовецкій съ казаками не раззорилъ Суздаля. Кн. Пожарскій отправилъ въ Суздаль кн. Романа Пожарскаго съ нижегородскими и балахонскими стрѣльцами. Костромичи, снабдивъ ополченіе деньгами, съ честію проводили его къ Ярославлю. Сюда стали стекаться изъ разныхъ городовъ ратные люди и привозить казну. Между тѣмъ изъ Ярославля были разосланы по городамъ грамоты. Граждане приглашались прислать всякаго состоянія людей, выбранныхъ по два человѣка для общаго совѣта, какъ бы намъ въ нынѣшнее бѣдственное время быть не безгосударными, выбрать бы общимъ совѣтомъ государя, чтобы московское государство въ конецъ не раззорилось, но чтобы впередъ стояло крѣпко и неподвижно. Извѣщалось въ грамотахъ и о появленіи во Псковѣ самозванца Сидорки и что казаки подъ Москвою присягнули ему. Поэтому вожди ополченія просятъ горожанъ отписать отъ себя подъ Москву въ полки, чтобы отъ вора Сидорки отстали и съ нами и со всею землею розни не чинили. Нижегородцамъ нельзя было тотчасъ предпринять походъ изъ Ярославля къ Москвѣ, такъ какъ казаки заняли нѣкоторые окрестные города и разбойничали по областямъ. Кромѣ того шведы заняли Тихвинъ. Тогда вожди рѣшили отправить рать противъ казаковъ, а шведовъ склонить къ миру. Въ то же время были разосланы грамоты въ украинскіе города съ предложеніемъ отстать отъ самозванца и прислать выборныхъ отъ себя для общаго совѣта, какъ намъ бороться съ общими врагами и выбрать государя всею землею. Подобныя грамоты были посланы и въ Сибирь. Въ то время начались переговоры со шведами. Ополченіе уже стало собираться въ походъ изъ Ярославля, какъ открылся заговоръ на жизнь кн. Пожарскаго. Подсланы были Заруцкимъ казаки съ цѣлію убить Пожарскаго. Казаки придумывали разные способы и наконецъ рѣшили умертвить его гдѣ нибудь на дорогѣ въ тѣснотѣ. Въ сѣзжей избѣ у

дверей подстерегли заговорщики вн. Пожарскаго и казакъ Степанъ, пользуясь тѣснотой, хотѣлъ ударить ножемъ въ животъ князю, но промахнулся и ударилъ по ногѣ своего соумышленника Романа. Заговоръ былъ раскрытъ и злоумышленники были разсланы въ города по тюрьмамъ. Но ополченію медлить было нельзя, такъ какъ пришла вѣсть о приближеніи пана Ходѣвича къ Москвѣ, и Пожарскій отправляетъ передовые отряды, а чрезъ нѣсколько дней двинулось и все ополченіе изъ Ярославля. напутствуемое молитвой и благословеніемъ духовенства и гражданъ. 18 августа ополченіе выступило изъ Троицко-Сергіевскаго монастыря и, не дойдя 5 верстъ до Москвы, остановилось на р. Лузѣ. Трубецкой призывалъ Пожарскаго къ себѣ въ станъ, но воевода и ратные люди отвѣчали отказомъ быть вмѣстѣ съ казаками. Такимъ образомъ подъ Москвой стояли два ополченія, имѣвшія по видимому общую цѣль вытѣснить изъ столицы враговъ, между тѣмъ сами враждебныя другъ другу.

21 августа пришла вѣсть о движеніи Ходѣвича изъ Вязьмы къ Москвѣ, а вечеромъ того же дня полки уже были на Цоклонной горѣ. 22 августа Ходѣвичъ напалъ на Пожарскаго; произошелъ кровопролитный бой, грозившій окончиться гибелью для Пожарскаго, такъ какъ Трубецкой съ казаками спокойно смотрѣли и не принимали участія въ бою. Но сотни ополченцевъ, отправленныхъ ранѣе Пожарскимъ въ станъ Трубецкаго, не могли оставаться спокойными и поспѣшили на помощь къ князю. Къ нимъ присоединились и нѣкоторые благонамѣренные казаки. Эта помощь выручила изъ бѣды Пожарскаго; Ходѣвичъ отступилъ. Между тѣмъ поляки сдѣлали нѣсколько удачныхъ вылазокъ изъ Китая-города. Ходѣвичъ же употребилъ все усилія пробиться къ городу по Замоскворѣчью. Поляки одолѣвали русскихъ; Заруцкій и Трубецкой съ казаками ушли за рѣку. Въ виду неуспѣха, Пожарскій и Мининъ послали за келаремъ Авраміемъ Палицынымъ и просили его уговорить казаковъ идти на поляковъ и не

пропускать запасовъ въ Кремль. Казаки одушевились убѣжденіями Палицына и двинулись на враговъ. Къ нимъ присоединился и Пожарскій съ своимъ ополченіемъ и враги были оттѣснены. Въ это время Мининъ съ тремя дворянскими сотнями устремился на другой отрядъ поляковъ у крымскаго двора. Поляки не выдержали натиска и отступили къ Воробьевымъ горамъ. Итакъ общими усиліями Ходкѣвичъ былъ отраженъ и къ засѣвшимъ въ Кремль полякамъ не было пропущено припасовъ. Теперь нужно было очистить Кремль отъ враговъ. Но между вождями ополченій опять произошли рознь и несогласіе. Важно было удержать казаковъ подъ Москвою, которые между тѣмъ волновались и кричали, что они голодны и холодны. Въ эту рѣшительную минуту опять является на помощь духовенство. Архимандритъ Троицкаго монастыря Діонисій созываетъ свою братію для совѣщанія: что дѣлать? Денегъ въ монастырѣ нѣтъ, чтобы послать казакамъ и убѣдить ихъ не расходиться отъ Москвы. Рѣшили послать казакамъ сокровища церковныя, ризы и другую церковную утварь и написали имъ убѣдительную грамоту. Казакамъ совѣстно показалось брать церковныя вещи и они отослали ихъ вазадъ, а сами обѣщались не уходить отъ Москвы. Наконецъ и несогласія между вождями ополченій уладились и 22 октября казаки пошли на приступъ и взяли Китай городъ. Но въ Кремль поляки держались еще мѣсяцъ. Доведенные голодомъ до изнеможенія, они вступили въ переговоры съ ополченіемъ, прося объ одномъ только: сохранить имъ жизнь. Началось очищеніе Кремля. Поляки сперва выпустили бояръ, томившихся съ ними въ Кремль, въ числѣ которыхъ былъ и Иванъ Никитичъ Романовъ съ племянникомъ Михаиломъ Феодоровичемъ и матерью послѣдвяго Марфою Ивановною. На другой день сдались и поляки съ предводителемъ своимъ Струсемъ. 27 ноября ополченія съ крестнымъ ходомъ вступили въ Китай городъ и сошлись у Лобнаго мѣста, гдѣ архимандритъ Діонисій началъ служить молебенъ. Между тѣмъ изъ Кремля по-

казался другой крестный ходъ съ архіепископомъ Арсеніемъ. Послѣ общаго молебствія всѣ двинулись въ Кремль, оскверненный предъ тѣмъ врагами, и обѣднею и молебномъ въ Успенскомъ соборѣ кончили великое торжество спасенія столицы и Руси отъ враговъ, подобное тому, какое повторилось ровно чрезъ два вѣка, въ 1812 г.—Очистивъ Москву отъ поляковъ, приступили къ избранію новаго царя и общимъ голосомъ на соборѣ 21 февраля 1613 г. нарекли юнаго Михаила Феодоровича Романова.

Дополненіе къ исторіи Костромы и Галича XIV вѣка.

Благодаря любезности достопочтевнаго Павла Ивановича Андронникова, доставившаго намъ въ рукописи краткую лѣтопись Воскресенскаго монастыря, что у Соли галицкія, мы могли подробно ознакомиться съ содержаніемъ этой лѣтописи, которую, впрочемъ, имѣлъ Карамзинъ и заподозрилъ достовѣрность ея сказаній о событіяхъ XIV в. Тѣмъ не менѣе событія XV в. изложены въ этой лѣтописи хотя кратко, но правильно, за исключеніемъ нѣсколькихъ анахронизмовъ. Въ сказаніяхъ, относящихся къ XIV в., очевидна поздняя выдумка, вапр. подъ 1355 г. уже упоминается объ огневномъ боѣ, т. е. объ огнестрѣльвыхъ орудіяхъ, которыя князь Андрей хотѣлъ будто бы поставить на стѣнахъ острога у Воскресенскаго монастыря, между тѣмъ огнестрѣльное оружіе употреблялось въ Россіи до 1389 г., когда вывели къ намъ изъ земли нѣмецкой арматы и стрѣльбу огненную (*). Въ княженіе Василя Дмитріевича умѣли уже дѣлать порохъ въ Москвѣ, гдѣ отъ этого сгорѣло нѣсколько дворовъ.

Не придавая полнаго довѣрія сказаніямъ лѣтописи Воскресенскаго монастыря у Соли галицкія и не внося потому ихъ въ текстъ нашего историческаго очерка, мы тѣмъ не менѣе изложимъ подробно, въ видѣ дополненія къ предыдущей статьѣ, содержаніе ея

Въ 1332 г. пріѣхали изъ орды русскіе князья съ пожалованіемъ отъ хана удѣловъ: князь Семень Ивановичъ получилъ Кострому и Галичъ. Черезъ годъ онъ умеръ, оставивъ двухъ сыновей: Феодора и Андрея. Князю Феодору достался Галичъ, а Андрею Кострома. Послѣдній женился на дочери ветлужскаго и хлыновскаго князя Никиты Ивановича Байбороды. Братья разсорились между собою, ѣздили на судъ къ кн. Киевскому и Москов-

(*) Карамз. т. V, гл. 1.

скому и затѣмъ примирились. Московскій князь особенно жаловалъ Θεодора (*). Въ это время игумень печерскій Даниилъ съ учениками возвратился изъ путешествія на Аѳонъ, въ Іерусалимъ и во многія святыя мѣста. Кн. Θεодоръ Семеновичъ ходилъ къ Даниилу на благословеніе и просилъ у него одного изъ учениковъ старца въ свою отчину на игуменство. Игумень Даниилъ, благословивъ его, далъ ему ученика св. Аѳанасія и съ нимъ двухъ старцевъ Романа да Тихона. Митрополитъ московскій, по просьбѣ кн. Θεодора, благословилъ Аѳанасія на игуменство въ Галичъ ко св. Спасу. Аѳанасій у своего двора устроилъ монастырь съ восемьюдесятью иноками и жилъ здѣсь у св. Спаса 3 года. Въ 1335 г. наканунѣ перваго дня св. Пасхи было явленіе князю Θεодору Семеновичу и игумену Аѳанасію. Отслушавъ Дѣянія Апостоловъ, они пошли въ свои хоромы. Едва вышли на паперть, какъ увидали необыкновенный свѣтъ съ югозападной стороны въ видѣ зари. Князь Θεодоръ сказалъ игумену Аѳанасію: «отецъ мой духовный! Что значить это знаменіе?» Слышенъ былъ и голосъ съ неба: «держай, княже! Богъ знаетъ желаніе твое». Князь и бывшіе съ нимъ пришли въ неописанный страхъ. Игумень такъ истолковалъ это видѣніе: «Богъ хочетъ это мѣсто осѣнить благодатію своею». Когда видѣніе исчезло, всѣ разошлись; князь ушелъ въ свой дворецъ, а игумень въ церковь. Въ четвергъ на святой недѣлѣ, когда князь шелъ въ церковь св. Спаса, былъ громъ и потомъ явился столбъ на той же югозападной сторонѣ неба. Князь, пришедъ въ церковь, началъ со слезами молиться предъ образомъ господнимъ и по окончаніи божественной службы повѣдалъ о видѣніи духовнику своему игумену Аѳанасію. Князь Θεодоръ, по-

(*) Карамзинъ, въ примѣчаніи 327 къ IV т., гл. IX, всю эту повѣсть считаетъ за позднюю сказку, князей, здѣсь упомянутыхъ, считаетъ не дѣйствительными, а выдуманными лѣтописцемъ. Кромя того не допускаетъ возможности враждующимъ князьмъ бѣжать на судъ особенно къ Кіевскому князю. Дѣйствительно, въ полныхъ спискахъ лѣтописей мы не встрѣчали ни одного изъ упомянутыхъ здѣсь князей.

совѣтовавшись съ духовникомъ, князьями и боярами, рѣшилъ отправиться въ ту сторону, гдѣ видѣнъ былъ свѣтъ и повелѣлъ созывать окрестныхъ жителей. Но ему сказали, что страна та необитаема и покрыта лѣсомъ. Князь отправился туда и встретилъ на пути озеро Чудское, потому что около него жило племя Чудь. Въ лѣсу князь съ своими спутниками встрѣтилъ нѣкоего человѣка, именемъ Гавріила Давидова изъ Твери. Князь спросилъ его: почему онъ пришелъ сюда изъ Твери? Гавріиль отвѣчалъ, что его хотѣлъ убить князь тверскій и домъ его разграбилъ. Тогда онъ ушелъ въ этотъ лѣсъ, оставивши семью изъ 8 сыновей и 16 дочерей. Князь разсказалъ Гавріилу о своемъ видѣніи. Гавріиль же сказалъ, что онъ живетъ въ 4 верстахъ отъ сего мѣста, на что князь сказалъ ему: живи ты тамъ и до вѣка. Князь Феодоръ прибылъ на то мѣсто, гдѣ жилъ Гавріиль, на рѣку, имени которой онъ не зналъ. Князь послалъ своихъ людей внизъ по рѣкѣ и они прибыли къ городу Костромѣ. По возвращеніи они сказали князю, что имя рѣки той Кострома. Тогда кн. Феодоръ, по совѣту духовника, князей и бояръ, рѣшилъ построить на томъ мѣстѣ церковь Воскресенія Христова, такъ какъ онъ видѣлъ свѣтъ въ Воскресенье (*) Здѣсь князь Феодоръ устроилъ монастырь; самъ и всѣ бояре его начали рубить и готовить лѣсъ. Они 6 іюля начали строить церковь, а къ Ильину дню она уже была воздвигнута высотой въ 33 сажени, такъ что видна была изда- лека. Украсивъ церковь св. иконами, кн. Феодоръ поставилъ надъ новымъ монастыремъ игуменомъ Афанасія, а келаремъ Романа. Вскорѣ князь Феодоръ сталъ населять окрестность монастыря крестьянами изъ своихъ вотчинъ и изъ иныхъ. Самъ жилъ здѣсь 5 слишкомъ мѣсяцевъ и потомъ часто пріѣзжалъ на богомолье въ новую Воскресенскую обитель, даровалъ ей села и волости, далъ ей двѣ трети Чудскаго озера, четверть Галицкаго озера.

(*) Раньше упоминалось, что явленіе свѣта князю и игумену было наканунѣ перваго дня св. Пасхи.

рыбныя ловли въ окрестныхъ рѣкахъ и богато дарилъ инокѡвъ. Въ 1341 г. князь Ѳеодоръ Семеновичъ скончался въ обители св. Воскресеня, принявъ предъ кончиной монашество и имя Ѳеодосія. Послѣ него остался сынъ Андрей 12 лѣтъ. Князя Ѳеодора Семеновича отвезли во Владиміръ, гдѣ и похоронили въ соборномъ храмѣ. Кн. Ѳеодоръ завѣщалъ сыну своему Андрею давать Воскресенской обители села и волости. Князь Андрей часто ѣздилъ въ святую обитель, благодѣлалъ ей всяческими дарами и приношеніями. Въ 1350 г. у князя Андрея родился сынъ Іоаннъ, нареченный въ св. крещеніи Василиемъ. Въ 1351 г. неожиданно напалъ на галицкаго кн. Андрея кн. Никита Ивановичъ. Богъ помогъ князю Андрею и онъ прогналъ Никиту въ дремучіе лѣса за р. Ужю. Въ 1352 г. князь Андрей Ѳеодоровичъ отправилъ пословъ на Ветлугу къ князю Никитѣ Ивановичу и на Кострому къ дядѣ своему кн. Андрею Семеновичу, чтобы тѣ возвратили ему его вотчины. Кн. Никита и кн. Андрей Семеновичъ пословъ его ограбили и ему велѣли сказать: не видать тебѣ своихъ вотчинъ во вѣки. Кн. Андрей Ѳеодоровичъ съ большой ратію ходилъ и выжегъ тѣ вотчины.

Въ 1354 г. кн. Никита Ивановичъ приходилъ съ луговою Черемисою на галицкаго князя Андрея Ѳеодоровича и кн. Андрей Никиту прогналъ, а Черемисъ побилъ на голову.

Въ 1355 г. пріѣзжалъ кн. Андрей Ѳеодоровичъ въ Воскресенскій монастырь молиться и совѣтовался съ игуменомъ и иноками, чтобы поставить около монастыря острогъ для воинскихъ людей и *снарядъ даль ошнenny бой* и всякія воинскія принадлежности; начальникомъ поставили боярина Ивана Васильевича Золотарева. Обитель Воскресенія была снабжена всякими благами. Всѣхъ инокѡвъ было 324 человекъ. Монастырю было дано много угодій и мельницъ. Слава о св. обители привлекла къ ней многихъ изъ далекихъ странъ и приходили и постригались въ ней. Но врагъ діаволъ по зависти и злобѣ вложилъ въ сердце князей

Никиты и Андрея желаніе раззорить эту обитель.

Въ 1358 г. приходилъ князь Андрей Семеновичъ на галицкаго князя Андрея Феодоровича войною, а кн. Никита неожиданно напалъ на Воскресенскую обитель. Кн. Никита былъ разбитъ, кн. Андрей костромской былъ прогнанъ, а людей избилъ до 3 тысячъ.

Въ 1360 г. кн. галицій Андрей Феодоровичъ собралъ большую рать и пошелъ войною на костромскаго князя; пожегъ посады около Костромы и людей побилъ.

На помощь костромскому князю пришелъ кн. Никита Ивановичъ. Враги сошлись въ Суздаль, гдѣ произошелъ бой. Кн. Андрей разбилъ Никиту.

Въ 1362 г. кн. Никита приходилъ войною на кн. Андрея на Галичь и воевали три недѣли. Сынъ князя Никиты Гавриилъ былъ убитъ, другой—Юрій былъ взятъ въ плѣнъ. У костромскаго князя Андрея сынъ Дмитрій былъ убитъ. Всѣхъ людей было избито и взято въ плѣнъ до 400 человекъ.

Въ 1366 г. приходили суздальскіе воеводы Даниилъ Борисовичъ, кн. Юрій Васильевичъ, кн. Михаилъ Дмитриевичъ, племянникъ князя Никиты Хлыновскаго и бились съ княземъ Андреемъ галицкимъ на р. Венацѣ на устьи у св. Николы. Кн. Даниилъ былъ убитъ, а князь Михаилъ раненъ. Всѣхъ людей было убито 1300 человекъ.

Въ 1372 г. пришли на галицкаго князя Андрея Феодоровича многіе удѣльные князья: кн. Никита Ивановичъ съ Ветлуги, кн. Андрей съ двумя сыновьями, суздальскій князь Юрій Васильевичъ съ большою силою, казанскій воевода Айбертъ Зерновѣвичъ, да луговая черемиса; кн. Андрей Семеновичъ и кн. Юрій пришли подъ Галичь. Кн. Никита пришелъ съ погайскими воеводами и съ луговою черемисою на рубежъ, потомъ пошелъ Унжею вверхъ, изъ Унки Вагою вверхъ и подступилъ неожиданно къ Воскресенскому монастырю. Три дня бились здѣсь и поганые стали одождать. Слуги и крестьяне того монастыря, увидавъ, что острогъ

ихъ будеть взятъ и они будутъ побиты, послали къ врагамъ подарки. Кн. Никита и ногайскіе воеводы дары отъ нихъ привяли, но велѣли имъ изъ острога съ женами и дѣтьми выйти. Тогда игумень съ братією призвалъ ихъ въ церковь и началъ увѣщавать словами свящ. писанія защищаться; если, присовокупили иноки, мы умремъ, то мученическою смертію. Кн. Никита и Ногайцы, убѣдившись, что слуги и крестьяне рѣшили мученически умереть за истинную вѣру и за св. обитель, требовали, чтобъ они оставили острогъ. Но когда они вышли, то были всѣ избиты. Враги зажгли острогъ. Иноки, возложивъ на себя скину и причастивъ мірскихъ людей, приготовились къ смерти. 18 Августа враги зажгли обитель и всѣхъ людей въ обители избили, захвативъ большое богатство. Волости и села около монастыря пожгли, а жителей поплѣнили. Кн. Андрей Семеновичъ съ кн. Юріемъ Андреевичемъ погнались на Ветлугу подъ Хлыновъ. Въ то время пришелъ кн. Никита и его не выдалъ, а Андреевы воины поймали языковъ и привели ихъ въ станъ къ князю Андрею галицкому, мучили ихъ и пытали: что у васъ за прибылые люди появились? Языки сказали: кн. Никита Воскресенскій монастырь выеволавъ и выжегъ. Услыхавъ о томъ, кн. Андрей Теодоровичъ ирѣхадъ на мѣсто Нагорское и не увидѣлъ церкви Воскресенія Христова; повалившись съ коня, началъ плакать и рыдать и понесди его на носилкахъ. Послали къ Спасу за игуменомъ Иларіономъ. Игумень ирѣхалъ съ священниками и дьяконами. Собранъ мертвыхъ, они потребли ихъ. Съ того времени запустѣлъ монастырь Воскресенскій. Богъ наказалъ князя Никиту: пришла на его землю болѣзнь корчевная; жители всѣ вымерли и уничтожился Хлыновъ городъ. Далѣе въ лѣтописи съ 1429 г. по 1461 г. излагаются тѣже событія, которые содержатся и въ помныхъ спискахъ лѣтописей, только въ болѣе краткомъ видѣ. Въ концѣ лѣтописи подъ 1663 и 1664 г. гг. изложены событія, относящіяся къ исторіи Воскресенской обители, именно объ обрѣтеніи здѣсь мощей.

Вотъ все содержаніе этой кратенькой лѣтописи Воскресенскаго монастыря, что у Соли галицкія. Очевидно, что цѣль составителя этой лѣтописи была та, чтобы составить повѣсть о вачалѣ Воскресенской обители и вотъ составлена такая повѣсть съ небывалыми князьями галицкими и костромскими. Мы уже видѣли изъ предыдущаго, что въ началѣ второй половины XIV в. въ Галичѣ княжилъ не Андрей Феодоровичъ, какъ говорится въ этой лѣтописи, а одинъ изъ потомковъ Константина Ярославича, перваго галицкаго князя, кн. Дмитрій, который былъ вскорѣ изгнанъ изъ Галича Дмитріемъ Донскимъ. Раньше этого Галичъ былъ купленъ Калитою у одного изъ потомковъ Константина. Ветлужскихъ или хлыновскихъ князей не было. Хлыновъ былъ владѣніемъ новгородскимъ. Костромскихъ князей: Семена, Андрея не было, такъ какъ въ полныхъ спискахъ лѣтописей ни разу о нихъ не упомянуто. Тѣмъ не менѣе событія XV в. изложены согласно съ сказаніями о нихъ остальныхъ лѣтописей. Повѣствованія о событіяхъ XIV в. въ этой лѣтописи составляютъ по нашему мнѣнію любопытную позднѣйшую поддѣлку подъ лѣтописныя сказанія, что изобличается указаннымъ нами ранѣе анахронизмомъ относительно огненнаго боя.

Дополненіе къ исторіи Костромы XVI и начала XVII вв.

Въ дополненіе къ исторіи Костромы XVI и начала XVII вв. приводимъ копіи съ княжескихъ и царскихъ жалованныхъ грамотъ:

Жалованная и судная грамота Великаго Князя Василія III-го отъ 1533 г. (), данная Михаилу Ильину Гиневлеву.*

„Мы великій государь Василій, Божією милостію государь всея Руси и великій князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, государь всея Руси и великій князь пожаловалъ еомъ Михаила Ильина сына Гиневлева въ Костромскомъ уѣздѣ въ Троицкой трети своего великаго князя деревнями черными: деревнею Дьяконовымъ, деревнею Полежаевымъ, что сѣли тѣ деревни на лѣсу на черномъ послѣ писцовъ, а съ тяглыми деревнями съ черными тѣ деревни и волости тянули, да въ Троицкой же трети деревнями черными новыми жъ, что садились на лѣсѣхъ послѣжъ писцовъ, а съ тяглыми деревнями съ черными тѣ деревни и волости не тянули, деревнею Осиновцою, деревнею Вѣлчиковымъ, деревнею Феодориковою на рѣчкѣ на Хмѣлевицѣ, деревнею (**), деревнею Якуни Еремина, деревнею Сосновскою, деревнею Взглядною на рѣчкѣ на Ковжѣ, деревнею Раменскою, деревнею Добрѣйцовымъ, деревнею Яковцевымъ, деревнею Ловковымъ Займищемъ верхъ рѣчки Соти, деревнею Зыбалцевымъ Заболотьемъ, деревнею Хмѣлевицей, деревнею Слудой на рѣчкѣ на Учѣ, деревнею Буделцовымъ, деревнею Сусоловымъ, деревнею Зарѣчнымъ, пустошью Пѣшинскою, пустошью Охлябинымъ съ помѣстьемъ со всѣмъ, что къ тѣмъ деревнямъ и пустошамъ потягло.

(*) Последній годъ княженія Василія III-го.

(**) Названіе не разборчиво въ рукописи.

Отдѣлъ грамоты судный: «И кто у него въ тѣхъ деревняхъ и на пустошахъ учнетъ жити людей и намѣстницы наши бостромскіе и волостели и ихъ тіуни тѣхъ его людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ, ни кормовъ своихъ на нихъ не емлють и не всылають къ нимъ ни почто, а праведчики и доводчики поборовъ своихъ у нихъ не берутъ и не възжають къ нимъ ни почто, а вѣдаетъ и судить тѣхъ своихъ людей Михайло самъ во всемъ или кому прикажетъ, а случится судъ оиѣсный тѣмъ его людямъ съ городскими людьми или съ волостными и намѣстницы наши и волостели и ихъ тіуни тѣхъ его людей судятъ, а Михайлъ и его приказчикъ съ ними же судить, а присудомъ (*) дѣлятъ на полы. А кому будетъ чего испать на Михайлѣ или на его приказчикѣ, ино ихъ сужу язъ князь великій или мой бояринъ введенный. Писана на Москвѣ гѣта $\frac{7041}{1533}$ августа 2 дня».

Жалованная и судная грамота, данная Великимъ Княземъ Иваномъ IV-мъ Васильевичемъ въ 1546 г. Михаилу Ильину Гиневлеву.

„Мы великій государь Иванъ, Божіею милостию государь всея Руси и великій князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, государь всея Руси и великій князь пожаловалъ есмь Михаида Ильина сына Гиневлева въ Бостромскомъ уѣздѣ въ Троицкой трети сельцемъ Дьяковымъ, деревнею Оввинищемъ, деревнею Федорковымъ Захарова на Хмелевицѣ, деревнею Суслецовымъ, деревнею Хмельвидею, деревнею Слудю на рѣчкѣ на Учѣ, деревнею Вырванцовою, деревнею Буделцовымъ, деревнею

(*) Прасудъ стар. слово въ значеніи—доплата за рѣшеніе дѣла.

Яковцевымъ, деревнею Кобылинною, починкомъ Вешнековымъ, деревнею Заболотьемъ, деревнею Полежаевою на рѣчкѣ на Соти, починкомъ... (неразборчиво), починкомъ Кривцовымъ, починкомъ Сосновкомъ, деревнею за рѣчкою на Соти, деревнею Холмцомъ, деревнею Барановымъ починкомъ, деревнею Добродѣйцовымъ, починкомъ Косейкинымъ, деревнею Велчуковою на рѣчкѣ на Хмѣльницѣ, починкомъ Черницынымъ, починкомъ Остѣйковымъ, починкомъ Попковымъ, что тѣ починки даны Михайлу въ обмѣнъ противъ его деревень, деревнею Сѣновицею, да деревнею Кунниковою, да пустоши Прокшины съ помѣстьемъ со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому селъцу и къ деревнямъ и къ починкамъ ивстари летягло.

И кто у него въ томъ селъцѣ и въ деревняхъ и въ починкахъ учнетъ жити людей и наши намѣстники костромскіе и волостели и ихъ тіуни, тѣхъ его людей не судятъ ни въ чемъ опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ, ни кормовъ своихъ на нихъ не емлютъ и не всылаютъ къ нимъ ни почто, а праведчики и доводчики поборовъ своихъ на нихъ не берутъ и не вѣзжаютъ къ нимъ ни почто, а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ людей Михайло самъ во всемъ или кому прикажетъ, а случится судъ смѣсный тѣмъ его людямъ съ городскими людьми, или съ волостными и наши намѣстники костромскіе и волостели и ихъ тіуни тѣхъ его людей судятъ, а Михайло или его приказчикъ съ ними не судятъ, а присудомъ дѣлятся на полы. А кому будетъ чего искать на Михайлѣ или на его приказчикѣ, ино ихъ сузу я князь великій или мой бояринъ введенный. Писана на Москвѣ лѣта 7054—1546 г. Генваря въ 29 день“.

При грамотѣ печать съ надписью на лицевой сторонѣ съ изображеніемъ двухглаваго орла: Иванъ князь Володимерскій, Московскій, Новгородскій и иныхъ; на оборотной сторонѣ съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца: Иванъ Божіею милостію Государь всея Россіи.

Се азъ царь и великій князь Феодоръ Іоанновичъ всея Россіи пожаловалъ есмь соборныя церкви Феодора Стратилата что на Костромѣ протопопа Алексѣя, да поповъ, попа Максима, попа Фалалея, попа Полиевкта, дьяконовъ Тихона да Григорія; или кто по нихъ у Феодора святаго иные протопопы, попы и дьяконы будутъ: что вы были челомъ и старую жалованную грамоту дѣда нашего в. кн. Василія Ивановича всея Россіи съ подписью на отца нашего царя и в. кн. Ивана Васильевича всея Россіи имя подали, для того, что та старая жалованная грамота ветха: и намъ бы Феодоровскаго протопопа Алексѣя съ братією или кто по немъ иныи протопопы и попы и дьяконы у тое церкви будутъ, пожаловати та дѣда нашего старая жалованная грамота велѣти переписать на свое цареву и великаго князя имя. И изъ царь и в. кн. Феодоръ Ивановичъ всея Россіи тое ихъ грамоты слушалъ и велѣлъ имъ ту ихъ старую жалованную грамоту переписать на свое цареву и в. князя имя, и далъ имъ сю свою жалованную грамоту такую же, какъ у нихъ въ старой жалованной грамотѣ было написано: наши намѣстницы Костромскіе и ихъ тіуны того протопопа и поповъ и дьяконовъ и пономаря и проскурницу и сторожей церковныхъ и ихъ людей и крестьянъ не судятъ ни въ чемъ опричь душегубительства и разбоя съ поличнымъ; ни кормовъ своихъ не емлютъ и не всмлаютъ къ нимъ ни почто, а праветчики и доводчики не вѣзжаютъ къ нимъ ни почто, ни поборовъ своихъ у нихъ ни иныхъ пошлинъ ни которыхъ не берутъ, а вѣдаетъ и судитъ пономаря и проскурницу сторожей церковныхъ и ихъ людей и крестьянъ протопопы Алексѣи съ братією сами во всемъ, или кому прикажутъ, а случится судъ смѣсный ихъ людямъ и крестьянамъ съ городскими людьми и станowymi или съ волостными или съ сельскими и наши намѣстницы и волостели и ихъ тіуны и посадскіе судятъ, а протопопы Алексѣи съ братією или ихъ приказчики съ ними же судятъ, а правъ будетъ или виноватъ ихъ

крестьянинъ, и онъ въ правдѣ или въ винѣ, протопопу Алексѣю съ братією или ихъ приказчику. А намѣстницы наши и волостени или тіуни или посадскіе у протопопа съ братією въ ихъ крестьянина ни въ праваго ни въ виноватаю не вступаются, а правъ будетъ или виновать городской челоувѣкъ и становой и волостной или сельской и онъ въ правдѣ и въ винѣ намѣстникомъ или волостелемъ и ихъ тіунамъ: а протопопъ съ братією или ихъ приказчикъ городского челоувѣка или волостнаго и въ сельскаго въ праваго ни въ виноватаго не вступаются: а кому будетъ чего искати на протопопѣ съ братією или на ихъ приказчикѣ то ихъ сузю азъ царь и вел. князь или мой дворецкой, а чего будетъ протопопу съ братією и ихъ людемъ и крестьянамъ на комъ искать, или кому будетъ чего искати на протопопѣ и на понахъ и на дьяконахъ и на проскурницѣ и на пономарѣ и на сторожахъ церковныхъ и на ихъ людѣхъ и на крестьянѣхъ, и азъ имъ далъ своего пристава даннаго пѣвчего дьяна Василия Потапова, и онъ бы ихъ и по нихъ ѣздитъ съ моею царя и велик. князя приставною, даетъ ихъ на поруки, да чинитъ имъ сроки стать предо мною царемъ и вел. княземъ, а опричь того даннаго моего пристава Василия Потапова инымъ приставамъ ни которымъ ѣздити есми по нихъ не велѣлъ, а кто по нихъ пріѣдетъ иной приставъ опричь того моего даннаго пристава Василия Потапова, и азъ имъ тѣмъ приставомъ на поруку давать не велѣлъ, а кто на нихъ накинеть срокъ сильно опричь того моего даннаго пристава Василия Потапова, и азъ къ тѣмъ срокомъ ѣздити не велѣлъ а кто и безсудную на нихъ дастъ и та безсудная не въ безсудную а боярскіе люди и намѣстничьи и тіуныи люди на пиры и на брачнины не званы къ нимъ не ѣздятъ, а кто къ нимъ на пиръ и на братчину пріѣдетъ не званъ, и они того выплюють вонъ безпенно, а не пойдетъ вонъ, а учнетъ у нихъ пити сильно, а учинится у нихъ тутъ какова гибель, и тому та гибель платитъ безъ суда и безъ правды: и кто на Бостромѣ

и въ Костромскомъ уѣздѣ во всѣхъ станѣхъ въ Плоскининѣ и въ Чижевѣ и въ Логиновѣ и въ Ондронниковѣ и въ Дуплеховѣ и въ Соти и въ Кулигѣ и въ Осеку и въ Борбодамѣ и въ Сушевскомъ и въ Вятскомъ и въ Мшискомъ и въ Хорутиковѣ и въ Иванчюшковѣ и въ Дмитрецовѣ и въ Ормяновѣ и въ Никольской слободѣ и въ волостяхъ и въ Костромскихъ въ Корегѣ и на Илдемеѣ въ трети и въ Троицыной трети и въ олужнѣ трети и въ Кодовариной трети и въ Чашницѣ пути и въ столничѣ пути въ Немотѣ и въ Сорохтѣ и въ Нерехтѣ и въ Борцинѣ и во Владычнѣ и въ волостяхъ въ Великой Соли, и въ Малой Соли и въ Подольскомъ дворцѣ и въ Шачеболи и въ Андомѣ и въ Немдѣ и въ Сидоровскомъ и въ Кукени и въ Писмѣ и въ Желѣзномъ Боржу и въ новыхъ городкахъ въ Киружской волости, въ Буѣ, Выдамѣ въ трехъ станѣхъ въ Любимѣ, въ Кобордамѣ, въ Судиславлѣ, въ моихъ царя и вел. князя селѣхъ (*) въ дворяцкихъ и въ митрополичьихъ селѣхъ и во владычныхъ и въ боярскихъ и монастырскихъ, учнутя женить дѣти боярскія и городскіе люди и боярскіе люди и крестьяне мол царя и велик. князя черные и митрополичьи и владычни и боярскіе и монастырскіе и они емлютъ знамена у протопопа Алексія съ братією по старинѣ а дають съ холостаго челоуѣка десять денегъ, а со вдовца два алтына, а которой игуменъ или попъ на Костромѣ и въ Костромскомъ уѣздѣ во всемъ вѣнчаетъ безъ ихъ знаменъ или которые дѣти боярскія городскіе люди и ихъ люди и крестьяне учнутъ вѣнчатися иныхъ городовъ въ уѣздѣхъ и азъ царь и великій князь протопопа Алексеѣя съ братією пожаловалъ далъ еси на тѣхъ игуменовъ и на поповъ и на дѣтей боярскихъ и на городскихъ людей и на боярскихъ людей и на крестьянъ на Кострому и во весь Костромской уѣздъ пристава дѣвчаго своего дьяка Василія Потапова, а велѣлъ еси ихъ давати на

(*) Отсюда видно что въ Костромской области была собственныя села царя вел. кн. Георгия Ивановича.

поруку да ставити передъ Костромскими городовыми приказчиками и на кого передъ приказчики протопопъ Алексѣй съ братією доведутъ и приказчики наши велятъ приставу Василю Потапову на томъ доправить заповѣди рубль, полтину на меня царя и великаго князя, а полтина протопопу съ братією, а что на Костромѣ на посадѣ Настасейна монастыря у игуменья съ сестрами отца нашего жалованная грамота велѣно вѣнчать ихъ Ризположенскому попу своихъ монастырскихъ людей и крестьянъ явивъ митрополичью десятильнику да соборнымъ попамъ и безнамени а опричь ему своихъ монастырскихъ людей и крестьянъ не вѣнчати никого: а въ Судиславлѣ у Преображенскаго попа и у дьякона наша жалованная грамота, а велѣно тому Преображенскому попу вѣнчати безъ десятильнича и безъ протопопова знамени городскихъ людей и сельскихъ свой приходъ, а отъ знаменъ имъ имати по соборному уложению съ холосца по алтыну а со вдовца по два алтына, да отдавать имъ тѣ вѣчныя пошлыны митрополичью десятильнику или Костромскому протопопу и соборнымъ попамъ по ихъ грамотѣ жалованной, а любимскіе и бугородскіе поны вѣнчаютъ свои же приходы и Настасейна монастыря попь по нашей жалованной грамотѣ вѣнчаютъ своихъ монастырскихъ людей и крестьянъ Настасейна монастыря, а опричныхъ людей не вѣнчаютъ, а преображенскіе что въ Судиславлѣ и любимскіе и бугородскіе поны вѣнчаютъ свои же приходы явивъ Костромскому протопопу съ братією, а отъ знаменъ емлютъ по соборному уложению съ холосца по алтыну, а со вдовца по два алтына, да тѣ вѣчныя пошлыны отдають Костромскому пречистенскому протопопу съ братією: а учнутъ Настасейна монастыря и преображенскіе что въ Судиславлѣ и бугородскіе и любимскіе поны и дьяконы вѣнчати опричныхъ людей, или судиславскіе и любимскіе и бугородскіе поны и дьяконы не учнутъ вѣчныя пошлыны на Кострому протопопу съ братією платити и на тѣхъ далъ есмь пристава того же своего пѣвчаго дьяка Василя Потапова, а велѣлъ

на нихъ заповѣди доправлять по рублю на человѣка, да тое заповѣди емлютъ на меня царя и великаго князя полтину а Костромскія соборныя церкви протопопу съ братією по ихъ жалованной граматѣ полтина же.—Дана грамота на Москвѣ лѣта 7094 сентября въ 15 день (т. е. 1586 г. по Р. Х.) Лѣта 7108 (1600 по Р. Х.) октября въ 6 день государь царь и великій князь Борисъ Феодоровичъ всея Россіи сее грамоты слушалъ а выслушавъ сию грамоту соборныя церкви Феодора Стратилата что на Костромѣ протопопа Алексія съ братією, или кто по немъ у той церкви иной протопопъ и поны будутъ пожаловалъ велѣлъ имъ сию грамоту подписати на свое государево цареву и великаго князя Бориса Феодоровича всея Россіи имя и сей у нихъ грамоты рудити не велѣлъ ни кому ни въ чемъ, а велѣлъ у нихъ ходити о всемъ потому, какъ въ сей граматѣ писано. Лѣта 7115 (1607 по Р. Х.) сентября въ 20 день государь царь и великій князь Василій Іоанновичъ всея Россіи сее грамоты слушалъ, а выслушавъ сию грамоту соборныя церкви Феодора Стратилата что на Костромѣ протопопа Алексія съ братією, или кто по нихъ у тое церкви иной протопопъ и поны будутъ, пожаловалъ велѣлъ имъ сию грамоту подписати на свое государево цареву и вел. князя Василія Іоанновича всея Россіи имя и сее у нихъ грамоту рудити не велѣлъ ни чьмъ никому, а велѣлъ у нихъ ходити о всемъ потому, какъ въ сей граматѣ писано.

Приведенная нами грамота царя Феодора Іоанновича во 1-хъ содержитъ въ себѣ точное опредѣленіе судопроизводства надъ людьми церковными и мірскими, опредѣляетъ случаи суда совѣстнаго духовныхъ и мірскихъ властей, во 2-хъ касается бытовыхъ чертъ и опредѣляетъ порядокъ совершенія браковъ и взиманія пошлинъ за нихъ.

Какъ видно изъ начала, эта грамота была в. кн. Василіемъ Іоанновичемъ, потомъ переписанная на имя царя Іоанна Васильевича Грознаго и темеръ вновь переписанная на имя царя Феодора:—

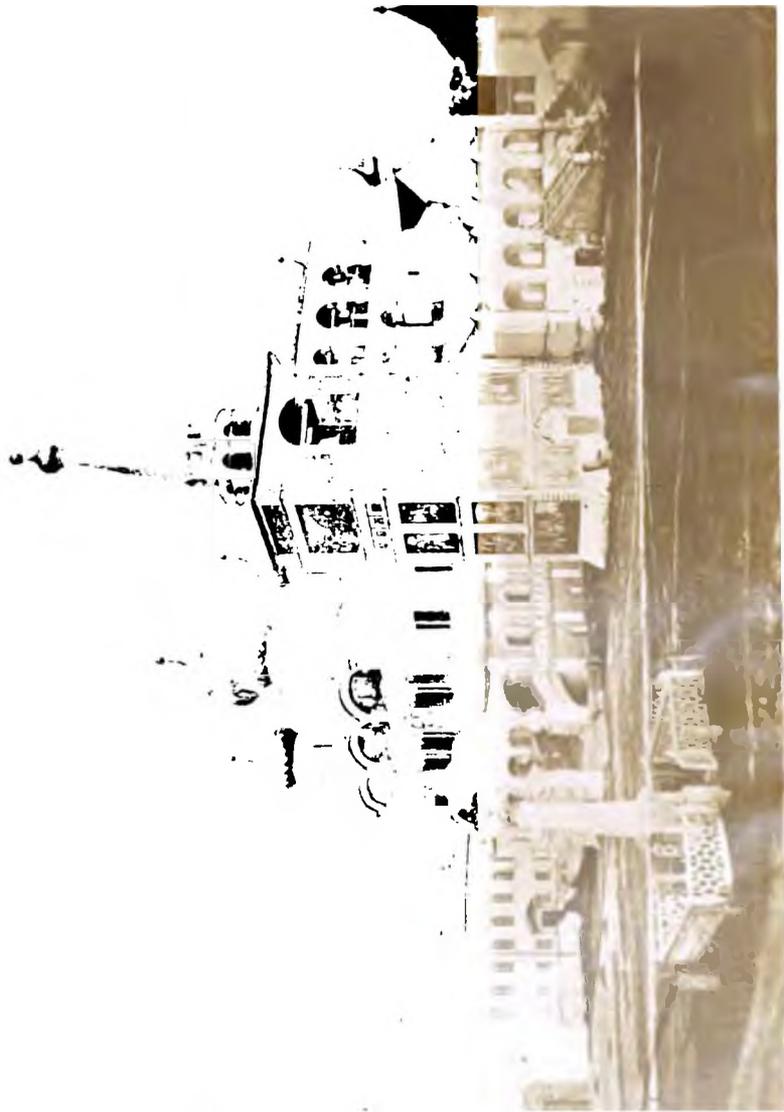
Прежде всего опредѣляется, что надъ духовными лицами на мѣстники царскіе и ихъ тіуны производятъ судъ только въ случаяхъ смертоубійствъ и разбоя, если разбойники будутъ пойманы съ поличнымъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ людей церковныхъ и крестьянъ ихъ судить самъ протопопъ съ братією, а мірскія власти не могутъ съ нихъ взыскивать никакихъ пошлинъ и поборовъ. Если случится судъ у людей или крестьянъ церковныхъ съ городскими или волостными или сельскими, тогда судъ совмѣстный: судятъ намѣстникъ и волостели или ихъ тіуны и посадскія власти совмѣстно съ протопопомъ съ братією или его приказчикомъ; но ни тѣ ни другіе не вступаютъ ни въ праваго, ни въ виноватаго противныхъ сторонъ, т. е. оправдываютъ или обвиняютъ каждый своихъ отвѣтчиковъ. Въ случаѣ иска на протопопа съ братією или на ихъ приказчикъ, судитъ ихъ самъ царь или его дворецкій. Если протопопъ съ братією и ихъ люди и крестьяне будутъ на комъ изъ мірскихъ искать или кто изъ мірскихъ будетъ искать на людяхъ церковныхъ и ихъ крестьянахъ, то назначается приставъ пѣвчій дьякъ Василій Потаповъ, который и отдаетъ отвѣтчиковъ на поруки и назначаетъ сроки стать предъ судомъ царскимъ. Кромѣ назначеннаго дьяка пристава Василя Потапова никому не ѣздитъ къ отвѣтчикамъ, ни сроковъ имъ не назначаютъ, ни освобождаютъ отъ суда. Запрещается людямъ боярскимъ, намѣстничьимъ и тіунимъ ѣздить незванными на пиры или на свадьбы къ людямъ церковнымъ. Въ случаѣ же если кто пріѣдетъ незванный на пиръ и будетъ высылаемъ вонъ, да не пойдетъ, а начнетъ насильно пить и причинитъ ущербъ хозяевамъ, то онъ долженъ безъ суда заплатить за убытокъ. Далѣе опредѣляется порядокъ совершенія браковъ.

Въ Костромѣ или въ Костромскомъ уѣздѣ и во всѣхъ станахъ (города, села и станы перечислены въ грешатѣ подробно) если будутъ жениться боярскія дѣти, боярскіе или городскіе люди и крестьяне мои (царскіе) и митрополичьи и владычни и боярскіе и монастырскіе, то они должны брать отъ протопопа о себѣ свѣ-

дѣнія и платитъ пошлины съ холостаго десять денегъ, а со вдовца два алтына. Если же какой игумень или священникъ къ Костромѣ или Костромскому уѣздѣ перевѣнчаетъ безъ документовъ отъ протопопа, или кто перевѣняется въ иномъ городѣ или уѣздѣ, то для суда надъ тѣмъ назначается приставъ дьякъ Василій Потановъ, который отдаетъ отвѣтчиковъ на поруки и ставитъ на судъ предъ городовыми приказчиками нашими. По доведеніи на кого либо со стороны протопопа съ братією, дьякъ взимаетъ съ того штрафъ рубль: полтину на царя и полтину протопопу съ братією.— По жалованной граматѣ Настасьину монастырю крестьянъ мірскихъ велѣно вѣнчать Ризположенскому священнику, заявивъ только десятильнику митрополичьему да соборному причту, но безъ документовъ, но кромѣ своихъ крестьянъ ему никого не вѣнчать. Въ Судиславлѣ преображенскому священнику вѣнчать своихъ прихожанъ безъ десятильничьяго или безъ протопопова увѣдомленія, взимая пошлины съ холостаго по алтыну и со вдовца по два алтына; пошлины эти отдавать митрополичьему десятильнику или Костромскому протопопу съ причтомъ. Также вѣнчаютъ своихъ прихожанъ и любимгородскіе и бугородскіе священники, заявивъ Костромскому протопопу и взимая пошлины съ холостаго по алтыну, а со вдовца по два алтына и эти пошлины отдають Костромскому пречистенскому протопопу съ братією. Если эти священники будутъ нарушать постановленія или не платитъ пошлины Костромскому протопопу, то для суда надъ ними назначенъ приставъ дьякъ Василій Потановъ, который взимаетъ съ отвѣтчиковъ штрафъ по рублю съ человѣка, на царя полтину и на Костромскаго протопопа съ братією полтину же по ихъ жалованной граматѣ.— Судебныя постановленія, заключающіяся въ этой граматѣ, составлены примѣнительно къ статьямъ судебниковъ Іоанна III и Іоанна IV-го. Какъ видно изъ дальнѣйшихъ граматъ, приведенная грамота переписывалась потомъ на имя царей Бориса Годунова и Василя Шуйскаго.

Костромской кафедральный соборъ съ окрестностями.

Ипатьевскій монастырь.